

Глава II. Боярство и Никонъ. Приготовленія къ суду надъ Никономъ.

Либеральная боярская партія, враждебная Никону въ его защитѣ правъ Церкви въ Государствѣ. — Бояре нуждаются въ слабомъ царѣ. — Совпаденіе интересовъ староцерковной и боярской либеральной партіи въ стремленіи свергнуть Никона. — Причины общаго характера боярской вражды къ Никону. Характеристика боярства XVI и XVII вѣка. — Боярская реакція послѣ Грознаго и узко-эгоистическая политика боярства. — Результаты эгоистической политики боярства въ половинѣ XVII вѣка, въ частности мѣстничества. — Вліяніе Никона на государственныя дѣла: пріостановка мѣстничества, война съ Польшей; участіе въ ней Никона. — Развитіе военныхъ дѣйствій съ Польшей, а потомъ со Швеціей. — Возобновленіе мѣстническихъ счетовъ послѣ ухода Никона и роковое вліяніе ихъ на войну. — Результаты столѣтней боярской реакціи Грозному. — Невознаградимость для царя потери Никона, какъ совѣтника и поддержки противъ бояръ. Стремленіе бояръ устранить отъ царя совѣтника, сильнаго умомъ и энергіей. Разногласія царя, съ Никономъ по церковнымъ вопросамъ въ 1657 г. — Бояре одинаково преслѣдуютъ гениальныхъ людей не своего круга, попавшихъ къ власти: Патріарха Никона и А. Л. Ордынъ-Нащокина. — Никонъ въ качествѣ государственнаго совѣтника сдерживалъ боярство, какъ раньше сдерживалъ его Грозный и Патріархъ Филаретъ, совѣтникъ Царя. Боярскія фамиліи, давшія главныхъ враговъ противъ Никона. Дворъ царя. Нравственныя качества враговъ Никона. — Причины боярской нелюбви къ Никону, заключавшіяся въ характерѣ Никона, а также изъ-за войнъ. — Перенесеніе въ Москву мощей Св. Филиппа, какъ средство борьбы съ духомъ вѣка и средство искупить вину царской власти передъ Митрополитомъ Филиппомъ. — Трудность Никоновскаго пути по созданію Святой Руси для бояръ, недуховно настроенныхъ. — Никоновскія требованія церковной самостоятельности задѣваютъ бояръ. Главная причина вражды къ Никону — боярову нуженъ слабый царь, послушный, а не дополняющій себя въ другой сильной личности. — Стремленіе Никона ввести церковность во всѣ жизненныя отношенія. Онъ начинаетъ съ царя. — Судьба Никона — судьба древнихъ еврейскихъ пророковъ. Неправильное пониманіе С. М. Соловьевымъ Никона и его идей. — Петръ I, какъ представитель идеи омірщенія Государства въ противоположность идеѣ оцерковленія. — Соловьевъ вѣрно опредѣлилъ психологическія причины разрыва Никона съ царемъ. — О причинахъ, послужившихъ къ спорамъ между царемъ и Никономъ; онъ въ области не государственной, а церковной: поставленіе Кіевского Митрополита въ 1657 г. — Средства борьбы бояръ противъ Никона. — Докуки Никону 1660-1663 г. отъ сосѣдей Сытина и Боборыкина. — Назначеніе комиссіи 23 декабря 1662 г. Собіраніе винъ на Никона къ Собору. — Лигаридъ. Его вопросы-отвѣты. — Вопросъ о томъ, какъ составить правила, по силѣ которыхъ обвинить Никона. Составленіе вопросовъ для отправки на Востокъ. — Бояре побуждаютъ старообрядцевъ составить петицію противъ Никона. — Неестественный союзъ бояръ, принявшихъ реформы Никона, съ расколоучителями противъ Никона. — Странники старообрядцевъ изъ боярства. — Развитіе раскола отъ пропаганды возвращеннаго Авакума. — Предупрежденіе въ 1663 г. о личности Лигарида, полученныя Никономъ. — Дѣятельность Лигарида въ высшемъ управленіи Русской Церкви. — Преслѣдованіе правительствомъ Никоновскихъ доброжелателей. — Попытка отдѣлаться отъ Никона посредствомъ постриженія его въ схиму. — Чего добивались бояре посылкой вопросовъ Восточнымъ Патріархамъ? Ихъ обвиненія затрагиваютъ не только Никона, но и царя. — Неистовствующая злоба бояръ, доказательства ея. — Обвиненіе Никона въ названіи Воскресенскаго монастыря Новымъ Іерусалимомъ. — Основная причина боярской злобы — не въ Никонѣ, въ самихъ боярахъ. — Составленіе вопросовъ Патріархамъ и способы получения отвѣтовъ. Посылка іеродіакона Мелетія на Востокъ. — Письмо Іерусалимскаго Патріарха Нектарія къ царю 20-III 1664 г. — Мнѣніе Константинопольскаго Патріарха Діонисія по Никоновскому дѣлу. — Мнѣніе Іерусалимскаго Патріарха Нектарія по дѣлу Никона. — Какъ подписали свитки Александрійскій и Антіохійскій Патріархи. — О незаконности суда надъ Никономъ съ точки зрѣнія его составленія. — Патріархи Александрійскій и Антіохійскій не могли представлять Константинопольскаго Патріарха Паренія и Іерусалимскаго Патріарха Нектарія. — Стремленіе Патріарховъ Александрійскаго и Антіохійскаго оправдаться передъ двумя другими Патріархами за судъ надъ Никономъ. — Патріархъ Нектарій Іерусалимскій возбуждаетъ дѣло о Лигаридѣ. — Кто былъ орудіемъ противъ Никона, и кто дѣйствительно его врагомъ. Смыслъ этой вражды. — Подробное разсмотрѣніе вопросовъ, посланныхъ Патріархамъ на Востокъ, и отвѣтовъ. — Глава I отвѣтовъ патріаршихъ свитковъ. — II глава отвѣтовъ патріаршихъ свитковъ. — III глава отвѣтовъ патріаршихъ свитковъ. — IV глава свитковъ и V-ая. — X, XI и XII главы отвѣтовъ патріаршихъ свитковъ. — XIII глава свитковъ — Глава XIV—XX патріаршихъ свитковъ. Гл. XIV. — Глава XV свитковъ. — Глава XVI свитковъ. — Глава XVII свитковъ. — Глава XVIII свитковъ — Глава XIX свитковъ. — Глава XX свитковъ. — Глава VII, VIII, XIX, XXI, XXII, XXIII свитковъ. — Глава VI свитковъ. — XXIV глава свитковъ. — Глава XXV свитковъ. — Вопросъ о наличности вины Никона рѣшается 30.XI 1666 г. въ его отсутствіе. — О троекратномъ приглашеніи Никона на судъ. — Ложное заявленіе Патріарховъ о наличіи у нихъ согласія Константинопольскаго и Іерусалимскаго Патріарховъ. — Чѣмъ руководились Патріархи въ сужденіи о дѣлѣ Никона. — Искусственныя мѣры, принятыя правительствомъ для освѣдомленія Патріарховъ о дѣлѣ Никона (по правительственнымъ источникамъ). — Въ чемъ обвиняли Никона на судѣ? — Практика Константинопольской Церкви въ отношеніи Іерарховъ, покинувшихъ каѳедру. — Обсужденіе Никоновскаго ухода на Соборѣ между

16 февр. и 23 апр. 1666 г. — Историческая справка разнаго вида объ уходахъ Патріарховъ и Епископовъ со своихъ престоловъ. Выводы. — Въ результатъ исторической справки для бояръ, чтобы окончательно отдѣлаться отъ Никона, нельзя было ограничиться однимъ оставленіемъ патріаршества съ его стороны.

Либеральная боярская партія враждебная Никону въ его защитѣ правъ Церкви въ государствѣ.

Въ вопросахъ общественнаго положенія Церкви и ея самостоятельности Никонъ отстаивалъ свои идеи, свои выношенные мысли, результаты своихъ собственныхъ размышленій надъ святоотеческими сочиненіями (Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, Іоанна Дамаскина), страдалъ за нихъ, отстаивалъ ихъ всей силой своей личности, предпочель удаленіе отъ дѣлъ какому либо компромиссу и здѣсь онъ наткнулся на духъ вѣка, на новыя вѣянія, которыя использовали въ свою пользу создавшееся съ половины XV вѣка засиліе государства надъ Церковью.

Если Государство — высшій творецъ всѣхъ отношеній и правъ, то оно по своему субъективному усмотрѣнію, не связанное никакими высшими нормами, можетъ ихъ пересоздавать и давать и Церкви ровно столько правъ, сколько само пожелаетъ. Изъ такой именно точки зрѣнія исходили бояре, которымъ претила Никоновская теорія о какихъ-то незыблемыхъ правахъ Церкви на свое законодательство, управление и судъ, о правахъ Церкви, хотя и данныхъ Государствомъ, но освященныхъ и канонизированныхъ шестивѣковой давностью. Имъ важенъ былъ интересъ ихъ сословія въ смыслѣ беспрепятственнаго управленія всѣмъ Государствомъ — прежде всего осуществить вліяніе на царя черезъ Боярскую Думу. Учрежденіе это включало и потомковъ нѣкогда самостоятельныхъ княжескихъ родовъ, которые въ участіи въ Думѣ видѣли компенсацию за утрату своей политической самостоятельности, включало и старое Московское боярство и вновь выслуживающихся при царяхъ лицъ, и лицъ, просто породнившихся съ царями черезъ ихъ браки на подданныхъ. Всѣ эти лица ревниво оберегали возможность своего вліянія на царскую власть, и, конечно, дружба Царя съ такимъ сильнымъ человѣкомъ, какъ Никонъ, дружба, восполнившая качества Никона недостатки Царя, какъ правителя, была слишкомъ непріятна для боярства.

Бояре нуждаются въ слабомъ царѣ.

Боярству нуженъ слабый царь, когда оно могло бы проявлять свою власть беспрепятственно: недаромъ число членовъ Боярской Думы такъ сильно увеличивается при слабыхъ царяхъ-обоихъ Θεодорахъ, а въ малолѣтство Іоанна Грознаго и при юности Алексѣя

Михайловича установилось боярское засиліе, приведшее при Грозномъ къ расправѣ царя надъ боярами, а при Алексѣѣ Михайловичѣ къ народному бунту 1648 года, вновь повторившемуся въ 1662 году изъ-за неумѣнія бояръ справиться съ финансовымъ положеніемъ Государства, сопровождавшимся взяточничествомъ и несправедливостью къ слабымъ. Чего добивалось боярство при слабомъ царѣ, иллюстрируетъ боярскій проектъ 1681 года, раздѣлившій Россію на рядъ наслѣдственныхъ намѣстничествъ съ боярскими фамиліями во главѣ. Это было бы возвращеніе Россіи къ удѣльнымъ временамъ и обезсиленіе ея, на подобіе Польши. Уже Царь Ѳеодоръ подписалъ проектъ, и лишь Патріархъ Іоакимъ отказалъ въ своей подписи и убѣдилъ царя его взять обратно. Мы познакомились съ идеями Никона, и чтобы отыскать причины вражды боярства противъ него, мы должны уяснить, чѣмъ еще Никонъ отталкивалъ боярство, находившееся вокругъ царя въ качествѣ его сотрудниковъ по управленію.

Совпаденіе интересовъ староцерковной и боярской либеральной партіи въ стремленіи свергнуть Никона.

Мы говорили, что противъ Никона стояла въ Церкви старообрядческая партія, которая раздѣляла съ Никономъ основное убѣжденіе, воспитанное Церковью и живое въ народѣ, о первенствѣ церковныхъ интересовъ передъ государственными и налагавшее на царя и на Государство обязанность проникаться ими; эта партія хотѣла уничтоженія реформъ Никона и его сверженія; ради этого въ особенности она выдвигала на первое мѣсто и въ чисто церковныхъ дѣлахъ царя; въ этомъ она сходилась съ представителями боярской либеральной партіи, которая усвоила цезарепапистскія идеи, съ которыми боролся Никонъ, и также добивалась сначала низверженія Никона изъ состава государевыхъ совѣтниковъ, потомъ съ патріаршаго престола, затѣмъ его заточенія, ссылки и созданія условій, при которыхъ Никонъ не могъ бы быть возвращенъ изъ ссылки. Эта партія принимала Никоновскія реформы въ Церкви, но не допускала никакой реформы церковно-государственныхъ отношеній, установленныхъ Уложеніемъ. Пока Никонъ не былъ низложенъ, обѣ партіи нерѣдко сходились на общей задачѣ свалить Никона. Однимъ это нужно было для аннулированія его церковныхъ реформъ, а другимъ для устраненія государева совѣтника, который занималъ мѣсто, расчитанное ими для себя. Цезарепапистскія идеи не были для боярства чѣмъ то самостоятельно выношеннымъ и взлелѣяннымъ, а были даны Лигаридомъ, пріѣхавшимъ въ Москву въ апрѣлѣ 1662 года и дав-

шимъ идейную опору въ борьбѣ противъ Никона, и при томъ такую опору, которая при извѣстныхъ условіяхъ могла расположить въ свою пользу и царя, возвеличивая его власть до неограниченныхъ предѣловъ: это — обычный пріемъ лести. Они старались внушить царю, что Никонъ стремится захватить власть, что царя уже не слышно, бояться де только Патріарха Никона, что царю остается только предоставить Никону Москву, какъ предоставилъ Константинъ Великій Римъ Римскому папѣ Сильвестру, и такіе навѣты дѣйствовали постепенно на царя, особенно когда онъ, возмужалый послѣ 2 ½ лѣтняго участія въ войнѣ, гдѣ привыкъ уже къ извѣстной самостоятельности, вернулся въ Москву. Мы увидимъ въ послѣдствіи, что бояре не щадили косвенно и царя въ обвиненіи противъ Никона, но важно опредѣлить, чѣмъ собственно такъ отвратенъ былъ для бояръ Никонъ. Надо вникнуть въ психологію боярства. Не видно, чтобы оно дѣлало это изъ приверженности какой либо идеѣ; даже цезарепапизмъ былъ только орудіемъ для него въ борьбѣ съ Никономъ, даннымъ ему въ руки Лигаридомъ: до его пріѣзда не слышно было такихъ обвиненій на Никона, и обвиняли его до этого времени только въ оставленіи каѳедры, искусственно истолковывая его удаленіе, какъ отреченіе.

Причины общаго характера боярской вражды къ Никону. Характеристика боярства XVI и XVII вѣка.

Изслѣдователь политическаго значенія боярства за періодъ отъ Грознаго до XVIII вѣка, Бѣловъ, отмѣчаетъ основныя черты боярства, которыя и поясняютъ намъ, почему такой представитель чисто русскаго народнаго міросозерцанія съ его идеалами правды и святости, какимъ былъ Никонъ и въ своемъ ученіи и въ своей жизни, былъ для нихъ непріемлемъ, и настолько непріемлемъ, что съ 1657 года, когда они почувствовали, что имъ удастся внушить царю къ Никону нерасположеніе, почти до самой смерти Никона въ 1681 г., они работаютъ надъ созданіемъ невозможности для Никона сблизиться съ царемъ, сначала съ Алексѣемъ Михайловичемъ, потомъ съ его сыномъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ. Никонъ, вѣдь, не несъ съ собой никакой реформы государственнаго переустройства, которая затрагивала бы положеніе боярства; онъ только отстаивалъ самостоятельность каноническаго управленія Церкви и ея освященныя давностью права. Никонъ, правда, добился пріостановки дѣйствій Уложенія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, именно въ вопросѣ о церковномъ судѣ, вліялъ на Царя въ смыслѣ разсылокъ указовъ воеводамъ о

примѣненіи Кормчей вмѣсто Уложенія въ уголовныхъ дѣлахъ. Этого, однако, было бы недостаточно для такой ожесточенной ненависти бояръ противъ Никона. Были другія причины болѣе общаго характера. **Это недовольство боярства, что человекъ не ихъ среды всталъ около царя, что такая талантливая личность затѣняетъ боярство.** Бѣловъ представляетъ намъ боярство на протяженіи послѣднихъ 150 лѣтъ своего существованія до Никона, какъ классъ людей, лишенныхъ какого-либо идейнаго творчества. Вся энергія его уходила на сохраненіе за собой власти и на проведеніе чисто эгоистической классовой политики. Единственнымъ интересомъ этого боярства было соблюденіе мѣстничества, т. е. взаимныхъ родовыхъ счетовъ. Мудрая политика Грознаго, казнившаго оппозиціонное новому Московскому строю боярство, утвердила царскую власть. Въ боярствѣ XVI и XVII вѣка были разные слои: и потомки бывшихъ удѣльныхъ князей, и старинное Московское боярство, и люди новые, выслужившіеся, для которыхъ, какъ мы видѣли, въ Боярской Думѣ былъ особый чинъ думнаго дворянина. Введеніемъ новыхъ людей въ Боярскую Думу Грозный подорвалъ значеніе этого боярства. Онъ потрясъ его и опричниной, не столько даже казнями, сколько тѣмъ, что въ опричнину онъ бралъ земли, бывшія опорой титулованнаго боярства, и заселялъ ихъ новыми людьми, не имѣвшими на данномъ мѣстѣ историческихъ корней и преданій, переселяя старыя фамиліи съ своихъ на сиженныхъ вѣками гнѣздъ на новыя мѣста.

Боярская реакція послѣ Грознаго и узко эгоистическая политика боярства.

Результаты этого дѣла не могли быть уничтожены ни смутой, ни столѣтней реакціей дѣлу Грознаго со стороны бояръ; однако, эта реакція обнаружила историческое стремленіе этого класса, который дѣлалъ много злого для народа и Государства. Карамзинъ, смягчающій вообще бояръ, пишетъ: „Бояринъ Андрей Михайловичъ Шуйскій при Грозномъ и князь Василій Рѣпнинъ Оболенскій, будучи намѣстниками въ Псковѣ свирѣпствовали какъ львы, по выраженію современниковъ: не только угнетали земледѣльцевъ, гражданъ незаконными налогами, но вымышляли преступленія, ободряли ложныхъ доносителей, возобновляли дѣла старыя, требовали даровъ отъ богатыхъ, безденежной работы отъ бѣдныхъ и въ самыхъ св. обителяхъ искали добычи съ лютостью монгольскихъ хищниковъ.“ **Бояре сдѣлали все, чтобы погубить свои притязанія быть наслѣдственными совѣтниками государя.** Вышеуказанное

поведеніе боярства, большинство коего было на сторонѣ Шуйскихъ, и вызвало кровавыя мѣры Грознаго, какъ отвѣтъ на узкую эгоистическую политику. Курбскій жаловался на своеволие одного, но бояре этому противопоставляли совершенно безыдейное самовластіе многихъ. Заговоръ Шуйскихъ въ малолѣтство Грознаго противъ Бѣльскихъ и Митрополита Юасафа имѣлъ цѣлью дать торжество боярамъ намѣстникамъ и удержать олигархію. Грозный впослѣдствіи поддерживалъ Бѣльскихъ (Гедиминовичи), вносившихъ умиротвореніе въ народъ. Борьба Шуйскихъ съ Бѣльскими — борьба потомковъ Александра Невскаго съ Гедиминовичами; устраненіе старобоярскихъ Московскихъ фамилій во главѣ съ Юрьевыми-Захарьиными, устраненіе родственниковъ царя по матери князей Глинскихъ татарскаго происхожденія — все это было лишь родословные счеты, на которыхъ держались всѣ отношенія высшихъ слоевъ боярства. Въ смутное время борьба шла за престоль по тѣмъ же родословнымъ счетамъ, а позже опустилась въ другую плоскость, борьбу за мѣста на государевой службѣ. Безыдейность и эгоистичность боярства сказывались во всѣхъ его выступленіяхъ, какъ класса.

При избраніи на престоль Шуйскаго бояре брали запись отъ царя, что онъ не будетъ представителей боярскихъ родовъ безъ суда казнить смертью. Боярство оговаривало только свои права. Съ Михаила Ѳеодоровича взяли по преданію запись: „Не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими никого смерти не предавать и не наказывать вкупѣ съ преступникомъ его родственниковъ". Объ этой записи писали Котошихинъ и Татищевъ. Но въ царствованіи Михаила бояръ держалъ въ рукахъ отецъ царя, помогавшій ему въ государственномъ управленіи, какъ позже Никонъ Алексѣю Михайловичу. На отношеніе его къ боярамъ указываетъ одинъ хронографъ, памятникъ XVIII вѣка.

„Сей убо Филареть Московскій и вся Руси возрасту и сана былъ средняго, Божественныя писанія отчасти разумѣлъ; нравомъ опальчивъ и мнителень, а владѣтеленъ таковъ былъ, яко и самому царю бояться его; бояръ же и всякаго чина царскаго синклита зѣло томляше заточеньями необратными и иными наказаньями, до духовнаго же чину милостивъ былъ и не сребролюбивъ, всякими же царскими дѣлами и ратными владѣлъ, а въ грамотахъ и челобитныхъ имя его писали съ „вичемъ". Филареть дѣйствовалъ именемъ сына и вмѣсто смерти казнилъ заточеньями. Исключеніемъ было дѣло Шей-

на, но его казнили въ порывѣ ненависти бояре, разрывая этой казнью льготы своему сословію."

Отъ вновь избираемаго польскаго королевича требовали такого закрѣпощенія народа, о которомъ и не думалъ Годуновъ. Въ условіяхъ ему уже не думали о возвышеніи людей по заслугамъ и объ условіяхъ свободныхъ поѣздокъ за границу, а только о томъ, чтобы „Московскихъ княжескихъ и боярскихъ родовъ пріѣзжими иноземцами въ чести не понижать." **Вся жизнь Государства для нихъ въ томъ, чтобы не понижались боярскіе роды: для этого было одно средство — никого не допускать на свою высоту: но эта традиція, такой способъ охраны своего значенія, и низвела значеніе боярства къ концу XVII вѣка до нуля.** Самый фактъ предпочтенія боярствомъ польскаго королевича кандидату, указанному Патріархомъ Гермогеномъ (Михаилу Романову), объясняется родословной гордостью, чтобы не подчиниться потомку отравленной боярами ненавистной имъ царицы Анастасіи, жены Грознаго. Расхожденіе боярской и народной точки зрѣнія на власть опредѣлилось тогда же въ этомъ вопросѣ. Народъ вспоминалъ царицу Анастасію почти какъ святую страданицу отъ боярь, и возвелъ ради нея домъ Романовыхъ надъ князьями дома Св. Владиміра и дома Гедимины (Голицыны), а боярскій кандидатъ Владиславъ былъ ненавистенъ и для народа и для Патріарха Гермогена. Силой вещей бояре, выставившіе самозванцевъ игрой имени Грознаго царя, въ концѣ концовъ принуждены были смириться передъ этимъ именемъ и просить внучатнаго племянника той царицы Анастасіи, сына которой они хотѣли отстранить отъ престола въ пользу своего князя Владиміра Андреевича. Сломленное въ результатѣ смуты народнымъ сознаниемъ, призвавшимъ въ результатѣ крѣпкой народной думы на престоль представителя фамиліи **боярской но не титулованной, русское боярство окончѣло окончательно въ политической классовой политикѣ послѣ отчаянныхъ попытокъ въ смуту вернуть утраченное положеніе.** Въ концѣ XVII в. „бояринъ" уже означаетъ только чинъ, и окончательное паденіе боярства было плодомъ его внутренней безсодержательности которой можно противопоставить развѣ политическую зрѣлость и постоянную неусыпную заботливость объ интересахъ Государства, а не касты, аристократіи англійской, не отстававшей въ своемъ политическомъ развитіи отъ развитія государства. Безопасность Государства и народа ставилась въ зависимость отъ каприза боярь и при Грозномъ, когда царь выну-

ждень былъ назначить вождемъ сторожевыхъ полковъ князя Ивана Андреевича Шуйскаго, который вмѣстѣ съ княземъ Мстиславскимъ и навели на Москву хана въ 1571 г. Какъ первые князья Рюриковичи въ междуусобныхъ смутахъ наводили половцевъ, такъ потомки Александра Невскаго Шуйскіе наводили татаръ, ставя свое „я" выше всего. Съ молокомъ матери бояре впитывали презрительное отношеніе къ народу, и потомство удѣльныхъ князей и **бояръ въ этомъ презрѣніи къ народу натолкнулось на Грознаго — выразителя народныхъ думъ и чаяній, поставившаго санъ царя на незыблемую нравственную высоту выразителя религіозно нравственнаго сознанія православнаго народа**, власть, принципиально отличающуюся отъ власти всѣхъ другихъ князей, какъ Богомъ освященную и призванную вести народъ къ спасенію подѣ осѣненіемъ Церкви и ея законовъ.

Результаты эгоистической политики боярства въ половинѣ XVII вѣка, въ частности мѣстничества.

То же поставленіе своего „я" выше государственныхъ интересовъ было и при Алексѣѣ Михайловичѣ. Бунты 1648 г. и 1662 — плоды дѣятельности Морозовыхъ, Милославскихъ, которые съ приобщеніемъ къ боярству и власти восприняли цѣликомъ традиціи прежняго боярства по хищничеству, казнокрадству, исключительному эгоизму съ забвеніемъ государственныхъ интересовъ. А мѣстничество показало свои плоды въ Польской войнѣ послѣ ухода Никона.

Царь Θεодоръ Алексѣевичъ на Соборѣ 12 января 1682 года говорилъ объ этомъ времени такъ (Павловъ Сильванскій „Государевы служилые люди", стр. 160): „При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ его государскихъ походахъ во время войны съ Польшей и Швеціей всѣ чины были безмѣстны же и во время того безмѣстія, при помощи Божіей славныя надѣ непріателемъ побѣды учинилися. А которые бояре презрѣвъ его государское повелѣніе, вчинали тогда мѣста и тѣмъ чинено наказаніе и разореніе отнятіемъ помѣстій и вотчинъ. Въ послѣдующихъ же походахъ между бояры и воеводы, для случаевъ отечества ихъ многія быша несогласія и ратнымъ людямъ тѣснота и оттого ихъ несогласія многій упадокъ разнымъ людямъ учинился, а именно подѣ Конотопомъ и подѣ Чудновымъ и въ иныхъ многихъ мѣстахъ."

Вліяніє Никона на государственныя дѣла: пріостановка мѣстничества, война съ Польшей; участіе въ ней Никона.

Характерно, что въ началѣ войны съ Польшей мѣстничество было пріостановлено спеціально для этой войны, и, когда Царь говорилъ рѣчь въ Успенскомъ Соборѣ 23. X. 1653 (Сол. X. 304), то онъ сказалъ: „Мы, Великій Государь, положи упованіе на Бога и на Пресвятую Богородицу изъ Московскихъ чудотворцевъ, **посоветовавшись съ отцомъ своимъ съ великимъ государемъ, святымъ Никономъ Патріархомъ, со всѣмъ Освященнымъ Соборомъ** и окольными и думными людьми переговорили, и изволили идти на недруга своего, Польскаго короля, **воеводамъ и ратнымъ людямъ быть на нынѣшней службѣ безъ мѣсть, и этотъ нашъ указъ мы велѣли записать въ разрядную книгу и закрѣпили своей государственной рукой**". Невозможно не думать, что въ этомъ постановленіи о пріостановкѣ мѣстничества сказалось вліяніе Никона, который, хотя еще не былъ въ это время государственнымъ регентомъ, но все же былъ главнымъ совѣтникомъ Царя во всѣхъ дѣлахъ, по общему признанію и современниковъ и историковъ, и безъ него не дѣлалось никакого важнаго дѣла. Самая война съ Польшей была рѣшена подъ его вліяніемъ, и имъ поддерживалось стремленіе освободить православную Малороссію отъ польской власти, и самъ Богданъ Хмѣльницкій, зная объ этомъ вліяніи Никона, посылалъ къ Царю въ 1653 г. пословъ Бырляя и Мужиловскаго съ грамотами о просьбѣ ходатайствовать передъ Царемъ не только къ боярамъ Морозову и Милославскому, но и къ Патріарху Никону (Сол. X., 264). У Соловьева есть свѣдѣнія на основаніи первоисточниковъ, что Никонъ принималъ живое участіе въ войнѣ. Такъ 25. V. 1656 Никонъ писалъ Царю, что къ Потемкину отправлены донскіе казаки, которыхъ онъ благословилъ идти на Стокгольмъ и въ другія мѣста. 9. VII. 1655 г. Никонъ давалъ Царю совѣтъ не вступать въ сношеніе съ литовскимъ гетманомъ Радзивилломъ, предавшимся въ подданство шведскому королю (X. 339).

Развитіе военныхъ дѣйствій съ Польшей, а потомъ съ Швеціей.

Никонъ благословилъ царя въ письмѣ писаться Великимъ Княземъ Литовскимъ, ибо были завоеваны Литовскіе города; это былъ разгаръ успѣховъ въ войнѣ съ Польшей, когда послѣдняя оказалась на краю гибели и заключила съ Россіей Виленскій договоръ 24 окт. 1656 г., по которому самый Польскій престоль по смерти короля Казимира переходилъ къ царю Алексѣю Михайловичу; по Виленско-

му договору установленъ рядъ необыкновенно благопріятныхъ для Россіи условій: Бѣлорусскіе и Малорусскіе города отходили къ Россіи. Въ польскихъ областяхъ устанавливалась по договору полная свобода богослуженія для православныхъ: унія подлежала искорененію, Россія и Польша впредь до окончательнаго соединенія обязывались не заключать мира и не вступать въ войну безъ общаго согласія (Въ первый походъ были взяты Смоленскъ, Могилевъ, Полоцкъ и Витебскъ; во второй безъ боя взяты Минскъ, Гродно, Пинскъ, Вильно, все Литовское княжество. Хмѣльницкій дошелъ до Люблина; у Польши были отобраны не только Литовскіе города, но и Бѣлорусскіе, а на югѣ русскіе уже осаждали Львовъ).

Послѣдующія событія привели, однако, къ войнѣ со Швеціей, ибо шведскій король Карлъ X, пользуясь критическимъ положеніемъ Польши, вторгся въ нее и завладѣлъ всей Великой Польшей, и простеръ свое вниманіе на области, уже завоеванныя русскими, въ томъ числѣ и на Литву. Несмотря на требованіе русскаго правительства не затрагивать русскихъ завоеваній, Шведскій король не уступалъ, и весной 1656 г. началась вынужденная война со Швеціей, которая привела къ пораженію русскихъ подъ Ригой въ октябрѣ того же года и къ пріостановкѣ Шведской войны, вплоть до заключенія 3 лѣтняго перемирія 1658 г. И безрезультатнаго міра съ Швеціей въ 1661 г.

Никонъ надѣялся въ этой войнѣ отобрать у Швеціи Ингрію и Карелію, населенныя православными, и вообще русскіе города, потерянные въ связи со смутой (По Столбовскому договору 1616 г. Москва отказалась отъ притязаній на Ливонію и Карелію; Швеція возвращала Москвѣ Новгородъ, но оставляла за собой Ивангородъ, Копорье, Ямъ, Орѣшекъ, Ингрію). Съ Польшей же положеніе было регулировано передъ тѣмъ Поляновскимъ миромъ 17 мая 1634 г., **по которому Россія уступала Польшѣ всѣ города, отданные по Деулинскому перемирію въ 1618 г.**, когда Польша взяла себѣ за Филарета и Шеина Смоленскъ, Дорогобужъ, Рославль, Черниговъ, Стародубъ, Новгородъ Сѣверскій, Трубчевскъ, Себежъ, Невель.

Въ отношеніи Шведскихъ плановъ Никонъ былъ единомышленникомъ Ордынъ-Нащокина послѣ разрѣшенія вопросовъ съ Польшей въ 1656 году. Но въ виду пробужденія національнаго духа въ Польшѣ, отобравшей уже у Шведскаго короля его завоеванія, и измѣны Выговскаго, переведшаго въ 1659 году (Гадячскій договоръ 6 сент. 1659 г.) Малороссію снова на сторону Польши, возникла

опять война съ Польшей, продолжавшаяся до Андрусовскаго перемирія 1667 г.

Возобновленіе мѣстническихъ счетовъ послѣ ухода Никона и роковое вліяніе ихъ на войну.

Весьма характерно, что съ уходомъ Никона начались самыя яростныя мѣстническіе счеты между боярами, командовавшими войсками, которые привели къ ряду пораженій и позволили заключить войну далеко не на тѣхъ условіяхъ, которыя были заключены въ Вильнѣ въ 1656 г. Пришлось отказаться и отъ Бѣлоруссіи и отъ правобережной Украины, и, если дѣла не привели къ худшему, то только потому, что сама Польша была уже была потрясена до основанія и первоначальными неудачами въ войнѣ, въ виду явнаго сочувствія къ Россіи населенія Бѣлорусскихъ и Литовскихъ областей, и внутренними междуусобіями (возстаніе Любомірскаго), и турецкой угрозой черезъ гетмана Дорошенко.

Интересно видѣть, къ чему привело начавшееся разнузданное мѣстничество бояръ. Подъ вліяніемъ этихъ пораженій Россія принуждена была заключить 21 іюня 1661 г. съ Швеціей невыгодный миръ, уступавшій Швеціи города, отходившіе къ Россіи по перемирію 1658 года. Пораженія эти велики. Пользуясь несогласіями между Трубецкимъ и Ромодановскимъ, разбивъ перваго подъ Конотопомъ въ 1659 г. 28, VI, а втораго подъ Нѣжиномъ, Чарнецкій разбилъ князя Хованскаго осенью 1660 г. подъ Слонимомъ, а потомъ Долгорукаго, въ томъ же году, вернувъ всю Литву отъ русскихъ. Осенью 1661 г., послѣ пораженія Хованскаго и Нащокина, потеряны были Гродно, Могилевъ и Вильно. Шереметевъ былъ окруженъ на Волыни подъ Чудновымъ осенью 1660 года и сдался въ плѣнъ съ огромной 100,000 арміей; изъ Крымскаго плѣна онъ во всемъ обвинялъ Барятинскаго, что онъ, не дойдя до него съ помощью, поворотилъ назадъ и занимался грабежомъ (XI, 106); тогда то измѣнилъ и Юрій Хмѣльницкій, сынъ Богдана. Остававшіеся въ Малороссіи воеводы ссорились другъ съ другомъ (XI, 107). Чаадаевскій воевода билъ челомъ на князя Юрія Барятинскаго, что онъ ходитъ только для своей корысти, пишетъ ложныя доклады о своихъ сраженіяхъ, а съ нимъ не совѣтуется. Въ печальномъ платѣ послѣ пораженія Трубецкаго вышелъ Царь къ народу, и ужасъ напалъ на Москву. У русскаго Царя не оказалось воеводъ, равныхъ по талантамъ Чарнецкимъ, Любомірскимъ и Вишневецкимъ, **ибо таланты эти никакъ не могли проявляться при мѣстнической системѣ.** О какомъ успѣхѣ можно было думать, когда

происходили такія явленія, о которыхъ говорится въ челобитной мѣстныхъ жителей, по которымъ проходили войска князя Урусова и Барятинскаго. Вотъ что писали новгородскіе дворяне и дѣти боярскіе: „Воевода Урусовъ мститъ прежнюю недружбу, ибо они били челомъ на него Царю Михаилу Ѳеодоровичу, и тотъ мститъ за Новгородскую недружбу. Узнавъ, что у кого-нибудь есть плѣнники, воевода присылалъ друзей со стрѣльцами, выбиралъ лучшихъ дѣвиць и женщинъ, бралъ къ себѣ силой и, подержавъ у себя, отсылалъ въ Великіе Луки на государственныхъ подводахъ. Посылалъ головъ сотнями за лошадьми и часть приведенныхъ лошадей взялъ себѣ, другихъ роздалъ тѣмъ, къ кому добръ, остальныхъ послалъ государю въ Вильно. Идучи дорогой, заставлялъ служилыхъ людей ловить рыбу изъ прудовъ, выпустивъ воду, приказалъ идти подъ Брестъ наскоро съ вьюками, а дорогой свои и конскіе кормы и людей въ плѣнъ брать. Они дворяне, услыхавъ государеву милость, забыли свои великія нужды и безпокойства, на государеву службу пошли съ радостью, но, какъ только перешли рѣку Нѣманъ, Урусовъ и Барятинскій запретили имъ подъ смертной казною брать что либо у жителей, а сами воеводы въ благочестивыхъ христіанскихъ церквахъ, въ костелахъ по мѣстечкамъ въ нашихъ мѣстностяхъ, въ мѣщанскихъ дворахъ всякую казну грабили, колокола, лошадей, кареты, органы, и, отягчаясь добычей, шли подъ Брестъ очень медленно, а ихъ поморили голодной смертью" (X, Сол. 332-334). Урусовъ не по нуждѣ въ постные дни ѣлъ мясо, и духъ безчестиль, называлъ не слугами и небойцами, а на самомъ у Бреста и сабли не было, въ Верховичахъ испугавшись пушечной стрѣльбы, съ боя уѣхалъ и государево знамя съ собой увезъ" (Сол. X, 335).

Хотя эта война нанесла окончательный ударъ Польшѣ, отъ котораго она никогда вполнѣ не оправилась, и самъ Польскій король въ засѣданіи Сейма 4 іюля 1661 г. за 100 лѣтъ предсказалъ ея раздѣлъ, однако, относительный успѣхъ войны для русскихъ при невѣроятной продолжительности войны (13 лѣтъ) и огромныхъ потеряхъ былъ обязанъ не качествамъ боевой мощи, а безсилію Польши при ея внутреннихъ неурядицахъ.

Результаты столѣтней боярской реакціи Грозному.

Говоря о пораженіяхъ 1660 г., изслѣдователь русскаго боярства Бѣловъ пишетъ: „Вотъ, къ чему привела столѣтняя боярская реакція мѣрамъ Грознаго, направленнымъ къ тому, чтобы

оцѣнивать человекѣ не по породѣ, а по заслугамъ. **Свое же дѣло боярство довело до тихой, незамѣченной исторіей кончины родословной Боярской Думы.** Была неизбежна крутая реформа сверху, вслѣдствіе отсутствія всякой способности въ обществѣ къ самопомощи. Петръ явился на призывъ исторіи. Когда въ ноябрѣ 1681 г. уничтожалось мѣстничество, то въ самомъ актѣ объ этомъ упоминалось о Конотопскомъ и Чудновскомъ поражении, какъ слѣдствіи этой системы управленія" (Пальмеръ V, 909 Прим.) Для такой реформы (Боярская Дума кончилась въ 1711 г.), не достаточенъ былъ уже Государственный регентъ, который могъ быть устраненъ интригами бояръ, если самъ Царь не сознавалъ, что его борьба должна быть направлена на бояръ, а не на своего совѣтника, своей волей и внутренней силой восполнившаго слабаго волей Царя и указывавшаго ему его призваніе, какъ православнаго Царя, — быть въ своей дѣятельности выразителемъ религіозно-національныхъ интересовъ своего народа и во внутренней и во внѣшней политикѣ.

Невознаградимость для царя потери Никона, какъ совѣтника и поддержки противъ бояръ.

Никонъ помогаль Царю и идейно и непосредственно въ жизни. Когда Никонъ былъ регентомъ, царь могъ самъ быть на войнѣ, и его приказы должны были исполняться безъ ссылокъ на мѣстничество, и такое послушаніе не могло и въ будущемъ повредить слушающемуся. „Самъ Соловьевъ, — пишетъ Пальмеръ (V, 909), замѣчаетъ, при всемъ его порицаніи Никона, что ничто не было болѣе невыгодно для Царя чѣмъ то, что разрывъ его съ Никономъ разбилъ его вниманіе какъ разъ въ то время, когда иностранныя дѣла требовали всего его вниманія и дѣятельности, и дѣлалъ невозможнымъ для него отъѣздъ изъ Москвы. Нѣтъ сомнѣнія, что неприятно правителю, лично не лишенному способностей, быть затемненнымъ высшей способностью и силой характера одного изъ своихъ слугъ; если бы былъ человекъ Никоновскаго характера и способностей среди бояръ, было бы трудно для Царя дѣлать его своимъ личнымъ другомъ или пользоваться такъ свободно его способностями, какъ использовалъ царь Алексѣй способности Никона въ теченіе 3-лѣтъ. Но то обстоятельство, что Никонъ былъ духовный и предстоятель Церкви, и дѣлало всю разницу. Пока онъ не покушался на присваиваніе себѣ свѣтской чести или власти или функцій, чего Никонъ никогда и не дѣлалъ, Царь могъ пользоваться совѣтомъ или службой того, кто по возрасту и положенію былъ ему какъ отецъ, безъ всякаго основанія быть завист-

ливымъ или ревнивымъ къ его духовнымъ превосходствамъ" (Пальм. V, 910). „И если Алексѣй въ теченіе послѣднихъ 18 лѣтъ своей жизни чувствовалъ часто, насколько онъ самъ былъ себѣ врагъ, лишаясь службы Никона для дѣлъ своего семейства, своего Двора и своего управленія, то это еще болѣе чувствовалось имъ, когда онъ неожиданно, не доживъ до 47 лѣтъ, оказался пораженнымъ смертельной болѣзью. Его сынъ долженъ былъ управлять подъ опекой бояръ, а царь Алексѣй Михайловичъ не могъ съ сожалѣніемъ не чувствовать, умирая, насколько положеніе его семьи было бы другое, если бы его духовный отецъ и другъ былъ въ томъ же рангѣ и власти, какъ въ 1654 и 1655 г., когда онъ спасъ всю его семью отъ чумы.

Вѣроятно, онъ не сталъ бы тогда завидовать, если бы могъ воскресить прошлое по желанію и дать снова Никону титуль Великаго Государя".

Стремленіе бояръ устранить отъ Царя совѣтника, сильнаго умомъ и энергіей.

Бояре во время сумѣли устранить отъ Царя сильнаго умомъ и волей совѣтника и уготовить путь къ своему безпрепятственному своеволю, бывшему путеводной нитью и стимуломъ всей ихъ политики еще при Грозномъ. Никонъ отдавалъ свои силы и на служеніе государству, въ качествѣ совѣтника государева, но ни откуда не видно, чтобы Никонъ видѣлъ въ этой службѣ Царю неразрывную принадлежность своего сана: ни разу ни въ одномъ изъ разговоровъ, дошедшихъ до насъ, ни въ одномъ письмѣ или сочиненіи Никонъ объ этомъ не упомянулъ, а, если бы это было, то многочисленные враги его непременно оставили бы объ этомъ память, ибо они всегда изощрялись во всевозможныхъ обвиненіяхъ на Никона, въ которыхъ онъ въ послѣдствіи оказывался совершенно непричастнымъ.

Разногласія Царя съ Никономъ въ 1656, 1657 г. по церковнымъ вопросамъ.

Но до насъ дошли факты его разногласія съ царемъ, начавшагося съ 1656 г., и всѣ эти разногласія относились къ чисто церковнымъ вопросамъ, въ которыхъ Никонъ отстаивалъ свою компетенцію. До насъ дошло столкновеніе Никона съ Царемъ по вопросу о водоосвященіи 5 января 1656 г., а также столкновеніе въ 1657 г. по поводу назначенія въ Кіевъ епископа на мѣсто умершаго митрополита Сильвестра Коссова. Мы скажемъ о нихъ послѣ, а пока — о боярахъ.

Бояре одинаково преслѣдуютъ геніальныхъ людей не своего круга, попавшихъ къ власти: Патріарха Никона, А. Л. Ордынъ-Нащокина.

Они считали себя прирожденными совѣтниками Царя. Для нихъ Никонъ былъ человѣкъ изъ народа, сынъ крестьянина, выскочка, и потому неприемлемъ такъ же, какъ неприемлемы были у власти люди не ихъ круга. Извѣстно, сколько пришлось потерпѣть талантливѣйшему дѣятелю этого царствованія, боярину Афанасію Лаврентьевичу Ордынъ-Нащокину, не отличавшемуся породой. На него роптали бояре за то, что Алексѣй Михайловичъ сталъ съ нимъ часто совѣщаться. Князь Хованскій, бывший послѣ него въ Псковѣ воеводой, разрушилъ введенное имъ самоуправленіе, которое было неприятно боярамъ, „Воеводамъ де нечего дѣлать, все въ Псковѣ мужики дѣлають“, т. е. просто воеводамъ нельзя было брать взятки. Эти воеводы были обычно изъ бояръ или подъ покровительствомъ бояръ. „Если бы я отъ міра былъ, міръ свое любилъ бы“, писалъ Ордынъ-Нащокинъ царю, жалуясь на общее къ себѣ недоброжелательство. „Думнымъ людямъ противно слушать его донесенія и совѣты, потому что они не видятъ стези правды, и сердце ихъ одебелѣло завистью“. Злая иронія звучитъ въ его словахъ, когда онъ пишетъ Царю о нравственномъ превосходствѣ знати сравнительно съ своей художественной особой. „Думнымъ людямъ никому не надобенъ я, надобны такія великія государственныя дѣла... У такихъ дѣлъ пристойно быть изъ ближнихъ бояръ: и родъ великій, и друзей много во всемъ пространнѣйшій смыслъ имѣютъ и жить умѣютъ; отдаю тебѣ, великому Государю, мое кратное цѣлованіе, за собой держать не смѣю по недостатку умишки моего“ (Ключевскій, Курсъ III, 438). Судьба Нащокина напоминаетъ нѣсколько судьбу Никона. Поэтому приведемъ о немъ нѣсколько словъ изъ Ключевского (Ключевскій, Курсъ III 435). Онъ былъ воеводой въ родномъ Псковѣ въ 1655 г. Въ 1658 г. сталъ думнымъ дворяниномъ, и въ 1667 г. начальникомъ Посольскаго Приказа. Онъ заключалъ съ Швеціей Веліасарское перемиріе 1658 г., условія котораго превзошли ожиданія самого Царя Алексѣя. Онъ заключалъ также Андрусовское перемиріе 1667 г, положившее конецъ 13-лѣтней войнѣ. Онъ вытягалъ у Польши не только Смоленскую и Сѣверскую землю и Восточную Малороссію, но и изъ западной Кіевъ съ округомъ. Онъ зналъ языки нѣмецкій, латинскій, польскій. Онъ былъ поклонникомъ Западной Европы. Онъ отрѣшился отъ національной замкнутости и первый провозгласилъ правило: „Доброму не стыдно навикать и со стороны у чужихъ, даже у своихъ вра-

говъ". Приверженность его къ западно европейскимъ порядкамъ и порицаніе своихъ нравилось иноземцамъ и создавало враговъ между своими. Московское боярство его ненавидѣло, его единственной опорой былъ Царь. „Передъ всѣми людьми, пишетъ онъ Царю, за твое государево дѣло никто такъ не возненавидѣнъ какъ я". Въ его бумагахъ (Ibid., 339) найденъ значительный запасъ идей и проектовъ, которые могли стать и стали надолго руководящими началами внутренней и внѣшней политики. Исходной точкой его плановъ было брать образецъ съ запада, но брать не все безъ разбора. Онъ хотѣлъ согласовать общеевропейскую культуру съ національной самобытностью. Онъ ненавидѣлъ порядки Московской администраціи, въ которой любятъ дѣло смотрѣть по человѣку, а не по дѣлу. Дѣло въ дѣлѣ, а не въ лицахъ, былъ напротивъ лозунгъ Нащокина. Нащокинъ почитался великимъ въ дѣлѣ, ему врученномъ, — дипломатомъ — не только дома, но и у иноземцевъ. При немъ поставлены были вопросы, питавшіе вражду съ Польшей и Швеціей, — о Малороссіи и Балтійскомъ морѣ. Вопросъ о воссоединеніи югозападной Руси съ Великороссіей онъ считалъ неразрѣшимымъ для своего времени и потому былъ сторонникомъ мира и союза съ Польшей для прекращенія шведскихъ козней. Онъ хотѣлъ, чтобы всѣ православные отъ Дуная до Россіи были подъ покровительствомъ Московскаго Царя. Въ 1667 г. онъ развивалъ въ рѣчи польскимъ посламъ идею о славѣ славянскихъ народовъ, если бы всѣ говорящіе по славянски отъ Адриатическаго до Нѣмецкаго моря и Сѣвернаго океана соединились подъ главенствомъ Польши и Россіи въ одну державу. Онъ мечталъ о династическомъ воссоединеніи съ Польшей подъ властью Московскаго царя или его сына, и въ этомъ онъ совершалъ крутой поворотъ въ Московской внѣшней политикѣ. Нащокинъ готовъ былъ ради союза съ Польшей отступить не только отъ западной Малороссіи, но и восточной. Хотя онъ устраивалъ торговыя отношенія съ Персіей и Средней Азіей, съ Хивой, Бухарой, смотрѣлъ на Дальній Востокъ и на Китай, думалъ о колонизаціи Пріамурья, **но прежде всего онъ думалъ о выходѣ къ Балтійскому морю ради народно хозяйственныхъ соображеній, а Ливонію прибрѣсти онъ хотѣлъ во что бы то ни стало.** Подъ его вліяніемъ царь Алексѣй Михайловичъ хлопоталъ о возвращеніи бывшихъ русскихъ владѣній отъ Швеціи, о прибрѣтеніи морскихъ пристаней Нарвы, Ивангорода, Орѣшка и всего теченія Невы со шведской крѣпостью на мѣстѣ позднѣйшаго Петербурга. Онъ хотѣлъ прибрѣтенія Риги ради прямого ближайшаго

пути въ Европу. Онъ и шель на союзъ съ Польшей, жертвуя чуть ли не всей Малороссіей ради отнятія Ливоніи, но осуществить его мысль удалось унаслѣдовавшему его идеи Петру. Онъ вообще во многомъ предупредилъ Петра и раньше его высказалъ идеи, которыя тотъ осуществилъ и во внутреннемъ управленіи. Онъ изъ наблюденій надъ западной Европой пришелъ къ сознанію главнаго недостатка Московскаго государственнаго управленія — недостатка вниманія къ развитію производительныхъ силъ страны при эксплуатаціи народнаго труда. Поэтому онъ думалъ о развитіи промышленности и торговли и ради этого стремился къ освобожденію промышленнаго класса отъ гнета приказной администраціи и въ Псковѣ по примѣру Западной Европы ввелъ городское самоуправленіе. Его преемникъ князь Хованскій, будучи воеводой въ Псковѣ, отмѣнилъ его самоуправленіе ради боярскихъ интересовъ; впослѣдствіи въ 1667 г. онъ провель Новоторговый уставъ. Нащокинъ провель мысль объ особомъ приказѣ для купцовъ и создалъ его, какъ предшественника учрежденій Петра. Онъ же предложилъ проектъ военнаго преобразованія и хотѣлъ замѣнить конную милицію городовыхъ дворянъ, обученныхъ иноземному строю сплоченіемъ пѣшихъ и конныхъ даточныхъ людей. Это — идеи регулярной арміи, комплектуемой изъ всѣхъ сословій. Онъ думалъ и о флотѣ на Каспійскомъ или Балтійскомъ морѣ, о переустройствѣ государственнаго управленія бѣ духѣ децентрализаціи. Но ему не удалось, **какъ и Никону**, сдѣлать все, что онъ могъ бы, ибо неустойчивый характеръ положилъ преждевременный конецъ его дѣятельности. Въ 1671 г. онъ долженъ былъ по порученію царя вести переговоры съ Польшей, въ которыхъ призванъ былъ оттягать у Польши Кіевъ, вопреки соглашенію, скрѣпленному годъ назадъ его присягой: онъ не пошелъ на это и постригся въ монахи, въ февралѣ 1672 г. Въ качествѣ инока Антонія онъ занимался богадѣльней, устроенной имъ въ Псковѣ до своей смерти въ 1680 г.

Не любили бояре и боярина Зюзина, преданнаго Никону, который исходатайствовалъ для него боярство и милость Царя, которой тотъ чуть было не лишился на воеводствѣ въ Путивлѣ. „Мѣстничество, говоритъ Павловъ Сильванскій (Государевы служилые люди, стр. 79), объединяло всѣ аристократическія фамиліи въ одно цѣлое, въ классъ лицъ, размѣстившихся между собою по отечеству и не оставлявшихъ мѣста въ своей средѣ неродословнымъ людямъ... Устанавливая іерархію родовъ, мѣстничество вмѣстѣ съ тѣмъ

закрывало доступъ новымъ родамъ въ среду извѣстныхъ фамилій. Оно имѣло главнымъ образомъ значеніе сословно-оборонительной системы. Родословная знать не раздвигалась, когда къ ней приходили новые люди. Эта система съ одной стороны наносила чрезвычайный вредъ правительству, парализуя всѣ его распоряженія и въ мирное и въ военное время, ибо связывало правительство въ порядкѣ назначенія на должности счетами боярскихъ родовъ о томъ, кому подѣ кѣмъ быть невмѣстно. Эта система настолько связывала даже Царя, что спасителя Россіи въ эпоху смуты князя Пожарскаго — члена захудалаго рода Царь могъ повысить противъ его отечества лишь искуснымъ обходомъ мѣстническихъ счетовъ, но и личность царская должна была уступить передъ Салтыковымъ, однимъ изъ высшихъ членовъ мѣстнической лѣстницы" (Павловъ Сильван. Ib. 157).

Никонъ въ качествѣ Государственнаго совѣтника сдерживалъ боярство, какъ раньше сдерживалъ его Грозный и Патріархъ Филаретъ совѣтникъ Царя.

Разинскій бунтъ 1671 года — результатъ хищничества воеводскихъ дьяковъ, но и онъ не вразумилъ боярства. Черезъ 10 лѣтъ бояре составили проектъ, когда возбужденъ былъ вопросъ объ отмѣнѣ мѣстничества, по которому въ Великомъ Новгородѣ, Казани и другихъ областяхъ должны были быть царскіе намѣстники „великородные бояре" **вѣчно** и носили бы титула тѣхъ царствъ, гдѣ кто **будетъ**; **это было бы возрожденіемъ удѣловъ подѣ новымъ названіемъ, и самая наличность такого проекта есть оправданіе мудрой, обдуманной правительственной политики Грознаго, направленной къ объединенію Государства и къ обузданію боярства, политики, которую по отношенію къ боярству въ качествѣ Государевыхъ совѣтниковъ въ извѣстной степени продолжали и Патріархъ Филаретъ и Патріархъ Никонъ.** Что Никонъ сдерживалъ боярство, видно изъ того, что стали дѣлать бояре, когда Никонъ лишился вліянія въ государственныхъ дѣлахъ: примѣры мѣстничества мы привели, послѣдовало непомѣрное увеличеніе членовъ въ Боярской Думѣ при Θεодорѣ и, наконецъ, проектъ раздробленія Россіи. Всякія стремленія къ улучшенію въ государственной жизни всегда натыкались на косную неподвижную омертвѣлую группу боярства, и Аѳ. Лавр. Ордынъ Нащокинъ, человекъ живыхъ стремленій и улучшеній и новыхъ путей во внѣшней политикѣ, задыхался отъ интригъ, ковавшихся противъ него, многократно писалъ объ этомъ Царю и горькими жалобами просилъ Царя освободить его отъ службы и кончилъ жизнь свою добровольнымъ уходомъ въ монастырь.

**Боярскія фамиліи, давшія главныхъ враговъ противъ Никона. Дворъ Царя.
Нравственныя качества враговъ Никона.**

Противъ Никона изъ среды стараго родовитаго боярства, считавшаго только себя прирожденными совѣтниками царя, особенно выступали кн. Никита Ивановичъ Одоевскій, стоявшій одно время во главѣ Монастырскаго Приказа и проводникъ цезарепапистской системы Уложенія въ жизнь, и кн. Алексѣй Никитичъ Трубецкой, стоявшій съ 1647-1663 г. предсѣдателемъ Сибирскаго Приказа. Боярство, ослабленное смутой и убылью родовъ, съ XVII вѣка было пополнено новыми родами, которые уже не могли говорить: „Царь жалуетъ насъ помѣстьемъ а не отчествомъ“, ибо были возвышены царской властью и всѣмъ обязаны ей; получая службу и награды отъ милости Царя, они уже не могли считаться наслѣдственными совѣтниками Царя по праву рожденія и имѣли вліяніе въ силу родства или свойства съ Царемъ черезъ царскимъ жень: это — Стрешневы, Милославскіе, позже Хитрово, Нарышкины, Матвѣевы, Апраксины. Никону пришлось встрѣтиться съ первыми тремя фамиліями, особенно съ дядей царя Алексѣя Михайловича **Семеномъ Лукьяновичемъ Стрешневымъ**, а изъ Милославскихъ къ нему враждебна была сама **царица Марія Ильинишна** и ея отецъ **Ильѣ Даниловичъ**, и ея двоюродный братъ **Иванъ Михайловичъ**. Все это — совѣтники Царя уже по праву родства съ Царемъ. Изъ Стрешневыхъ Иванъ Ѳеодоровичъ былъ предсѣдателемъ Монастырскаго Приказа и Челобитнаго съ 1657-1661 и съ 1660-1667 гг., а Семень Лукьяновичъ Стрешневъ предсѣдателемъ Литовскаго приказа. Милославскій былъ временщикомъ и не малую роль сыгралъ въ народномъ озлобленіи, приведшемъ къ бунту 1648 г. Милославскіе историками характеризуются, какъ люди злые, своекорыстные, хитрые и мелкіе, эгоистичные, властолюбивые; все это были люди, стоявшіе такъ или иначе у кормила правленія. Вся сила зла была въ Ильѣ Даниловичѣ Милославскомъ, поддержанномъ у власти вліяніемъ царицы Маріи Ильинишны (Пальм. V, 923) Объ Ильѣ Даниловичѣ Милославскомъ англичанинъ Коллинсъ, который былъ придворнымъ докторомъ царя Алексѣя Михайловича послѣ 1660 г. въ теченіе семи лѣтъ, пишетъ, что онъ очень способный, дѣятельный, съ мускулами какъ у Геркулеса, но жадный, несправедливый, безнравственный, больше боялся, чѣмъ любилъ Царя, который однако послѣ бунта въ іюль 1662 г., причиненнаго своеволіемъ и засиліемъ семьи Милославскаго и другихъ, показалъ къ нему неблаговоленіе. Похожи были на Илью Дани-

ловича и его племянники Иванъ Михайловичъ и Иванъ Богдановичъ. Ничего хорошаго о нихъ не говоритъ и Соловьевъ. Послѣ смерти Ильи въ 1668 г. представителемъ связи фамиліи со дворомъ оказался Иванъ Михайловичъ, на время второго брака Царя удаленный въ Астрахань воеводой. Царь Алексѣй, умирая, боялся за судьбу второй семьи, чувствуя опасность отъ коварной и злобной природы Ивана Михайловича Милославскаго. Богданъ Матвѣичъ Хитрово былъ, по рассказамъ Коллинса, человекъ совершенно безнравственный. „Однажды утромъ, рассказываетъ онъ, (V, 205), его жена была найдена мертвой въ своей постели. Такъ какъ его измѣны были общеизвѣстны, и ревность его жены стала для него обремененіемъ, то эта неожиданная смерть причинила много слуховъ и подозрѣній среди народа. „Коллинсъ говоритъ, „что Царь понудилъ его жениться и оставить порочную жизнь, которую онъ велъ съ польскими непотребными дѣвками, подъ угрозой лишенія его мѣста при дворѣ“.

Михайловскій, описавшій жизнь Патріарха Никона, говоритъ, что дворъ и правительство при Алексѣѣ Михайловичѣ были многочисленны: было 11 бояръ ближнихъ, другихъ бояръ 69, окольничихъ 90, думныхъ дворянъ 37, дьяковъ 11, но въ дѣлѣ Никона мы встрѣчаемъ постоянно однѣ и тѣ же фамиліи: Стрешневыхъ, Милославскихъ, Одоевскаго, Долгорукихъ, Трубецкихъ, Салтыковыхъ, Ромодановскаго и дьяка Алмаза Иванова, т. е. какъ будто заговоръ противъ Никона изъ родственниковъ царя (Стрешневы и Милославскіе), бояръ Монастырскаго приказа (Долгорукій и Одоевскій) и тѣхъ изъ бояръ, которые были оставлены Царемъ на время Польскаго похода, или же имѣли въ семействѣ духовныхъ дѣтей протопопа Авакума. Къ нимъ надо присоединить еще Хитрово и Морозовыхъ, какъ тѣсно связанныхъ съ Милославскими. Морозовъ былъ воспитатель Царя въ юности и его главный министръ и совѣтникъ по восшествіи Алексѣя Михайловича на престолъ; онъ женилъ Царя на Маріѣ Ильинишнѣ Милославской и самъ женился на ея сестрѣ Аннѣ Ильинишнѣ; Милославскіе были обязаны ему своимъ возвышеніемъ, также и Хитрово, мать котораго была у Морозова въ семьѣ кормилицей. „Такъ какъ Морозовъ, пишетъ Пальмеръ (IV, 316), не былъ безукоризненъ и въ общественномъ отношеніи, то такіе испорченные и дурные люди, какъ Милославскій и Хитрово, которыхъ онъ возвелъ къ власти, и другіе, которые стояли наравнѣ съ нимъ по рожденію, какъ Трубецкіе, Долгорукіе и Хованскіе, или по родству съ царемъ, какъ Стрешневы, не боялись ни немилости, ни наказанія за свои

злоупотребленія и тиранство благодаря ему". Морозовъ не мѣшалъ врагамъ Никона, и они считали его на своей сторонѣ. Передъ смертью онъ, видимо, чувствуя, что Никонъ можетъ быть имъ обиженъ, просилъ черезъ Царя у него прощенія, хотя открыто онъ никогда не выступалъ противъ Никона. Никонъ его охотно простилъ (1661) и даже предлагалъ его похоронить въ Воскресенскомъ монастырѣ (IV, 319). Также охотно простилъ Никонъ и Стрешнева (весной 1665) за 1 ½ года до смерти послѣдняго, за кощунство съ благословеніемъ, какъ вообще онъ охотно прощалъ (IV, 660), когда прошеніе испрашивалось (также и Иваномъ Нероновымъ). Вся эта компанія людей непрерывно интриговала противъ Никона, заслонившаго отъ нихъ возможность безраздѣльнаго вліянія на Царя. Царь, пишетъ Пальмеръ (V, 924), поддержалъ нечестіе и несправедливость въ лицѣ Ильи Даниловича Милославскаго и другихъ связанныхъ съ нимъ противъ Никона, но зато это нечестіе въ лицѣ Ивана Михайловича въ послѣдствіи повернулось противъ его второй семьи или, вѣрнѣе, противъ него самого въ лицѣ Нарышкиныхъ".

Всякое предпочтеніе Царемъ Никона существенно ихъ стѣсняло. Исключая царицы Маріи Ильинишны, симпатизировавшей расколу, въ частности заступавшейся за протопопа Аввакума передъ Царемъ и устраивавшей ему за него сцены, какъ объ этомъ пишетъ самъ Аввакумъ, все это, мы видимъ, были люди не идейные, а отстаивавшіе просто свое положеніе, удовлетворявшее ихъ или корыстолюбію, или честолюбію, или властолюбію, искавшіе себѣ союзниковъ даже въ рядахъ старообрядцевъ, которымъ не сочувствовали въ ихъ дѣлѣ, не погнушавшіеся водительство запрещеннаго митрополита Паисія Лигарида, все это для того, чтобы свалить Никона.

Причины боярской нелюбви къ Никону, заключавшіяся въ характерѣ Никона, а также изъ-за войн.

Конечно, въ свойствахъ характера Никона были нѣкоторыя черты, которыя ущемляли ихъ болѣзненное самолюбіе при полной ихъ недуховности и еще болѣе одіознымъ для нихъ дѣлали временное возглавленіе государства имъ, на время отсутствія Царя. Мы не говоримъ уже объ упоминавшихся у Павла Алеппскаго ожиданіяхъ бояръ на пріемъ Никона. Но трудно представить, какъ бы могло быть иначе, какъ могъ бы Никонъ удовлетворить ихъ немедленно при пріемахъ, когда вообще трудно представить, откуда онъ доставалъ время для всѣхъ своихъ дѣлъ. Мы видѣли, что онъ почти ежедневно принималъ

участіе въ церковныхъ службахъ. У него въ палатахъ было 7 церковныхъ приказовъ, которые и управляли, и судили, и ничего не могли сдѣлать безъ его утверженія. Одновременно Никонъ, въ годы пребыванія Царя на войнѣ, проводилъ церковныя реформы на соборахъ 1654—1656 г., переписывался съ Константинопольскимъ Патріархомъ, исправлялъ книги и обряды, работалъ въ патріаршемъ архивѣ, фактически руководилъ наборомъ и отправкой войскъ, снабженіемъ его оружіемъ и припасами, посылкой подкрѣпленій, отдавалъ самъ распоряженія по борьбѣ съ чумой, дважды посѣтившей Россію, и въ 1654 и 1655 г., спасалъ отъ чумы царскую семью; одновременно со всѣмъ этимъ несъ борьбу со старообрядчествомъ, уже послѣ собора 1654 г. обнаружившаго сопротивленіе. Понятно поэтому, что Никонъ имѣлъ время только на то, чтобы отдавать распоряженія боярамъ по текущему управленію безъ особой учтивости; къ тому же онъ замѣнялъ Царя.

Конечно, это оскорбляло самолюбивыхъ прирожденныхъ и родственныхъ совѣтниковъ Царя. Мало того, есть данныя, что боярамъ не совсѣмъ нравилась и политика Никона относительно присоединенія Малороссіи, влекшая за собой войну съ Польшей. Такъ у Гюббенета приводится случай, когда одинъ архимандритъ Константинопольскаго Патріарха писалъ въ Москву изъ Яссы въ 1663 г., называя Никона вторымъ Златоустомъ, что „Царь его любитъ и жалуетъ и приходитъ къ нему по ночамъ для бесѣды; бояре же отстраняютъ Никона за то, что онъ настаиваетъ, чтобы Царь шелъ на войну противъ татаръ, которые полонили множество москвичей и казаковъ, но это боярамъ не нравится, ибо они привыкли проводить болѣе спокойную жизнь въ Москвѣ.“ Это одно письмо не было бы доказательнымъ, но мы знаемъ, что сначала вплоть до 1653 г. бояре противились присоединенію Малороссіи, не желая войны съ Польшей.

Но мы хотимъ сказать еще о другихъ свойствахъ **Никона: онъ былъ необыкновенно прямолинеенъ и суровъ въ обличеніяхъ**. Боярамъ приходилось выслушивать отъ него публичные упреки. Иногда они подвергались имъ отъ него въ Думѣ, какъ отъ архипастыря, то за то, что у такого-то боярина Никонъ увидѣлъ икону латинскаго письма, то за невыполненіе церковныхъ обрядовъ, то за то, что въ такомъ то боярскомъ домѣ появился органъ, то за несоблюденіе постовъ. Будучи неумолимо строгъ къ себѣ, Никонъ боролся съ послѣдствіями знакомства боярства съ чужеземными порядками во время польской войны, которое разрушало цѣльность московскаго

быта и создавало легкомысленное отношеніе къ уставамъ Православной Церкви. Никонъ требовалъ соблюденія правилъ объ исповѣди и святомъ причащеніи, и вообще боролся за соблюденіе въ жизни всѣхъ правилъ христіанскаго благочинія и поведенія, какъ въ общественномъ, такъ и въ домашнемъ быту. Но онъ никогда не щадилъ въ своихъ обличеніяхъ ни сана, ни званія, открыто возглашая имена провинившихся и въ Церкви, и въ Боярской Думѣ. Преслѣдуя высокую цѣль воспитанія людей въ духѣ церковныхъ требованій и не ища своего, Никонъ однако натыкался на озлобленіе, возраставшее съ одной стороны отъ непримиримости Никона, а съ другой отъ возрастанія духа распущенности и ослабленія сознанія христіанскихъ требованій въ жизни; смутное время оставило большіе слѣды въ этомъ отношеніи и создало типъ князя Хворостинина, который отрицалъ воскресеніе мертвыхъ, необходимость поста и молитвы, людей своихъ не пускалъ въ церкви, самъ на страстной недѣлѣ 1622 года „пилъ безъ просыпу“, ѣлъ мясо, не былъ въ церкви на Пасхѣ. **Съ этимъ типомъ встрѣтился и Никонъ еще тогда, когда онъ въ санѣ Новгородскаго митрополита ѣздилъ за мощами Св. Филиппа.** Мы цитировали его инциденты съ Отяевымъ и княземъ Лобановымъ Ростовскимъ въ виду отказа ихъ поститься и говѣть: для Руси XVII вѣка вольномысліе при поѣздкѣ съ митрополитомъ за Св. Мощами должно было казаться едва ли не отпаденіемъ отъ православія и не такому ревнителю строгой жизни, какъ Никону.

И самъ Царь писалъ объ этомъ Никону: „Вѣдомо намъ учинилось, что многіе дворяне и всякіе служилые люди, которые посланы съ вами, въ великій постъ не постились и не съ благочестіемъ ѣдутъ. И тебѣ бы, богомольцу нашему, заставить ихъ въ Петровъ постъ и въ Господень постъ говѣть, а которые начнутъ ослушаться, тѣхъ по правиламъ св. отецъ запрещать и разрѣшать, зане отъ Бога на тебя та власть положена, и на всякое благочиніе приводитъ“. Надо думать, что настроеніе, проявленное Лобановымъ Ростовскимъ и Одоевымъ было не единично. „Царь выдалъ насъ своему митрополиту“, шептались бояре.

Какъ въ государственной жизни Никонъ стремился къ оцерковленію закона, такъ и въ жизни общественной онъ проводилъ тѣ же требованія: надо быть христіанами не на словахъ, а на дѣлѣ, и послушаніе церковнымъ законамъ и уставамъ онъ ставилъ на первомъ мѣстѣ. Онъ самъ подавалъ примѣръ проведенія въ жизнь церковнаго устава и въ храмѣ и въ домашнемъ быту, дисциплинировалъ

духовенство, и, встрѣчая здѣсь противорѣчія духа вѣка, всю надежду возлагалъ на помощь свыше.

Перенесеніе въ Москву мощей Св. Филиппа, какъ средство борьбы съ духомъ вѣка, и средство искупить вину царской власти передъ митрополитомъ Филиппомъ.

Въ виду того значенія, которое играетъ всегда примѣръ свыше Никонъ хотѣлъ всенародно, пользуясь своимъ вліяніемъ на Царя, показать, какое почитаніе оказываетъ сама царская власть высшимъ принципамъ жизни въ лицѣ тѣхъ, кто показывалъ примѣръ служенія имъ. Св. Филиппъ, митрополитъ московскій, погибшій отъ Грознаго Царя, былъ особенно почитаемъ Никономъ, какъ жертва насилія за стойкое отстаиваніе христіанской правды, и Никонъ задумалъ совершить перенесеніе его мощей изъ Соловецкаго монастыря въ Москву. Его любимый святитель, которому онъ потомъ строилъ церкви (и въ Иверскомъ монастырѣ, и въ патріаршихъ палатахъ), являлся для него путеводной звѣздой и духовнымъ укрѣпленіемъ въ борьбѣ съ духомъ вѣка, въ борьбѣ, которую надо было начинать въ верхнихъ слояхъ при дворѣ и притомъ покаяніемъ. Этимъ публичнымъ почитаніемъ памяти святаго одновременно воскрешалось и уваженіе первосвятительскому сану, который носилъ Св. Филиппъ, и который онъ воплощалъ, какъ назидательный примѣръ правды и святости. И вотъ, при стеченіи народа въ церкви Соловецкаго монастыря Никонъ отъ лица Царя читалъ передъ гробомъ святителя покаянную рѣчь, чтобы смыть съ царской власти тяготѣвшее на ней преступленіе, подобно тому, какъ передъ перенесеніемъ мощей Св. Златоуста говорилъ рѣчь императоръ Θεодосій. Проф. Николаевскій полагаетъ, что Царь этимъ перенесеніемъ мощей хотѣлъ ослабить тяжелое впечатлѣніе отъ государственныхъ мѣръ въ отношеніи къ Церкви, введенныхъ Уложеніемъ. Въ февралѣ 1652 г. состоялись соборныя совѣщанія о перенесеніи мощей, а 17 февраля 1652 г. Царь слушалъ панихиду по Юаннѣ Грозномъ, отъ имени котораго онъ молился къ мощамъ митрополита Филиппа. Эта царская грамота вручена была Патріарху Никону при его отъѣздѣ. Но можно усмотрѣть и другую идею въ перенесеніи мощей, если вспомнить, какое значеніе придавалъ Никонъ грѣху и въ частной, и въ общественной дѣятельности. А потому въ искупленіи грѣха, совершеннаго по отношенію къ митрополиту Филиппу, онъ могъ видѣть главное средство для достиженія благополучнаго царствованія своего друга и Царя. Вотъ, эта рѣчь (взята изъ статьи Проф. Николаевского „О перенесеніи мощей святителя Фи-

липпа изъ Соловецкаго монастыря въ Москву"): „Ничто такъ не печалитъ моей души, пресвятыи владыка, какъ то, что Ты не находишь-ся въ царствующемъ нашемъ градѣ Москвѣ и въ соборной Церкви Успенія Богородицы вмѣстѣ съ бывшими до Тебя и по Тебѣ святителями, чтобы совокупными вашими молитвами Святая Соборная Апостольская Церковь и вѣра Христова пребывали неподвижной, и стадо вашей паствы оставалось ненавѣтнымъ отъ гибельныхъ волковъ; и мы крѣпки не своей силой и многооружнымъ воинствомъ, но вашими святыми молитвами. Второе молю Тебя и желаю пришествія твоего сюда, чтобы разрѣшить согрѣшеніе прадѣда нашего Царя и великаго князя Іоанна, совершенное противъ Тебя неразумно завистью и несдержанной яростью. Хотя я и неповиненъ въ досажденіи Тебѣ, но грѣхъ прадѣда постоянно убѣждаетъ меня, приводитъ въ жалость и мучить мою совѣсть, что отъ изгнанія Тебя до настоящаго времени ты вдали отъ твоей святительской паствы. Потому преклоняю санъ свой царскій за согрѣшившаго противъ тебя, **да отпустишь ему согрѣшеніе своимъ къ намъ пришествіемъ, да уничтожится поношеніе, которое лежитъ на немъ за твое изгнаніе; пусть всѣ увѣрятъ, что Ты примирился съ нимъ.** Умоляю Тебя и честь моего царства преклоняю передъ честными твоими мощами и повергаю къ моленію всю мою власть, приди и прости оскорбившаго Тебя напрасно; онъ раскаялся тогда въ содѣянномъ грѣхѣ, и за его покаяніе и за наше прошеніе приди къ намъ. Оправдалось на Тебѣ Евангельское слово, за которое Ты пострадалъ, что „всякое царство, раздѣлившееся на ся, не станетъ;“ теперъ и у насъ нѣтъ прекословящихъ Тебѣ, нѣтъ нынѣ въ твоей паствѣ никакого раздѣленія, но всѣ единомысленно просимъ и молимъ Тебя: приди съ миромъ во свояси, и свои Тебя примутъ съ любовію”.

Напрасно Никону ставили на судѣ упрекъ въ униженіи царской власти, будто бы заключающемся въ этой рѣчи; **эта рѣчь стремится поднять царскую власть на ту высоту, которая не боится самообличенія и въ раскаяніи видитъ средство очищенія духовнаго.** Она вытекала изъ Никоновскаго міросозерцанія, въ которомъ центральное значеніе въ причинѣ **всѣхъ несчастій и личныхъ и государственныхъ отводится грѣху и личному, и общественному.** Это несчастіе можетъ поражать, какъ видно изъ постоянныхъ Никоновскихъ грозныхъ предостереженій, не только виновнаго, но и его потомство и цѣлое государство, если виновникомъ грѣха — правящая власть. На этомъ пути нельзя обойтись безъ самообличенія и

покаянія всенароднаго, иначе не будетъ и искупленія грѣха, и вотъ, Никонъ предпринимаетъ отъ лица Царя это покаяніе, выступая по отношенію къ Царю, какъ отецъ, его молитвенникъ, покровомъ своимъ ограждающій его и его царство отъ бѣдъ. Однако, такіе призывы къ самообличенію и обличенію понимались нерѣдко, какъ обида самолюбію, и Никону пришлось въ заключеніе своего „Раззоренія“ **выяснить различіе между дерзостью и дерзновеніемъ.** Такъ какъ во всякомъ обличеніи, хотя бы оно обращалось на архипастырское рвеніе къ уничтоженію грѣха, при томъ непомѣрномъ самолюбіи и самопочитаніи, которое было среди боярства, можно усмотрѣть обиду, то Никонъ такъ и протестовалъ противъ статьи Уложенія, которая грозила наказаніемъ за безчестіе словомъ, ибо при растяжимости понятія „безчестія“ эта статья препятствовала обличительной дѣятельности Церкви. Когда Царь былъ въ духовномъ единеніи съ Никономъ, то онъ поощрялъ его въ его архипастырскихъ заботахъ, и потому, когда поступила къ нему жалоба отъ Отяева и Лобанова Ростовскаго на строгость Никона въ требованіи постовъ и исповѣди, онъ писалъ Никону свой совѣтъ, вышеприведенный нами. А князю Хованскому, возглавлявшему боярскую свиту, Царь писалъ „а тебѣ боярину нашему отъ великаго дурна ихъ унимать и велѣть ѣхать въ благочиніи, а не со смѣхомъ; зане же и къ намъ, земному Царю, ѣдутъ со страхомъ и трепетомъ, а то кольми паче подобаеть ѣхать къ такому великому свѣтильнику со страхомъ и трепетомъ“. Когда Царь проникся больше мірскими интересами и настроеніями, то и онъ сталъ склонять ухо къ Никоновскимъ врагамъ, усматривавшимъ въ обличеніяхъ Никона превозношеніе.

Трудность Никоновскаго пути къ Святой Руси для бояръ, недуховно настроенныхъ.

Людымъ, мірски настроеннымъ, Никонъ былъ тяжелъ: его идеаль Русь кающейся, Русь, себя бичующей за свои грѣхи, Русь настолько проникающейся интересами духовными, что въ ней самыя административно политическія подраздѣленія государства мыслятся болѣе подъ религіозной формой, чѣмъ подъ юридической. „Кіевъ блажитъ Св. Антонія и Θεодосія Печерскаго, Москва Святителей Петра, Алексѣя и Іону; и Великій Новгородъ блажитъ Варлаама и Михаила, юродиваго Христа ради, Смоленскъ князя Θεодора, Ростовъ — Леонтія, Игнатія, Исаію, Вассіана и Ефрема, Вологда преподобнаго Дмитрія, а мы Устюжане блажимъ Прокопія Устюжскаго, имѣемъ его стражемъ и хранителемъ отчизны нашей Устюга“, такъ

писали Устюжане (Пр. Соб. 1863, 1) — Этот идеаль, взятый не въ его отвлеченномъ изображеніи, а въ самой дѣйствительности, требуетъ непрерывнаго героическаго подвига надъ самимъ собой, непрерывнаго самораспинанія, отсѣченія своихъ собственныхъ страстей, и для принятія требуетъ такого непрерывнаго духовнаго подъема, что не боярской средѣ XVII вѣка, приразившейся въ эпоху смуты и войнъ нравственной распущенности, съ ея единственнымъ культомъ родовой чести, можно было подняться въ жизни своей до такого труднаго идеала. А Никонъ требовалъ его проведенія и въ государственной жизни, и исполненіе правилъ церковныхъ и въ частной жизни, и въ государственномъ законодательствѣ ставилъ условіемъ своего патріаршества, ибо безъ этого „мы только на словахъ христіане". „Не слушатели, а исполнители законовъ спасутся". „Церковь не стѣны и храмъ, а правило Церкви", вотъ, основа Никоновскаго міропониманія.

Никоновскіе требованія церковной самостоятельности задѣвають бояръ. Главной причиной вражды на Никона — боярству нуженъ Царь слабый, послушный, а не дополняющій себя въ сильной личности.

Естественно, эта среда стала враждебной Никону, **ибо всей своей личностью онъ представлялся ей живымъ укоромъ.** Къ тому присоединилось и то, что Никоновскія требованія церковной самостоятельности наносили ущербъ боярскому властолюбію черезъ изытаніе подсудности духовенства Монастырскому Приказу, гдѣ сосредоточивалось боярское управленіе и судъ надъ Церковью; боярскія притязанія облеклись въ форму отстаиванія правъ самого Царя по цезарепапистской теоріи Паисія Лигарида, но въ основѣ своей бояре мало думали о Царѣ, ибо во многихъ своихъ обвиненіяхъ Никона бояре, какъ мы увидимъ, задѣвали не меньше, чѣмъ Никона, самого Царя. Боярамъ нуженъ былъ слабый Царь, при которомъ они могли бы быть главной политической силой, но Царь, которому помогала такая сильная личность, какъ Никонъ, который къ тому же проводилъ свои идеалы Святой Руси, не могъ быть пріемлемъ для боярскихъ вождельнѣй и ихъ понятій о своемъ правѣ быть прирожденными совѣтниками Царя. Чтобы имѣть нужнаго имъ Царя въ лицѣ Алексѣя Михайловича, имъ надо было устранить того, кто своими качествами дополнял то, въ чемъ нуждалась царская власть, а не окружающее ее боярство. Никонъ самъ не велъ политической борьбы съ боярствомъ, которая бы подрывала права боярства, но своей необыкновенно одаренной личностью онъ сводилъ ничтожное передъ

нимъ боярство ко второстепенному значенію при Царѣ. Могло ли гордое боярство ему это простить? Нѣтъ. А Никонъ былъ прямолинеенъ, онъ совершенно не зналъ того, чтобы на интригу отвѣчать контръ-интригой; и въ своихъ идеалахъ онъ былъ непоколебимъ, положилъ всю надежду на клятву Царя и бояръ, передъ тѣмъ какъ согласиться на патріаршество; но клятва не могла сдержать начинавшагося въ обществѣ отчужденія отъ Церкви въ жизни; почитаніе Церкви оставалось, но больше внѣшнее, а не въ стремленіи пронизать всѣ отправления жизни церковнымъ принципомъ. Никонъ началъ съ Царя, но это не удалось, и Никонъ въ сокрушеніи писалъ въ „Раззореніи“, что Царь его не понималъ.

Стремленіе Никона ввести церковность во всѣ жизненные отношенія. Онъ начинаетъ съ Царя.

Никонъ хотѣлъ, чтобы тотъ, кто стоитъ во главѣ народа и является живой примѣръ, былъ образецъ смиренія, а не гордости, чтобы не навлечь на царство тяжелыхъ посѣщеній Божіихъ; а самый цезарепапизмъ разсматривался Никономъ какъ грѣхъ, за который неминуемо должна быть расплата, какъ за забвеніе заповѣдей Божіихъ. Сама царская власть имѣетъ цѣнность для государства, пока ея представитель угоденъ Богу и не попускаетъ отступленія. „Многіе Царю говорятъ: „Ты Богъ земной. И Царь не запрещаетъ имъ такъ говорить и ему самому и другимъ. И Патріархъ Никонъ говорилъ Царю, когда былъ на каѳедрѣ въ Москвѣ, и писалъ послѣ, когда оставилъ Москву, чтобы онъ запретилъ на будущее безумцамъ величать себя Богомъ. Но Царь молчалъ... а что такое Царь? Прем. Сына Сирах. 10, 12—17 говоритъ: и вотъ, нынѣ Царь, а завтра умираетъ. Когда же человѣкъ умираетъ, то наслѣдіемъ его становятся пресмыкающіеся, звѣри и черви. Начало гордости — удаленіе отъ Господа и отступленія сердца его отъ Творца его, ибо начало грѣха — гордость, и обладаемый ею изрыгаетъ мерзость; и за это Господь посылаетъ на него страшныя наказанія и въ конецъ низлагаетъ его. Господь низвергаетъ престоль властителей и посаждаетъ кроткихъ на мѣсто ихъ". Гордость въ Царѣ, какъ грѣхъ, есть катастрофа для Царя и его царства. Онъ цитируетъ изъ пророка Исаи (14, 13-14) о Навуходоносорѣ, Царѣ Вавилонскомъ, который возомнилъ себя, подобно Всевышнему, цитируетъ изъ пророка Іезекіиля слова, обращенныя къ начальствующему въ тюръмѣ (Іезек. 28, 1-9). Такъ говоритъ Господь Богъ; „за то, что вознеслось сердце твое и ты говоришь: я Богъ, и будучи человѣкомъ, а не Богомъ ставишь умъ твой наравнѣ съ умомъ Божіимъ... Я наведу

на тебя иноземцевъ, лютойшихъ изъ народовъ, и они обнаружатъ мечи свои противъ красы твоей мудрости и помрачатъ блескъ твой. Скажешь ли тогда передъ твоимъ убійцей: „Я Богъ," тогда какъ въ рукѣ поражающаго тебя ты будешь человѣкъ, а не Богъ". Напомнивъ изъ Дѣяній апостольскихъ 12, 21—23 о смерти Ирода, Никонъ указываетъ, что въ проявленіи гордости Царя, захватывающаго Церковь, (т. е. ея законодательство, управленіе) есть признаки отступленія послѣднихъ дней міра и цитируетъ апостола Павла 2 Тим. 2, 4 о человѣкѣ грѣха, который превозносится выше всего, называемаго Богомъ или святыней, такъ что въ храмѣ Божіемъ сядетъ онъ, какъ Богъ, выдавая себя за Бога". **„Цезарепанизмъ есть высшее проявленіе превознесенія человѣческаго „я", и психологически вполнѣ было пріемлемо для бояръ, какъ орудіе противъ православнаго пониманія царской власти Никономъ.** Въ другомъ мѣстѣ Никонъ съ горечью сѣтуетъ, что духовное пониманіе назначенія царской власти и тяжелыя послѣдствія отъ превознесенія и гордости Царя не усвоилъ. Онъ пишетъ: „и тѣ гордые люди, которые теперь нарушили границу, присвоивъ себѣ честь и славу Бога, попрали своими ногами и подъ ногами своей лошади и своего орла (Намекъ на рисунокъ на Острожской Библии напечатанной въ маѣ 1663 г.) пророческія тайны и градъ Великаго Царя (Церковь)." „Богъ познается въ Своихъ тяжелыхъ посѣщеніяхъ. Богъ познается въ исполненіи суда. Дѣлами рукъ Своихъ Онъ схватываетъ грѣшниковъ. Но Царь не хотѣлъ этого понять. Нѣтъ, онъ не хотѣлъ этого понять".

Судьба Никона — судьба древнихъ еврейскихъ пророковъ.

Никонъ не искалъ для себя никакой власти, въ чемъ обвиняли его бояре, но убѣжденный, что отъ вторженія въ Церковь грозитъ гибель и царству, онъ, какъ древній пророкъ, обличалъ и Царя за этотъ захватъ, и окружавшихъ его бояръ за забвеніе церковныхъ правилъ и въ государственной и въ частной жизни. Но когда же обличители были пріятны обличаемымъ? И съ Никономъ совершилось то же, что случилось съ древними пророками, изъ которыхъ однихъ убивали, другихъ побивали камнями и гнали. Вотъ, причины гоненій на Никона: они — въ психологіи чванливаго, ревниваго къ власти боярства, гордаго и неспособнаго въ этой гордости подняться до тѣхъ идей Св. Руси, которымъ служилъ Никонъ и словомъ и дѣломъ. А народъ любилъ Никона, какъ выразителя своихъ идей; позже мы приведемъ

свидѣтельства этой любви. Въ Царѣ же перемѣна къ Никону пришла постепенно.

Неправильное пониманіе Соловьевымъ Никона и его идей.

Историкъ С. М. Соловьевъ, совершенно неправильно, по нашему мнѣнію, освѣтившій образъ Никона, какъ самолюбиваго, гордаго, властолюбиваго человѣка, подъ вліяніемъ свидѣтельствъ его враговъ: Лигарида, князя А. Н. Трубецкаго, Неронова, которыхъ онъ цитируетъ, намъ кажется, правильно освѣтилъ перемѣну въ самомъ Царѣ. На основаніи свидѣтельскихъ показаній враговъ Никона Соловьевъ не могъ уяснить личности Никона; онъ пишетъ (въ XIII т. 141): „Обиліе матеріальныхъ мірскихъ средствъ и заключаетъ въ себѣ причину паденія Никона, который, какъ человѣкъъ плоти и крови, не выдержалъ искушенія, прельстился предложеніемъ жертвъ и палъ. Никонъ позволилъ себѣ принять роковой титулъ „великаго государя" т. е. главнаго хозяина, правителя страны, титулъ, не могшій имѣть никакого отношенія къ значенію патріарха, титулъ, указывавшій прямо на двоевластіе, на то, что два хозяина въ домѣ, и влекшій необходимо къ столкновенію между ними, тѣмъ болѣе, что Никонъ по природѣ своей не могъ быть только титулярнымъ великимъ государемъ. Патріаршество, его высокое назначеніе стало для Никона на второмъ планѣ, онъ бросился на мірскую власть, захотѣлъ быть настоящимъ великимъ государемъ, настоящимъ законнымъ и проигралъ дѣло". Вся эта характеристика есть повтореніе боярскихъ взглядовъ на Никона, внушаемыхъ боярами Царю, но отъ дѣйствительнаго Никона безконечно далека. Никакого двоевластія въ государствѣ не создавалось. За исключеніемъ того времени, когда Никонъ былъ регентомъ государства по порученію Царя, онъ былъ только вліятельнымъ совѣтникомъ Царя; титулъ великаго государя былъ титуломъ пожалованнымъ патріарху въ государственной сферѣ, какъ первому сановнику, оказавшему огромныя услуги государству и Царю, и оставался только титуломъ. А близость Патріарха къ Царю, установленная по чину, была не установленіемъ другой власти въ государствѣ рядомъ съ царской, а символомъ тѣхъ идей, которыя были положены въ основу государственной власти въ Московской Руси, стремящейся къ правдѣ и святости.

Петръ I, какъ представитель идеи омірщенія государства въ противоположность идеѣ оцерковленія.

Когда Петръ I указывалъ въ Духовномъ Регламентѣ на то, что этотъ великій государь вноситъ двоевластіе, то онъ былъ неискренень, ибо на опытѣ зналъ, что онъ могъ третировать Патріарха Адріана, но ему противень былъ самъ институтъ патріаршества, какъ символъ другихъ основъ жизни, не тѣхъ, которыя онъ проводилъ съ Теофаномъ Прокоповичемъ. Ему нужно было не оцерковленіе государства, а полное его омірщеніе, ибо для него руководящимъ началомъ было уже не созданіе Святой Руси, а принципъ государственной пользы, истолкованной самостоятельно самой свѣтской властью въ зависимости отъ господствующихъ философскихъ ученій.

Соловьевъ вѣрно опредѣлилъ психологическія причины разрыва въ царѣ.

Но Соловьевъ, сказали мы, вѣрно понялъ психику Царя, окруженнаго, добавимъ, врагами Никона и въ походѣ (гдѣ съ нимъ былъ даже Митрополитъ Питиримъ), и въ Москвѣ. Онъ пишетъ, что „трудно указать, когда произошелъ этотъ переломъ, даже и самъ Царь едва ли сумѣлъ бы его указать. Онъ вкрадывался постепенно и возрасталъ вмѣстѣ съ Царемъ. 2 ½ года самостоятельной жизни на войнѣ привели къ возмужалости, самоувѣренности, а, возвратясь въ Москву, Царь засталъ другого, занимающагося его царскими дѣлами: желаніе самостоятельности, наговоры враговъ Никона, которые дразнили Царя, что его уже не слышно, боятся только Патріарха, возбудили въ немъ извѣстную ревность и онъ сталъ отходить отъ Никона, чѣмъ и воспользовались враги Никона, чтобы ихъ окончательно развести.“

О причинахъ, послужившихъ къ спорамъ между Царемъ и Никономъ; онѣ въ области не государственной, а церковной: поставленіе Кіевскаго Митрополита въ 1657 г.

Но напрасно мы стали бы искать какихъ либо коренныхъ разногласій у Царя съ Никономъ по государственнымъ дѣламъ, которыя бы привели между ними къ враждѣ прочитавъ всѣ извѣстныя сочиненія о немъ мы не нашли такого разногласія; совершенно очевидно, что, еслибы оно было, то Никонъ о немъ, упомянулъ бы, но свое государственное служеніе онъ несъ только, какъ долгъ, возложенный Царемъ, и, когда оно прекратилось, онъ даже никогда объ этомъ не вспоминалъ ни въ письмахъ, ни въ „Раззореніи“. Несомнѣнно, что и враги Никона, обвинявшіе его въ властолюбіи и сами изъ зависти не примирившіеся съ его титуломъ великаго Госу-

даря и непрерывно придумывавшіе и создававшіе клеветы на него или обвиненія, не упустили бы объ этомъ не только упомянуть, но и раздуть выше дѣйствительности. Однако, ничего этого не было. И самъ Царь свидѣтельствовалъ еще въ 1657 г., что Никонъ не вмѣшивается въ государственныя дѣла. Въ это время онъ уже не былъ регентомъ государства, а въ лучшемъ случаѣ совѣтникомъ, когда Царь къ нему обращался. Къ Царю въ Саввиномъ монастырѣ во время его посѣщенія обратился дьяконъ Мирскаго Митрополита, котораго Никонъ запретилъ въ священнослуженіи. Дьяконъ просилъ Царя позволить ему служить литургію въ предстоящее воскресенье, но Царь отказавъ, отвѣтилъ: „Я боюсь Патріарха Никона, а ну какъ онъ отдастъ мнѣ свой посохъ и скажетъ: возьми его и самъ паси монаховъ и священниковъ. Я не вмѣшиваюсь и не противорѣчу тебѣ, когда ты повелѣваешь своими генералами и воеводами, зачѣмъ же ты мѣшаешь мнѣ управлять священниками и монахами?“

Были у Царя проявленія нѣкотораго нелюбія къ Никону въ разногласіи по вопросамъ церковнымъ. Такъ одно изъ нихъ разсказано Павломъ Алеппскимъ и относится къ веснѣ 1656 года по поводу водоосвященія въ день Крещенія Господня. Объ этомъ разсказываетъ Павелъ Алеппскій (II, 315) въ связи съ обратнымъ возвращеніемъ своимъ въ Москву въ апрѣлѣ 1656 г. по требованію Царя, съ дороги: ему передали о спорѣ Царя съ Патріархомъ въ Церкви въ Великую Пятницу. Споръ шель о совершенномъ 5 января Никономъ водоосвященіи, совершенномъ только однажды наканунѣ праздника. Это было сдѣлано Никономъ вопреки совѣту Антиохійскаго Патріарха Макарія, несмотря на то, что, какъ показываетъ Павелъ Алеппскій, Никонъ постоянно просилъ Патріарха Макарія слѣдить за его богослуженіемъ и говорить, что найдетъ неправильнымъ, чтобы имѣть возможность исправить свои обычаи, и обычно онъ слушалъ указанія, но не на этотъ разъ. Когда Царь узналъ, что это было сдѣлано не по совѣту Патріарха Макарія, а Никономъ самостоятельно, то онъ вступилъ съ нимъ въ споръ и будто „ругалъ его“, называя „блядинъ мужикъ“. Патріархъ Никонъ ему сказалъ: „я твой духовный Отець, зачѣмъ же ты поносишь меня.“ Впрочемъ, исторія съ ругательствомъ внесена Павломъ Алеппскимъ въ 1667 году, т. е. черезъ 10 лѣтъ (II, II, 316, 488), равно и замѣтки о надменности и гордости и о суровомъ поведеніи Никона были имъ вписаны подъ вліяніемъ боярскихъ разсказовъ во время второго путешествія въ Россію 1666 г., будучи вставлены въ прежній разсказъ. Сами ругательства надо отне-

сти, говорить Пальмеръ, къ другому поводу, именно — спору изъ-за назначенія Епископа въ Кіевъ 1657 г. (Пальм. 11, 478 Прим.). А Царь сказалъ ему: „ты не духовный отецъ мой, но духовный отецъ мой Антиохійскій Патріархъ, и я верну его обратно". Дѣйствительно Царь вернулъ Антиохійскаго Патріарха; но потомъ спустя нѣкоторое время, въ концѣ мая позволилъ ему уѣхать. Причины возвращенія указаны Павломъ Алеппскимъ (II, 322) — обсудить вопросъ о крещеніи поляковъ, дать свидѣтельство о Молдавскомъ Митрополитѣ, пріѣхавшемъ по порученію Молдавскаго воеводы Стефана просить о принятіи въ подданство Молдавіи, и присутствовать на осужденіи новой ереси.

Этотъ конфликтъ былъ болѣе серьезнаго свойства, именно по поводу назначенія въ Кіевъ Митрополита; Кіевъ въ 1657 г. принадлежалъ въ церковномъ отношеніи Константинопольскому Патріархату, еще не былъ присоединенъ по мирному договору (это случилось лишь въ 1667 г.), а былъ только занятъ въ порядкѣ военной оккупаціи. Тамъ умеръ Митрополитъ Сильвестръ Коссовъ, и Царь хотѣлъ чтобы Никонъ туда поставилъ Митрополита, а Никонъ рѣшительно отказывался, считая неканоническимъ ставить Митрополита въ чужомъ патріархатѣ, да еще безъ вѣдома Константинопольскаго Патріарха. Царь, однако вмѣстѣ съ политическимъ присоединеніемъ задумалъ совершить и церковное присоединеніе и, опираясь на свою фактическую власть, и совершить это присоединеніе, какъ если бы Никонъ дѣйствительно, и не только по титулу былъ Патріархомъ Малой Россіи; но Никонъ отказывается, и вотъ въ связи съ этимъ его отказомъ, предполагаетъ Пальмеръ, и начинаетъ его Царь ругать неподобными словами и „мужиномъ блядинымъ" (II Прим. 4, 87). Царь много разъ просилъ объ этомъ Никона, но Никонъ ставилъ условіемъ на это согласіе Константинопольскаго Патріарха. Самъ Никонъ объ этомъ пишетъ (1, 158) „Митрополитъ Питиримъ захватилъ Константинопольскую Церковь и лицемѣрно поставилъ епископа въ Кіевѣ при жизни тамошняго Митрополита: дѣло, которое мы сами, изъ уваженія къ Божественнымъ канонамъ, не рѣшались дѣлать, когда самъ Царь многократно настаивалъ на этомъ передъ нами и устно и письменно". Также объ этомъ онъ упоминалъ и въ грамотѣ Патріарху Діонисию Константинопольскому (III, 384, 399). Дѣло же о поставленіи Никономъ Митрополита въ Кіевѣ было въ значительной степени подготовлено. Послѣ смерти Сильвестра, Бутурлинъ послалъ къ епископу Черниговскому Лазарю Барановичу и

архимандриту Печерскому Иннокентію Гизелю въ Чигиринь, прося угодить Царю не выбирать Митрополита безъ царскаго указа и благословенія Московскаго Патріарха. Лазарь рѣшилъ совѣтываться съ Архимандритами и игумнами, и **7 августа 1657 г. отвѣтилъ, что Кіевское духовенство готово быть подъ Патріархомъ Никономъ: онъ пошлетъ кого-нибудь къ Царю послѣ похоронъ гетмана.** Бутурлинъ думалъ, что всѣ эти переговоры идутъ съ благословенія Никона, но въ дѣйствительности Никонъ не соглашался, а Царь его ругалъ. На это разногласіе есть намекъ и въ письмѣ Никона къ Лигариду въ іюлѣ 1662 г., когда еще Никонъ думалъ встрѣтить въ Лигаридѣ безпристрастное сужденіе объ его дѣлѣ и когда онъ еще не зналъ его прошлаго. Тамъ сказано (III, 52): „И тако быхомъ на патріаршескомъ столѣ на Москвѣ шесть лѣтъ въ совѣтѣ съ благочестивѣйшимъ Царемъ еще и не всецѣло; яже суть по Божественнымъ уставомъ пріяла святая великая Церковь власть о судѣ церковномъ, по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ седми Вселенскихъ соборовъ святыхъ отецъ и прочихъ, и благочестивыхъ Царей, а еже царская власть восхити судъ на насъ самихъ и на сыны наша, преосвященные митрополиты, архіепископы и епископы и на монастыри, и на архимандриты, игумны, іеромонахи и монахи и на весь притчъ церковный, о немъ же паче всякаго свидѣтельства яже на Москвѣ самъ зришь каково мучительство, и бѣдность, и грабленіе настоить Церкви”.

Стремленіе Царя посвятить Епископа на Кіевскую митрополию было внушено дядей Царя, бояриномъ Симеономъ Лукьяновичемъ Стрешневымъ, который съ дякомъ Дементіемъ Башмаковымъ завѣдывалъ Литовскимъ Приказомъ, 1657—1662 г. Когда Никонъ, ссылаясь на каноны, отказывался, то это вызывало гнѣвъ и неподобныя слова. **Это было, пишетъ Пальмеръ, отдаленная прелюдія къ тому конечному разрыву, который послѣдовалъ въ слѣдующемъ году, и она связана съ тѣмъ самымъ Симеономъ Лукьяновичемъ Стрешневымъ, который явится лидеромъ Никоновскихъ враговъ въ боярскомъ синклитѣ, начиная съ весны 1662 г. когда онъ ввелъ къ Царю Паисія Лигарида** (IV, 314).

Средства борьбы бояръ противъ Никона.

У Никона была неприкосновенная святая святыхъ: въ церковныхъ дѣлахъ, по существу принадлежащихъ Церкви, онъ рѣшающее слово отводилъ власти церковной, а не государственной, и въ этомъ былъ неумолимъ. Совокупность указанныхъ нами причинъ привела

либеральствующее боярство къ ненависти къ Никону, преимущественно боярь, стоящихъ у кормила правленія; это боярство и повело отчаянную неумолимую борьбу противъ Никона, продолжавшуюся вплоть до его кончины. Оно искало себѣ союзниковъ. Этимъ союзникомъ ему была партія старообрядческая, а потомъ, послѣ ухода Никона въ Воскресенскій монастырь присоединилась высшая церковная іерархія и съ 1662 г. Паисій Лигаридь, взявшій въ свои руки все руководство борьбы противъ Никона.

Чтобы посѣять въ Царѣ недовѣріе къ Никону, бояре оклеветали всѣ его дѣйствія. Одни говорили, что Никонъ злоупотребляетъ дружбой Царя, совѣтуетъ ему войны, чтобы съ удаленіемъ Царя изъ Москвы самому властвовать надъ всѣмъ (Вивл. IV № 11). Другіе говорили, что Никонъ хочетъ сдѣлаться равнымъ государю, и даже, что онъ хочетъ сдѣлаться Царемъ (Никонъ въ 26 вопросѣ самъ говоритъ объ этой клеветѣ). Благовиднымъ основаніемъ для такихъ обвиненій послужилъ данный Царемъ Никону титулъ великаго государя.

„Различіе господина и государя, замѣчаетъ Пальмеръ (IV, 151 пр.), дѣло обычая. Αὐθέντη или master, effendi не только титулъ извѣстнаго ранга, но употребляется и въ общемъ разговорѣ, подобно англійскому слову Sir, Sire и французскому Monsieur, Monseigneur; δεσπότης, по болгарски и по русски господарь и государь, будучи титуломъ царствующихъ князей, дается также и греками даже въ напечатанной литургіи ихъ епископамъ”.

Они использовали одну неосторожность Никона, выразившуюся въ отпискѣ отъ имени Церкви одной казенной вотчины Иверскому монастырю, и стали доносить Царю, что Никонъ похищаетъ себѣ государственное имущество, самовольно приписываетъ своимъ монастырямъ вотчины государственныхъ крестьянъ (27 воп.). Говорили, что Никонъ не хочетъ давать Царю помощи на войну отъ монастырскихъ вотчинъ, значить де Никонъ не почитаетъ Царя. Говорили, что онъ подкупленъ іезуитомъ Аллегретти, чтобы отвлечь вниманіе Царя отъ Польши къ Швеціи (По Бергу). Царя раздражали такіе навѣты, постепенно отчуждали его отъ Никона, причемъ бояре всячески препятствовали имъ свидѣться и уничтожить съ самаго начала недомолвки и недовѣріе. Къ этому времени относится и начало третированія Никона со стороны боярь: „Симеонъ Лукьяновичъ Стрешневъ, пишетъ Никонъ Константинопольскому Патріарху, научилъ нѣкоего пса себѣ подобнаго сидѣти якоже при Вознесеніи Господь нашъ воздвигъ руцѣ и благословлялъ Свои ученики, такъ и того

пса изучилъ обѣими передними ногами ругатися благословеніе Божіе и назвалъ того пса Никономъ Патріархомъ. Монастырскій Приказъ забралъ силу, пользуясь расхожденіемъ Никона съ Царемъ. Никонъ жаловался на несправедливое вмѣшательство Царя въ дѣла церковныя, но Царь не внималъ. Монастырскій Приказъ сталъ оспаривать распоряженія Патріарха, и даже отобралъ у него нѣкоторыя вотчины (Церк. Ист. Митрополита Платона 2 ч. 237 стр.).

Со времени ухода Никона продолжается систематическая борьба противъ него, направленная къ недопущенію его сближенія съ Царемъ, а затѣмъ къ его окончательному низверженію съ престола, борьба, которая продолжалась и послѣ ссылки Никона въ декабрѣ 1666 года въ Терапонтовъ монастырь въ смыслѣ недопущенія возможности его возстановленія и привела Никона, съ возстановленіемъ вліянія Милославскихъ послѣ смерти Алексѣя Михайловича, въ 1676 году къ болѣе тяжкому заключенію въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Въ Москвѣ съ самага начала не удовольствовались тѣмъ, что Никонъ ушелъ въ Воскресенскій монастырь, гдѣ онъ занялся постройкой храма и несеніемъ монашескаго подвига, и сдѣлали все, чтобы затруднить Никону возвращеніе и отравить ему существованіе. Уже въ 1658 г. духовнымъ лицамъ было запрещено ѣздить къ Никону, а по дорогѣ къ монастырю были поставлены заставы (Гюб. I, гл. 2), хотя сдѣлано это негласно. За Никономъ слѣдили, вывѣдывали черезъ посланныхъ къ нему, съ кѣмъ онъ общается изъ находящихся въ Москвѣ, и отъ кого узнаеть о происходящемъ тамъ. Всякое сочувствіе къ Никону строго преслѣдовалось, хотя Царь это и скрывалъ отъ Никона (выпытывая одновременно черезъ думнаго дьяка Дементія Башмакова, посылавшагося къ Никону въ маѣ 1659 г., вывѣдывать, кто общается съ Никономъ.) Соловьевъ объ этомъ ничего не пишетъ, и это устанавливается Гюббенетомъ. Послѣ отъѣзда Никона изъ Москвы въ его помѣщеніи, гдѣ онъ жилъ, былъ произведенъ обыскъ съ цѣлью изъять письма Царя и грамоты, гдѣ онъ титуловалъ Никона „Великимъ Государемъ". Однако, двѣ сохранившіяся грамоты Царя съ пожалованіями Крестному монастырю отъ 30 іюля 1657 г. и 27 марта 1658 г. титулуютъ Патріарха Никона многократно „великимъ Государемъ". Онѣ напечатаны въ 94 томѣ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Посѣтившіе Никона за іюль 1659 года пѣвчіе дьяки сами повинились въ нарушеніи запрета и были допрашиваемы. Лѣтомъ же 1659 г., когда Никонъ пріѣхалъ въ Москву въ виду выясненія отвѣтовъ, куда уѣзжать, такъ какъ

несчастія войны привели татаръ подь Москву; ему въ Москвѣ было предложено ѣхать въ Калязинскій монастырь, но Никонъ увидѣлъ въ этомъ замаскированное желаніе его сослать (пишетъ онъ въ 17 вопросѣ,) и не поѣхалъ туда (объ ссылкѣ пишетъ самъ Никонъ), а его выраженіе, что ужь лучше ему въ Москвѣ помѣститься въ Зачатіевскомъ, гдѣ была тюрьма, показываетъ, что онъ тутъ же даль понять, что ему смыслъ предложенія ясенъ. Никонъ не могъ свободно переписываться, ибо за этимъ также слѣдили, и это обстоятельство подчеркивается Гюббенетомъ, какъ причина того, что многіе сторонники Никона, наличность которыхъ совершенно несомнѣнна, скрыты отъ насъ. Когда съ разрѣшенія Царя Никонъ отправился въ свои монастыри Иверскій и Крестный въ сентябрѣ 1659 года и пробылъ тамъ до декабря 1660 года, то въ январѣ 1660 г. Царь созвалъ соборъ, который и засѣдалъ въ февралѣ, стремясь заочно расправиться съ Никономъ, въ нарушеніе правилъ, не допускающихъ судить архіерея заочно, а также судить Патріарха безъ другихъ Патріарховъ. Мы видѣли искусственную подтасовку свидѣтельскихъ показаній, на основаніи которыхъ, хотя и не рѣшили считать Никона осужденнымъ, однако лживо установили фактъ отреченія его отъ патріаршества и ухода безъ благословной вины, что на судѣ 1666 г. считалось уже окончательно установленнымъ и не требующимъ изслѣдованія. Въ это же время возникло темное дѣло объ отравленіи Никона черезъ явившагося къ нему дьякона Θεодосія, служившаго передъ тѣмъ у заклятаго врага Никона Митрополита Питирима. Самъ Никонъ писалъ объ этомъ 28. VI 1660 г. Зюзину: „А нынѣ мнѣ о себѣ иного кромѣ болѣзней и скорбей писать нечего; едва живъ въ болѣзняхъ, Крутицкій Митрополитъ да Чудовскій архимандритъ прислали дьякона Θεодосія, который жилъ у Крутицкаго Митрополита, со многими чаровствами, чтобы меня отравить, и онъ было отравилъ, да Господь помиловалъ, едва безуемъ камнемъ и индриговымъ пескомъ отпился, лежалъ не мало безъ памяти, едва не умеръ и нынѣ весьма животомъ страдаю, и впредь не знаю, — что будетъ и долго ли проживу". Осталось неизслѣдованнымъ это дѣло, но впоследствии на судѣ Никонъ отводилъ, хотя и безрезультатно, участіе Митрополита Питирима и Павла епископа Крутицкаго, бывшаго архимандрита Чудовскаго (въ 1666) за попытку его отравить. Но когда Царь предложилъ Никону казнить дьякона Θεодосія или сослать по выбору Никона, то Никонъ отказался его преслѣдовать, сказавъ: „воля въ томъ великаго государя; я чистъ отъ этого дьякона и злого его ковар-

ства, которое онъ на меня умыслилъ, трутизною смертию предать наученіемъ злыхъ челоѣкъ, но какъ меня сохранила десница Все-вышняго, то я дьякону не истецъ, ибо зло на меня умыслили Крутицкій Митрополитъ да Чудовскій архимандритъ, а съ дьякономъ, что великій Государь ни укажетъ — его государева воля". По возвращеніи изъ путешествія въ Воскресенскій монастырь на Никона обрушиваются враги, въ лицѣ Ивана Сытина и стольника Романа Боборыкина, сосѣдей Никона по земельнымъ владѣніямъ Воскресенскаго монастыря. Поселивъ раздоръ между Никономъ и Царемъ и покончивъ съ титуломъ Великаго Государя, затѣнившаго боярство, бояре продолжали раздражаться особенно на двѣ вещи: на оппозицію Никона Уложенію и суду Монастырскаго приказа надъ духовенствомъ и его имѣніями и крестьянами, и во вторыхъ, на царское разрѣшеніе на основаніе Никономъ трехъ монастырей и на снабженіе ихъ крупной земельной собственностью, частью черезъ собственную покупку Никономъ, вопреки духу Уложенія. (Въ подражаніе расположенію Иверскаго монастыря на Аѳонѣ Никонъ устроилъ на Валдайскомъ озерѣ Иверскій монастырь въ честь Пресвятой Богородицы въ 1653—1657 г.; Крестный монастырь устроенъ въ 1656—1661 г. въ память спасенія Никона отъ бури, когда онъ былъ еще простымъ монахомъ, и Воскресенскій монастырь, воспроизводящій Іерусалимъ, начатый въ 1657 г. съ Церковью Воскресенія Христова, точно воспроизводящей Іерусалимскій храмъ, конченный уже при Царѣ Ѳеодорѣ.)

Когда не удалась попытка сдѣлать Никона плѣнникомъ, а потомъ отравить его, и, когда Царь не согласился разсматривать Никона, какъ уголовнаго преступника, или низвергнуть его черезъ утвержденіе Собора 1660 г., несмотря на признаніе этимъ соборомъ каѳедры вакантной, для Никона все же оставалась нѣкоторая независимость во владѣніи тремя монастырями съ ихъ духовенствомъ, имѣніями и крестьянами, и здѣсь Никонъ продолжалъ отвергать Уложеніе и не признавать юрисдикцію монастырскаго и другихъ царскихъ приказовъ. Сами бояре считали недостаточнымъ просто избрать Патріарха на мѣсто, признанное вакантнымъ, считая, что, пока Никонъ способенъ дѣйствовать епископски, будетъ опасность отъ двупатріаршества, при которомъ оба Патріарха могутъ вступить за права Церкви, да не исключалась возможность при характерѣ Царя, что Никонъ возстановитъ свое вліяніе. Въ рукахъ бояръ были приказы, и они не оставили Никона въ покоѣ а повели

нападеніе на собственность и иммунитетныя права монастырей, вынуждая, если не самого Никона, то его духовенство, монаховъ и крестьянъ признавать ихъ юрисдикцію, установленную Уложеніемъ. Собственники земель, граничащихъ съ Никоновскими монастырями, были удобнымъ средствомъ для производства вторженій въ Никоновскія владѣнія черезъ ихъ приказчиковъ и крестьянъ, а при сопротивленіи можно было создавать въ приказахъ слѣдствія, на которыхъ ихъ собственные крестьяне будутъ какъ бы въ положеніи обиженныхъ отъ властей и крестьянъ Никоновскихъ, или даже отъ самого Патріарха. Бояре черезъ это достигли запутыванія Никона въ дѣла съ приказами, а черезъ нихъ и съ самимъ Царемъ, а черезъ это приводили и Царя и Патріарха къ еще большому ихъ отчужденію другъ отъ друга. Ставя Никона подъ юрисдикцію приказа, они вызывали его на отмалчиваніе въ виду признанія имъ своей неподчиненности, а, вслѣдствіе его молчанія, могли приводить дѣло въ исполненіе сами и, когда бы Никонъ жаловался Царю, они могли бы объяснить, что онъ самъ виноватъ, отклоняя юрисдикцію приказа, и указывать, что онъ возстаетъ противъ общаго государственнаго законоуложенія и въ сущности игнорируетъ не только приказы Царя, но и его самого. Дѣло запутывалось еще болѣе отъ того, что Патріархъ съ своей собственностью, духовенствомъ, монахами и крестьянами изъять изъ дѣйствій Уложенія, и всѣ эти лица должны были судиться въ его приказахъ. Когда Никонъ на это сошлется, то они возразятъ, что Никонъ больше не Патріархъ; кромѣ того, независимо отъ исключительныхъ правъ Патріарха, не было необычно, чтобы Царь изъ особой милости къ жалующимся взялъ бы на свое разсмотрѣніе какое-либо дѣло по своему усмотрѣнію или сначала или уже въ процессѣ его разсмотрѣнія въ приказахъ. При жалобахъ Никона Царь могъ посылать своихъ комиссаровъ для урегулированія дѣла или для вынужденія компромисснаго соглашенія сторонъ, но въ общемъ Царь, дѣйствующій черезъ приказы, превалировалъ надъ царемъ, дѣйствующимъ лично (IV, 388). И даже, когда Никонъ въ какомъ-либо частномъ пунктѣ выигрывалъ, онъ терялъ лично для себя передъ Царемъ больше, чѣмъ выигрывалъ для своихъ монастырей, не только черезъ свои возраженія и порицанія, которыя раздражали Царя, но и черезъ постоянную доуку, причиняемую этими постоянными апелляциями къ его личному авторитету противъ его публичнаго авторитета, приводившія его такъ или иначе къ столкновенію съ боярами и людьми его приказовъ, вліянію которыхъ онъ отдавался.

Стремленіе же приписать ему какое-либо уголовное преступленіе имѣло своимъ стимуломъ создать невозможность Никону вернуться къ Царю, т. е. это былъ тотъ же стимуль, который впослѣдствіи на судѣ побуждалъ ихъ добиваться низверженія изъ сана; потому и не были въ 1665 г. приняты условія Никона объ уходѣ съ кафедры, ибо онъ уходилъ бы неопороченнымъ и могъ бы вернуться.

Конечно Никонъ возстанавливалъ противъ себя своей безкомпромисностью, прямолинейностью и суровостью. Онъ это самъ понималъ и 12 дек. 1666 г. послѣ низложенія говорилъ, по словамъ Шушерина (стр. 128), садясь въ сани: „О, Никоне, все сіе тебѣ бысть сего ради, не говори правды, не теряй дружбу, аще бы еси уготовалъ трапезы драгоцѣнныя, и съ ними свечерялъ, не бы ти склочишася: и тако сяде и поиде паки во дворъ". Заглянемъ нѣсколько въ тѣ сравнительно мелкія досажденія Никону отъ бояръ, когда они еще не могли его погубить.

Докуки Никону 1660-1663 г. отъ сосѣдей Сытина и Боборыкина.

Трудно себѣ представить, какъ изощренно непрерывно травили Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ, начиная съ 1660 г., отравляя его обыденное существованіе разными навѣтами, по которымъ производилось слѣдствіе. Сытинъ клеветалъ на Никона въ декабрѣ 1660 г. въ увозѣ его скошеннаго сѣна, а когда клевета, несмотря на недоказанность ея въ слѣдствіи, оказалась безнаказанной, то представилъ черезъ два года обвиненіе въ укрывательствѣ его бѣглыхъ крестьянъ Никономъ, въ убійствѣ его крестьянина крестьянами Никона; въ угрозѣ этимъ убійствомъ чуть ли не отъ самаго Никона; а потомъ захватилъ рыбныя ловли Воскресенскаго монастыря, и все безнаказанно. По этому дѣлу было у Никона слѣдствіе 26 февраля 1663 г. околичнаго Осипа Сукина и дьяка Брехова, которое сводилось къ придирамъ относительно показаній Никона и упрекамъ, причины которыхъ Никонъ такъ объяснялъ лично Сукину: „неправды великія ко мнѣ во всемъ: выискиваютъ, научаютъ и подкупаютъ многихъ людей, чтобы на меня говорили и писали велія неправды; меня поносятъ и безчестятъ всячески и ко псу примѣняютъ, а великій государь меня отъ тѣхъ людей оборонить не велитъ. А клеветники — тѣ, которые приносятъ на меня великому государю ложныя жалобы, это — Иванъ Сытинъ и Романъ Боборыкинъ". Боборыкинъ доносилъ о томъ, что Никонъ подговариваетъ его убить, завладѣлъ землей монастыря, сѣнными покосами. Никонъ жаловался Царю. Царь велѣлъ по писцо-

вымъ книгамъ отдать землю въ Левкинъ монастырь, но этого не исполнили, и Боборыкинъ продолжалъ владѣть землей. Власти монастыря подали Царю челобитную о разслѣдованіи дѣла по писцовымъ книгамъ, но на это рѣшенія не послѣдовало. Когда пришло время жатвы и покосовъ, то Никонъ велѣлъ своимъ монастырскимъ крестьянамъ скосить сѣно и сжать рожь. На это жаловался Боборыкинъ, и когда къ Никону явилось слѣдствіе въ лицѣ думнаго дворянина Баклановскаго и дьяка Брехова объ этомъ по жалобѣ Боборыкина, то Никонъ, не желая вести спора, отдалъ всю наличность монастыря, бывшую въ данный моментъ и составлявшую цѣну въ 10 разъ высшую противъ сжатыхъ 67 четвертей ржи. Это было въ мартѣ 1663 г. Но еще ранѣе того, въ 1661 г. Никонъ писалъ Царю о Боборыкинѣ, котораго называлъ „сосудомъ злоначальнаго змія, который его преслѣдуетъ и не даетъ ему покоя, смущаетъ Царя ложными на него жалобами“. Дѣло было въ томъ, что Никонъ, еще будучи на престолѣ, купилъ у Боборыкина его вотчину село Воскресенское для строенія монастыря, а хлѣбъ въ полѣ Боборыкинъ пожертвовалъ монастырю на строенія, также сельцо Бобырево, съ покосами и землями, но, когда Никонъ потерялъ свое значеніе, Боборыкинъ затѣялъ споръ о пожертвованныхъ земляхъ и завладѣлъ ими. Такъ какъ отвѣта на жалобу монастырскихъ властей не было, то Никонъ велѣлъ сжать свою рожь и скосить сѣно. Никонъ не могъ уступать Боборыкину въ его неправыхъ требованіяхъ о землѣ, **ибо тогда явились бы и другія лица съ подобными требованіями, и монастырь былъ бы разорень.** Это то и нужно было врагамъ Никона отнять у него средства на постройку Воскресенскаго монастыря. Нѣсколько разъ беспокоили Никона этимъ дѣломъ: въ декабрѣ 1661 г. пріѣзжалъ для слѣдствія надъ Воскресенскими властями Верделевскій, который описывалъ сѣно; въ мартѣ 1663 г. пріѣзжалъ думный дворянинъ Баклановскій и дьякъ Бреховъ, чтобы учинилась сдѣлка между Боборыкинымъ и Никономъ, въ результатѣ которой Никонъ отдалъ всю наличность; наконецъ 25 іюля 1663 г. эти же лица пріѣхали отводить Боборыкину оспариваемую имъ неправильно землю. Боборыкину это удалось, но не удалось только оклеветать Никона въ наѣздахъ его крестьянъ съ цѣлью смертнаго убійства его самого; однако клевета его осталась безнаказанной. 25 и 26 іюня Никонъ служилъ молебенъ съ заклинаніемъ на обидящихъ; Боборыкинъ оклеветалъ Никона въ томъ, что его заклинанія относились не къ нему — Боборыкину, а къ самому Царю. Онъ искажилъ и перетолковалъ слышанное на молитвѣ,

будто Никонъ износилъ проклятіе на Царя и читалъ на молебнѣ соотвѣтствующіе псалмы, а подѣ крестомъ лежала жалованная грамота отъ Царя. Въ дѣйствительности дѣло было не такъ; Никонъ пишетъ, что „за великаго государя и его семью онъ Бога молилъ въ ектеніяхъ, клятву же износилъ на обидящаго Романа Боборыкина, а жалованная грамота была принесена въ церковь, ибо въ ней по государеву указу въ Помѣстномъ Приказѣ записаны всѣ земли Воскресенскаго монастыря и Романова вотчина."

Царь повѣрилъ и этой клеветѣ и созвалъ высшіе духовные чины и бояръ, которые и поручили произвести слѣдствіе боярину кн. Никитѣ Ивановичу Одоевскому, окольнічему Родіону Стрешневу, дьяку Алмазу Иванову, а изъ духовныхъ Лигариду, Астраханскому архіерею Іосифу и архимандриту Богоявленскаго монастыря Θεодосію. Когда, несмотря на недоказанность обвиненій, Одоевскій, согласно инструкціи изъ Москвы, объявилъ 23 іюля Никону арестъ съ постановленіемъ ходить только въ келью и церковь, то Никонъ сказалъ: „Никакихъ непристойныхъ словъ про великаго государя я не говорилъ и клятвы не износилъ, и, хотя бы въ мысли моей было износить клятву на великаго государя — пусть будетъ та клятва на мнѣ сугубо и трегубо. По государеву указу хотя бы въ темницу я готовъ, только ты послушай, что говоритъ 3 пр. Константинопольскаго Собора: „Аще который мірской человѣкъ епископа въ темницу ввержетъ, или біетъ безъ вины, да будетъ проклятъ". А про Соборъ, который поручилъ Паисію говорить Никону объ его неправой клятвѣ, Никонъ сказалъ: это іудейское сонмище бѣснуется и противъ Божественныхъ правилъ запрещаетъ, — мнѣ того слушать непристойно; а чтобы умереть въ монастырѣ, и никуда не ходить — на этой великаго государя милости челомъ бью. Въ монастырѣ жить готовъ и никуда не пойду". Это слѣдствіе Одоевскаго, продолжавшееся 5 дней (18—23 іюля), сопровождалось уже физическимъ воздѣйствіемъ. Во время литургіи 19 іюля стрѣльцы хватили въ Церкви монаховъ, послѣ обѣдни забрали патріаршихъ дѣтей боярскихъ по тюрьмамъ, къ патріаршей кельѣ приставили стрѣльцовъ. 22 іюля 1663 г. Никонъ хотѣлъ идти по обычаю на работу, когда ему доложили, что печь съ кирпичами готова, но къ нему были присланы архіепископъ Θεодосій и дьякъ сказать, чтобы онъ изъ кельи не выходилъ. Еще въ декабрѣ 1661 г. Никонъ писалъ Царю: „Я много отъ твоихъ синклитчиковъ поруганъ", но еще все худшее было впереди.

Приготовление къ суду надъ Никономъ.

Независимо отъ всего этого, съ прїѣздомъ Лигарида былъ задуманъ Соборъ, чтобы рѣшить вопросъ о Никонѣ и о замѣщеніи патріаршаго престола, съ участіемъ Восточныхъ Патріарховъ, какъ совѣтоваль сдѣлать Лигаридъ, чтобы дѣло могло быть рѣшено окончательно. Вопросъ о созывѣ Собора былъ рѣшенъ Царемъ 21 декабря 1662 г. Было указано созывать Соборъ на май или іюнь 1663 и подготавливать матеріаль къ Собору по обвиненіямъ на Никона.

Назначеніе комиссіи 23 декабря 1662 года. Собираніе винъ на Никона къ Собору.

Особая комиссія должна была собирать эти „вины" къ Собору въ поискахъ винъ характера матеріальнаго; должны были немедленно Салтыковъ, Думный дьякъ Алмазь Ивановъ и дьякъ Голосовъ собирать „заручныя расписки и сказки 1) у сборныхъ ключарей — что Патріархъ Никонъ, будучи на патріаршествѣ, изъ соборной Церкви взялъ образы и всякой церковной утвари съ распиской и безъ расписки. 2) у патріаршихъ приказныхъ людей при отъѣздѣ изъ Москвы по оставленіи патріаршаго престола денегъ, золотыхъ и ефимокъ всякой домовою казны, хлѣба, лошадей и прочаго и что при немъ домовыхъ патріаршихъ вотчинъ кому промѣнено и у кого въ то мѣсто вымѣнено или взято у кого въ цѣну или безъ цѣны, въ которыхъ городахъ и въ какихъ годахъ и тѣ вымѣненныя, купленныя и взятыя вотчины всѣ ли нынѣ въ домовыхъ патріаршихъ вотчинахъ или куда отданы; 3) книжнаго печатнаго двора у справщиковъ отобрать свѣдѣнія, сколько при Патріархѣ Никонѣ было выходовъ какихъ печатныхъ книгъ и выходъ съ выходомъ сходенъ ли; статьи печатныя и писанныя книги и съ греческихъ присыльныхъ книгъ переводы, съ которыхъ тѣ книги печатаны, всѣ ли на печатномъ дворѣ и, если которыхъ нѣтъ — то гдѣ онѣ. 4) У старца Арсенія Суханова — какія онѣ въ Палестинѣ купилъ книги, и что за нихъ денегъ заплачено, и кому тѣ книги отданы. 5) Послать государевы грамоты во всѣ монастыри и архимандритамъ, игумнамъ и смотрителямъ за братьей, чтобы они прислали сказки и расписки съ своими руками — сколько Патріархъ Никонъ изъ монастырей бралъ для себя какихъ церковныхъ потребъ или монастырской какой казны, хлѣба, лошадей и другого чего, и монастырскихъ вотчинъ на мѣну и въ цѣну и безъ цѣны и въ которыхъ городахъ и годахъ."

Были представлены и жалобы Сытина и Боборыкина; Крутицкій Митрополитъ принесъ жалобу на анаѳему Никона, произнесенную будто бы за то, что онъ свидѣтельствовалъ на Соборѣ 1660 г. объ отреченіи Никона отъ престола (отлученіе было, какъ мы видѣли, за самовольное восхищеніе власти и другія извѣстныя намъ дѣла). Жаловались Новгородскіе дворяне и дѣти боярскія на обиды отъ крестьянъ Иверскаго монастыря; помѣщики сосѣди жаловались на тягость, что съ вотчинъ Иверскаго монастыря да точныхъ людей не берутъ, а Никонъ хлопоталъ объ освобожденіи отъ этой повинности этихъ крестьянъ, ибо уже было поставлено съ начала 500, а потомъ 300 человекъ. Въ это время отовсюду, отъ всѣхъ монастырей и церквей хотѣли собрать вины и обличенія противъ Никона и принималось все, что кто бы ни представилъ противъ него.

Однако, замѣчаетъ Ундольскій („Мнѣніе Никона объ Уложеніи" Русск. Арх. 1886 стр. 13): „Несмотря на запросы о притязаніяхъ Никона, уже удаленнаго отъ дѣлъ, ничего не сыскано въ его обвиненіе".

Этотъ указъ о собираніи винъ врученъ 23 декабря 1662 г. боярину Салтыкову, и въ тотъ же день приказано заготовить царскія грамоты къ Патріархамъ на предметъ ихъ приглашенія, а грамоты долженъ былъ вести іеродіаконъ Мелетій — другъ Лигарида.

Лигаридъ. Его вопросы-отвѣты.

Лигаридъ занимался постановкой всего дѣла обвиненія и имѣлъ въ виду придать борьбѣ противъ Никона идейный характеръ, — защиты царской власти отъ покушенія на нее со стороны Патріарха. Для бояръ это было настоящимъ приобрѣтеніемъ: — и Лигаридъ сталъ ихъ кумиромъ съ тѣхъ поръ, какъ еще въ августѣ 1662 года стали расходиться по боярскимъ рукамъ его вопросы якобы отъ имени Стрешнева, заданные ему, и его отвѣты Никонъ впослѣдствіи писалъ, что „Царь и бояре слушаютъ Лигарида, какъ пророка Божія". Никонъ писалъ Константинопольскому Патріарху: „Я писалъ царскому величеству что недопустимо принимать такихъ лицъ безъ удостовѣреній, согласно Божественному праву, говорящему „входящій въ овчій дворъ не черезъ дверь, есть воръ и разбойникъ..." Но на это не было обращено вниманіе, и Царь слѣдовалъ ему во всемъ; все, что бы тотъ ни сказалъ, онъ принималъ это, какъ изъ устъ Божіихъ; онъ слушаетъ его, какъ пророка Божіяго, о которомъ знающіе его говорятъ, что онъ раскольникъ... Посвященъ въ дьяконы и священники папскимъ авторитетомъ... Здѣсь ничего не дѣлаетъ подобающаго епископамъ, ѣсть

мясо и пьеть передь литургіей и совершаеть содомію. Но всѣхъ лицъ, такъ свидѣтельствующихъ о Паисіи, Царь сослалъ въ разныя мѣста" (III, 391-392). Въ этихъ вопросахъ-отвѣтахъ Никонъ обвинялся въ неканоническихъ дѣяніяхъ: принятіи второй хиротоніи, запрещеніи причащать преступниковъ, присужденныхъ къ казни. Лигаридъ признавалъ наличность состоявшагося отреченія Никона, заявлялъ, что архіереи не имѣютъ грѣха за попущеніе Никону, если только не были спрошены; что надо созвать теперь Соборъ, и что это можетъ сдѣлать и Царь безъ Патріарха. Соборъ 1660 г. вполнѣ де дѣйствителенъ; архіереи могутъ судить своего Патріарха. Лигаридъ считаетъ Никона гордымъ за то, что онъ будто не почитаетъ архіереевъ братьями, обвиняетъ въ принятіи титула великаго государя, за выдумываніе III Іерусалима, помимо существующаго на небѣ и на землѣ. Лигаридъ обвинялъ Никона въ вождельнѣи чужихъ епископскихъ угодій, именно епископа Коломенскаго, въ томъ, что онъ строилъ обозы и города, что подобаеть только царямъ и вельможамъ. Лигаридъ обвиняетъ Никона въ томъ, что онъ не объяснилъ тайны своего ухода и совершилъ его безъ совѣта съ архіереями и безъ доклада Царю. Лигаридъ защищаетъ мѣстоблюстительство патріаршаго престола по указу Царя, заявляя, что первое дѣло Царя пещись о Церкви, и архіереи и бояре грѣшатъ тѣмъ, что не побуждаютъ Царя учинить окончательное рѣшеніе о замѣщеніи патріаршаго престола. Проклятія Никона, по Лигариду, недѣйствительны, ибо они не по достоинству. Всѣ церковныя права Никона, по Лигариду, имѣютъ источникъ въ Царѣ: онъ ихъ поручилъ Никону; но тотъ возгордился подобно Нарциссу, и ихъ лучше у него отобрать въ виду дурного ихъ употребленія Никономъ по неблагодарности. Самое учрежденіе Монастырскаго Приказа Лигаридъ находитъ правильнымъ, ибо въ волѣ де Царя лежало улучшить порядокъ; ставить архимандритовъ и другія власти — привилегія Царя. Называть Царя обидчикомъ, значить позорить Царя, а за это лицо духовнаго сана подлежить низверженію. Лигаридъ обвиняетъ Никона даже за то, что онъ самъ не явился на Соборъ, созванный въ его отсутствіе. Архіереи не нарушали де своего обѣта въ послушаніи Патріарху, ибо онъ убѣждалъ, отменяясь отъ всѣхъ. Лигаридъ не одобряетъ отлученія Никономъ Стрешнева за наученіе пса благословлять, ибо отлученіе полагается только за смертный грѣхъ. Согласно этимъ отвѣтамъ Никонъ подлежалъ низверженію и отлученію не только, какъ устроитель новыхъ порядковъ въ церков-

ныхъ дѣлахъ, но и какъ разрушитель мира царства и противникъ царской власти (Отвѣты эти составлены до 15 августа 1662 г.)

Вотъ, краткій обзоръ вопросовъ и отвѣтовъ, поднятыхъ Лигаридомъ. Совершенно очевидно, что онъ хотѣлъ создать боярству опору для сужденія по всѣмъ вопросамъ злобы въ отношеніи Никона и выставить его виновнымъ во всемъ, а бояръ и Царя представить виновными развѣ только въ томъ, что они терпятъ такого гордаго омірщившагося человѣка въ патріархахъ и не спѣшатъ судить его и замѣнить другимъ. Такъ обстояло дѣло относительно обвиненія Никона. Мы видимъ, что Лигаридъ значительно раздвинулъ рамки обвиненія передъ церковнымъ судомъ, ранѣе не шедшимъ дальше обвиненія Никона въ оставленіи каѳедры, какъ показываетъ дѣло на Соборѣ 1660 года.

Вопросъ о томъ, какъ составить правила, по силѣ которыхъ обвинить Никона. Составленіе вопросовъ для отправки на Востокъ.

Но оставалось теперь составить правила, по которымъ обвинять Никона. Каноны могутъ не предусматривать многого и не опредѣлять точно, поэтому надо ихъ конкретизировать въ примѣненіи къ данному случаю или вѣрнѣе комплексу опредѣлившихся въ дѣлѣ отношеній. Лигаридъ придумываетъ такую комбинацію: чтобы не вышло неясностей, онъ рекомендуетъ Царю, чтобы Патріархамъ былъ заранѣе предложенъ рядъ вопросовъ примѣнительно къ нуждамъ случая, и притомъ сдѣлано это на языкѣ, имъ понятномъ, и лицомъ знающимъ греческій языкъ. Когда на это онъ получилъ согласіе, то все порученіе и было возложено на его друга діакона Мелетія грека, который долженъ былъ ѣхать въ Константинополь для выработки отвѣтовъ. Черезъ это одно все дѣло по составленію правилъ попадало въ руки Лигарида. Что касается тѣхъ конкретныхъ случаевъ, въ которыхъ надо было принять правила, то они также опредѣлялись Лигаридомъ и Мелетіемъ, при чемъ имя Никона не упоминалось, такъ что и Патріархи, давашіе отвлеченные отвѣты на вопросы отвлеченные, могли бы не чувствовать за собой отвѣтственности за примѣненіе правилъ къ опредѣленному лицу. Впослѣдствіи Лигаридъ выступилъ и переводчикомъ отвѣтовъ съ греческаго языка на латинскій, а съ латинскаго на русскій были другіе переводчики, такъ что и Лигаридъ слагалъ впослѣдствіи отвѣтственность за намѣренно ошибочно сдѣланный имъ переводъ самаго отвѣтственнаго мѣста, касавшагося сферы компетенціи Царя. Павель, Митрополитъ Крутицкій, и Иларіонъ архіепископъ

Рязанскій, уже послѣ осужденія Никона отказались подписаться подъ патріаршими отвѣтами въ январѣ 1667 года, ссылаясь на то, что въ переводѣ опущено одно слово „политическіе“, измѣнившее весь смыслъ положенія, именно, что „Царь есть верховный начальникъ во всѣхъ политическихъ дѣлахъ“. Самъ Лигаридъ въ своей исторіи разсказалъ, какъ онъ былъ введенъ бояриномъ Стрешневымъ великимъ постомъ 1663 года къ Царю и давалъ консультацію Царю и боярамъ, какъ онъ совѣтывалъ отправить тайно вопросы Патріархамъ, имъ самимъ составленные по-гречески, вмѣстѣ съ милостыней, какъ онъ 7 іюля 1663 г. писалъ Царю совѣтъ поспѣшить съ рѣшеніемъ и какъ осенью того же года были составлены вопросы и посланы съ другомъ Лигарида Мелетіемъ.

Бояре побуждаютъ старообрядцевъ составить петицію противъ Никона.

Однако, еще прежде, чѣмъ были составлены 25 вопросовъ Лигарида Вселенскимъ Патріархамъ, и прежде чѣмъ было рѣшено послать ихъ, до іюля 1663 г., когда Царь поручилъ Лигариду составить эти вопросы, бояре хотѣли использовать вражду старообрядцевъ къ Никону и побудили ихъ лидеров составить обвиненія и представить петицію противъ Никона. Это было въ первые 5 мѣсяцевъ 1663 г.; петиція поражаетъ странностью сочетанія сотрудничества Лигарида со старообрядцами, для которыхъ первый выступаетъ такимъ же глашатаемъ, какъ и для бояръ. Она анонимна, но говоритъ какъ бы отъ лица всѣхъ русскихъ епископовъ, и написана повидимому однимъ изъ нихъ, сочувствующимъ старообрядчеству, Александромъ Вятскимъ, но подчинившимся Церкви въ 1666 г. на Соборѣ (по предположенію Пальмера: IV, 459). Исходный мотивъ ея тотъ, что Лигаридъ уже показалъ въ своихъ вопросахъ-отвѣтахъ, что Епископы грѣшатъ тѣмъ, что не побуждали Царя положить конецъ затрудненіямъ созывомъ Собора, который окончательно бы низложилъ Никона и избралъ новаго Патріарха. Петиція исходитъ изъ того, что Никонъ не только отрекся отъ престола, но отрекся съ клятвой, не окончивъ литургіи, въ Церкви, и потому не можетъ называть себя Патріархомъ; онъ простой монахъ и не можетъ давать благословенія дѣйствующему епископу и совершать епископскіе акты. Онъ унижаетъ Царя, вопреки 84 апостольскаго правила, обвиняя въ захватѣ церковныхъ дѣлъ Бояринъ Хитрово правильно сдѣлавъ, что побилъ представителя Патріарха, а Царь правъ, что воздержался отъ посѣщенія службы, чтобы смирить Никона. Сказавъ о Никоновскомъ

отверженіи Собора 1660 г., о якобы самопревозношеніи Никона, благодаря архіерейской присягѣ о послушаніи Патріарху, петиція заявляетъ, что забота Царя о Церкви совершенно канонична, и продолженія вдовства ея нельзя допускать, во избѣжаніе нареканій отъ пріѣзжихъ епископовъ. Она проситъ держать Никона подъ стражей и изъять его изъ среды епископовъ. Онъ не въ правѣ упрекать Царя во вмѣшательствѣ въ церковныя дѣла, ибо онъ уже не епископъ. Онъ придумалъ названіе монастыря Новый Иерусалимъ въ противоположность старому; его правильно де называетъ Лигаридъ *Neisorolis* т. е. городомъ распри, вражды, что тамъ должны быть скверныя женщины, которыхъ могутъ считать матерью Антихриста. Петиція говоритъ о недостойнствѣ жизни Никона въ духѣ раскольничьихъ сказаній, опровергнутыхъ профессоромъ Субботинымъ. Питиримъ сталъ мѣстоблюстителемъ во волѣ Царя и епископовъ. Онъ посвятилъ Меѳодія не безъ приказа Царя, поэтому не подлежитъ проклятію. Петиція умоляетъ Царя озаботиться объ избраніи другого Патріарха. Какая нужда для этого въ Соборѣ? Великій князь Василій Васильевичъ своей одной властью низложилъ Исидора и арестовалъ его въ Чудовомъ монастырѣ, и шесть русскихъ епископовъ съ архимандритами и игуменами низложили Зосиму и поставили Симона игумена Троицкаго, безъ каноническаго числа 12, которыхъ трудно собрать въ Россіи. Петиція порицаетъ исправленіе богослужебныхъ книгъ при Никонѣ и упрекаетъ его за ссылки на Паисія Патріарха Константинопольскаго, какъ будто наши пять патріарховъ предшественниковъ и Цари ошибались. Такъ петиція обвиняла Никона, избѣгая указывать отдѣльныя нововведенія, глухо, въ общихъ выраженіяхъ, обвиняя Никона въ обрядовыхъ нововведеніяхъ, въ недолжномъ почитаніи Константинопольскаго Патріарха и въ неуваженіи къ русскимъ святымъ и пастырямъ. Вопросы, посланные Патріархамъ, содержатъ подобныя же обвиненія на Никона, какъ если бы онъ сдѣлалъ нововведенія не только въ отношеніяхъ духовной и свѣтской власти, но и въ обрядовыхъ обычаяхъ. „Ясно, пишетъ Пальмеръ (IV, 460), что Паисій въ союзѣ съ кѣмъ-либо изъ бояръ, вѣроятно съ Симеономъ Стрешневымъ, внушилъ содержаніе этой петиціи одному изъ русскихъ епископовъ, сочувствовавшихъ старообрядцамъ, но не полному раскольнику, который такъ ее составилъ, что, представляя духъ старообрядцевъ, онъ могъ бы выставить и Лигаридовскіе аргументы безъ явнаго противорѣчія и представить ее не только отъ имени одного, но всѣхъ русскихъ епископовъ; но въ то

же время, вѣдь, ни одинъ изъ лидеровъ старообрядцевъ не выставилъ бы такого довода, что оставленіе кафедръ вакантной не только неканонично, но и вызываетъ критику иностранцевъ, т. е. греческихъ епископовъ и монаховъ, пріѣзжающихъ за милостыней въ Москву".

Неестественный союзъ боярь, принявшихъ реформы Никона, съ расколоучителями противъ Никона.

Этотъ союзъ боярь со старообрядцами довольно неестественъ, ибо цѣли ихъ были совершенно различны: **бояре принимали церковную реформу Никона и только его самого хотѣли поставить въ положеніе, исключющее возможность ему сдѣлаться совѣтникомъ государя, а старообрядцы боролись не только противъ Никона, но и противъ церковной реформы, проведенной уже Никономъ въ 1656 г., которую имъ надо было искоренить.** Самъ Никонъ конечно былъ имъ одіозенъ, ибо не безъ его содѣйствія пострадали главари старообрядства: Юрьевскій протопопъ Аввакумъ былъ сосланъ, хотя и безъ растриженія, за заступничество за Неронова, въ Сибирь въ 1653 г., гдѣ оставался до 1664 г.; протопопъ Казанскаго Собора Нероновъ былъ сосланъ въ Спасокаменный монастырь, за стремленіе подорвать авторитетъ Патріарха, Муромскій протопопъ Логгинъ лишень сана, протопопъ Даніиль Костромскій растрижень и сосланъ въ Астрахань (Каптеревъ, Патріархъ Никонъ и Царь Алексѣй Михайловичъ I, 123). Вся реформа Никона противорѣчила ихъ убѣжденіямъ, хотя, какъ доказано Каптеревымъ, Никонъ не былъ ея инициаторомъ, а только исполнителемъ намѣренія Царя Алексѣя Михайловича и духовника его Стефана Вонифатьева, почему онъ и охладѣлъ совершенно къ реформѣ послѣ смерти Стефана, умершаго въ иночествѣ 11 ноября 1656 г., и послѣ прекращенія дружбы съ Царемъ. 4 января 1657 г. Никонъ разрѣшилъ Неронову служить по любымъ служебникамъ, „обои де хороши". Старообрядцы, хотя и ошибочно, считали инициаторами реформы Никона (а Стефана своимъ сторонникомъ) и потому создавали о Никонѣ самое нелестное представленіе, въ его дѣятельности видѣли только дурное и въ его поступки вкладывали разные низкіе мотивы и охотно присоединялись ко всякой борьбѣ противъ Никона. Въ свою очередь **всякій врагъ Никона становился другомъ боярь, стремившихся поддержать настроеніе Царя противъ Никона.** На грековъ однихъ они боялись положиться изъ-за ихъ неустойчивости и **искали враговъ непримиримыхъ и нашли ихъ въ старобрядцахъ.** Аввакума вернули изъ ссылки, поселили въ Кремль, на подворьѣ Новодѣвичьяго мо-

настыря, и онъ развилъ свою пропаганду. Аввакумъ преслѣдоваль чисто религіозный интересъ, а бояре только свой политическій боясь, опять быть затѣненными Никономъ: они, конечно, Аввакума не переубѣдили, но Аввакумъ создалъ себѣ много сторонниковъ и въ боярской средѣ и этимъ усилилъ настроеніе противъ Никона.

Сторонники старообрядцевъ изъ боярства.

Судя по автобіографіи Аввакума (Пальмеръ IV, 452-454) за Аввакумомъ шли боярыня **Ѳеодосія Прокофьевна Морозова**, **Евдокія Прокофьевна Урусова**, ея сестра, **Анна Петровна Милославская**, князь **Иванъ Воротынскій**, приходившій къ нему въ тюрьму, **кн. Иванъ Хованскій**. Сама царица **Марія Ильинишна** благоволила къ нему и еще въ 1653 г. настояла передъ Царемъ на томъ, чтобы Аввакума не растригали, и послѣдній сообщаетъ о сценахъ у нея съ Царемъ изъ-за него.

„Какъ стригли, писалъ Аввакумъ, въ то время нестроеніе вверху бысть у Царя съ царицей; она за насъ стояла въ то время, миленькая, и отъ казни отпросила меня“.

Самъ Царь принималъ ласково Аввакума послѣ ссылки въ 1664 г. Аввакумъ такъ пишетъ о царской встрѣчѣ: „здорово ли живешь, протопопъ? Вотъ, еще Богъ велѣлъ видѣться.“ — Аввакумъ: „Живъ Господь, жива душа, Царь государь, а впредь, что изволить Богъ“. Онъ же, миленькій, вздохнулъ, да и пошелъ куды надобно ему. И иное кое что было, да что много говорить.“ А въ другомъ мѣстѣ: „Мимо двора моего ходя кланялся часто со мною низенько такъ, а самъ говоритъ: благослови де меня и помолися о мнѣ. И шапку въ ину пору мурманку снимаючи съ головы, уронилъ, ѣдучи верхомъ. И изъ кареты бывало высунется ко мнѣ“ (Бороздинъ, Протопопъ Аввакумъ, 119 стр.).

Развитіе раскола отъ пропаганды возвращеннаго Аввакума.

Враги Никона, обвинявшіе его въ томъ, что оставленіе имъ каѳедры въ теченіе долгаго времени усиливало расколъ, должны бы обвинять себя въ его распространеніи, ибо сами бояре добились отъ Царя въ 1661 г. возвращенія Аввакума и другихъ лидеров старообрядчества для увеличенія обвиненій противъ Никона. Въ Москвѣ дѣйствительно ихъ побуждали обвинять Никона передъ Царемъ, какъ неправославнаго нововводителя, и просить объ его наказаніи и объ избраніи болѣе благочестиваго Патріарха. Никонъ самъ упоминаетъ въ „Раззореніи“: „что можетъ обнаружить большую злобу, какъ не то,

въ чемъ нѣкоторые наши враги (лидеры раскола) признавались мнѣ: „поистинѣ, ты попался; видишь: не старья времена! даже насъ отыскивають жаловаться на тебя, и, если кто медлитъ жаловаться противъ тебя, а послѣ великій государь услышитъ какое либо обвиненіе противъ этого же раскольника, тотъ можетъ быть увѣренъ въ тяжелыхъ для себя послѣдствіяхъ". Я самъ теперь принужденъ едва вставъ съ одра болѣзни идти сюда въ Воскресенскъ по царскому приказу" (IV, 448).

Врагамъ Никона Аввакумъ представился драгоцѣннымъ союзникомъ, ибо, допуская его до публичной проповѣди, они давали ему возможность **агитировать противъ Никона въ сферѣ церковной, и дѣло дворцовой интриги превратить въ дѣло всенародное.** Не такъ легко было поколебать авторитетъ Патріарха Никона: онъ — благодетель, онъ — ходатай за обиженныхъ, онъ и мужъ совѣта; чтобы обезсилить его, надо представить его еретикомъ. Надъ этимъ дѣломъ работалъ Аввакумъ, которому при возвращеніи изъ ссылки всѣ бояре били челомъ и предлагали любое мѣсто въ Москвѣ и стать духовникомъ Царя. Союзъ этотъ создалъ настроеніе противъ Никона въ нѣкоторыхъ боярскихъ семьяхъ, но онъ не былъ проченъ, такъ какъ Аввакумъ былъ непримиримъ и, если и заботился, чтобы валить Никона, то главной задачей имѣлъ уничтоженіе его реформъ, на что не могло идти большинство бояръ, державшихся авторитета Патріарховъ.

Предупрежденія въ 1663 г. о личности Лигарида, полученныя Никономъ.

Всѣ враги Никона, враждебные между собой, соединились, чтобы валить Никона, и объединителемъ ихъ всѣхъ явился Паисій Лигаридъ; эластичность послѣдняго въ отношеніи убѣжденій, необходимость въ его каноническихъ познаніяхъ для того, чтобы расправиться съ Никономъ, и тѣмъ избѣжать двупатріаршества, боязнь появленія Никона вновь на патріаршемъ престолѣ совѣтникомъ Царя, создало для бояръ нужду въ Лигаридѣ, котораго держались, несмотря на то, что и отъ Никона, а потомъ и съ востока получили подтвердительныя сообщенія, что онъ и не православный, и изъ православныхъ митрополитовъ низверженъ, и что онъ подверженъ содомскому грѣху. Никонъ писалъ Царю въ іюль 1663 г., что Лигаридъ не имѣетъ доказательствъ о посвященіи и свидѣтельства отъ восточныхъ Патріарховъ о томъ, что онъ дѣйствительно епископъ, что такихъ лицъ нельзя принимать по правиламъ, безъ удостовѣренія, согласно Божествен-

ныхъ законовъ. „Невходящій черезъ дверь въ дворъ овчій, подобень вору и разбойнику", (IV, 496); „молящіеся съ еретикомъ подвергаются отлученію" (45 Ап. пр.), и принимающій таковыхъ, какъ клириковъ, самъ низвергается по 33 и 37 Лаод. и 9 Карѣ. правиламъ. „И Царь подлежить такому же наказанію", писалъ Никонъ въ „Раззореніи" (1, 551, 552). Никонъ писалъ въ „Раззореніи" (1, 586), что Лигаридъ принадлежитъ католичеству, что онъ посвященъ въ діаконы и священники въ Римѣ, и книга его „Коментаріи на величаніе" свидѣтельствуя о томъ же; что онъ изъ Молдавіи уѣхалъ въ Польшу, гдѣ два года (1660-1662) служилъ въ костелѣ; въ Молдавіи онъ настаивалъ, чтобъ вдовымъ священникамъ разрѣшить второй бракъ, а молодымъ монахамъ и монахинямъ сочетаться бракомъ и ѣсть мясо, что Митрополитъ Молдавскій объ этомъ писалъ восточнымъ Патріархамъ, и они его анаѳематствовали и низвергли его изъ сана, что въ Москвѣ онъ не соблюдаетъ никакихъ монашескихъ правилъ. О неправославіи Лигарида Никонъ объявилъ Лигариду самому лично, когда онъ пріѣзжалъ въ качествѣ уполномоченнаго отъ Собора для слѣдствія о проклятій въ Воскресенскій монастырь въ іюль 1663 г. (1, 595). Въ декабрѣ 1665 года Никонъ писалъ Константинопольскому Патріарху о Лигаридѣ: „Онъ живетъ въ Москвѣ, ничего не совершаетъ епископскаго, ѣсть мясо и пьетъ безъ отношенія ко времени; ѣсть и пьетъ передъ совершеніемъ литургіи и совершаетъ содомскій грѣхъ. Написалъ де письмо объ этомъ Царю съ указаніемъ свидѣтелей, но всѣхъ лицъ, свидѣтельствовавшихъ такъ о Паисіи, Царь сослалъ въ разныя мѣста" (III, 392).

Показанія Никона подтвердились, когда Царь отправилъ, уже въ 1666 г., тайно на востокъ русскаго клирика Савву въ Константинополь узнать относительно подлинности грамоты, привезенной Мелетіемъ и Стефаномъ грекомъ, о назначеніи Патріархомъ Константинопольскимъ Лигарида экзархомъ Константинопольскаго Патріарха и его Собора, чтобы быть его представителемъ въ дѣлѣ Никона и руководителемъ Собора и толкователемъ патріаршихъ свитковъ. Константинопольскій Патріархъ сообщилъ, что это письмо подложное а Лигаридъ и не лоза Константинопольскаго престола. (IV, 503). Но письмо это вызвало со стороны Царя не удаленіе Лигарида, а хлопоты о возстановленіи его въ званіи Митрополита, ибо слишкомъ компрометирующимъ для Московскаго правительства было сообщничество и руководство Лигарида, который почитался одно

время въ Москвѣ даже первымъ Митрополитомъ и предсѣдателемъ Собора русскихъ архіереевъ и вдохновителемъ всего дѣла Никона.

Дѣятельность Лигарида въ высшемъ управленіи Русской Церкви.

Весной 1664 г., до полученія патріаршихъ свитковъ, Царь его назначилъ вмѣсто Питирима мѣстоблюстителемъ и предсѣдателемъ Собора и около 10 мая того же года съ его благословенія перевелъ Митрополита Питирима въ Новгородъ и посвятилъ новыхъ епископовъ, сдѣлавъ Юну Митрополита Ростовскаго мѣстоблюстителемъ, Павла архіерея Чудовскаго Митрополитомъ Сарскимъ и Подонскимъ т. е. Крутицкимъ (22 авг.), Корнилія сдѣлавъ архіереемъ Тобольскимъ; Іоакимъ, одинъ изъ Иверскихъ Никоновскихъ монаховъ, сдѣланъ въ сентябрѣ изъ келаря архимандритомъ Чудовскаго монастыря, а 23 октября Симонъ посвященъ въ архіепископы Вологодскіе. „Вся іерархія была реконструирована, замѣчаетъ Пальмеръ, и ея поставленія опорочены благоговеніемъ и наложеніемъ рукъ Паисія Лигарида, такъ какъ эти поставленія получили начало отъ него" (IV, 506).

Остается фактъ, несравненный въ церковной исторіи, пишетъ онъ (IV, 499), что самодержецъ обширной имперіи, непосредственно сдѣлавшись главой своей національной Церкви, поставилъ себя и свою заново устроенную Церковь и іерархію, вмѣстѣ со всѣмъ своимъ дворомъ и царствомъ со всей своей мірской гордостью и властью подъ благословеніе не только неизвѣстнаго бѣглеца изъ Рима, отлученнаго и греческой Церковью, человѣка способнаго написать (въ „Исторіи") что, когда онъ былъ посланъ, въ качествѣ царскаго комиссара, для слѣдствія надъ преслѣдуемымъ Патріархомъ, то онъ прошепталъ на ухо Никону эпитетъ, котораго заслуживалъ полностью онъ самъ, человѣка, который посвятилъ Царю и боярамъ, какъ воспоминаніе объ ихъ побѣдѣ и своихъ услугахъ, „Исторію", содержащую такой разсказъ (V, 674). Пальмеръ имѣетъ въ виду сообщеніе Лигаридомъ въ „Исторіи" вовсе не существовавшего факта, будто Лигаридъ, будучи на слѣдствіи въ іюлѣ 1663 г. въ Воскресенскомъ монастырѣ, назвалъ Никона Содомитомъ въ концѣ своей рѣчи, которую онъ держалъ въ качествѣ главнаго представителя Царя и Собора. Официальнымъ боярскій докладъ о слѣдствіи сообщаетъ, что Никонъ совершенно отказался вести переговоры съ Лигаридомъ безъ предварительнаго каноническаго удостовѣренія его положенія. Лигаридъ же придумалъ нарочно этотъ разсказъ, какъ онъ вообще придумывалъ

всѣ рѣчи, чтобы представить Никона въ глазахъ читателя, читающаго Никоновское письмо къ Царю съ обвиненіемъ Лигарида въ безнравственности, лишь вымещающимъ свою злобу на Лигаридѣ якобы въ отвѣтъ на торжественное обвиненіе его самого Лигаридомъ (IV, 498). Послѣ оффиціального подтвержденія въ 1668 г. относительно самого Лигарида Царю, послѣдовало отъ Іерусалимскаго Патріарха Нектарія въ 1668 г. и болѣе пространное сообщеніе отъ его преемника Патріарха Діонисія въ 1670 г. Извѣстно, что сначала, внимая просьбѣ Царя, Патріархъ Досиѳей снялъ было отлученіе, но потомъ окончательно возстановилъ это отлученіе, и Лигаридъ умеръ въ немъ въ 1678 г. въ Кіевѣ, куда былъ удаленъ изъ Москвы за ненадобностью, въ виду окончанія дѣла Никона и вслѣдствіе компрометирующей Московское правительство близости къ нему.

Преслѣдованіе правительствомъ Никоновскихъ доброжелателей.

Никонъ же узналъ объ отлученіи и анаѳематствованіи Лигарида, совершенномъ Іерусалимскимъ Патріархомъ Нектаріемъ въ 1660 г., отъ **діакона Агаѳангела**, бывшаго при Лигаридѣ и поссорившагося съ послѣднимъ, а тотъ былъ посаженъ въ тюрьму послѣ того, какъ лично это подтвердилъ Царю, будучи присланъ для показанія къ нему Никономъ (IV, 580). Преслѣдованіе Никоновскихъ доброжелателей, которые такъ или иначе были полезны для освѣщенія дѣла въ Никоновскую пользу, было системой правительства. Мы упоминали уже о ссылкѣ эконома Воскресенскаго монастыря старца **Аарона**, убѣждавшаго Царя, что на Никона напрасно клеветуютъ и ссорятъ съ нимъ Царя. Митрополитъ **Афанасій Иконійскій**, высказывавшій сомнѣніе о патріаршихъ свиткахъ, привезенныхъ дьякономъ Мелетіемъ 29 мая 1664 г., и увѣрившій, что Митрополитъ Газскій врагъ Божій и сынъ погибели, былъ заточенъ въ Симоновскомъ монастырѣ. Аѳонскій **архимандритъ Теофанъ**, сообщившій Никону свѣдѣнія о Лигаридѣ, былъ сосланъ въ Кириллобѣлозерскій монастырь. **Севасть Дмитріевъ**, который привезъ грамоту отъ Іерусалимскаго Патріарха Нектарія, говорившаго о необходимости призвать Никона обратно на престоль, ибо не было никакого отреченія отъ каѳедры, а только отъ непокорнаго народа, — былъ заточенъ въ тюрьму (IV, 552). Письмо Нектарія къ Царю обнаруживало, что восточные Патріархи знали, что положеніе Никона обязано ненависти могущественныхъ враговъ, не осмѣливавшихся открыто выражать свои мысли, и было крайне имъ непріятно, но **собственное**

письмо Патриарха Нектарія къ Патриарху Никону было просто уничтожено и ему не доставлено (IV, 502, прим.). Грекъ Димитрій, жившій въ Воскресенскомъ монастырѣ, который переводилъ на греческой языкъ письмо Никона къ Константинопольскому Патриарху, былъ схваченъ въ декабрѣ 1666 г. и заточенъ въ тюрьму, гдѣ отъ страха покончилъ съ собой (V, 694). Участники по Зюзинскому дѣлу священникъ Сысой, привозившій письмо отъ Зюзина Никону, былъ сосланъ со всей семьей неизвѣстно куда, а другой доставитель письма отъ Зюзина, хотя и не знавшій его содержанія, закованъ въ тюрьмѣ въ желѣзо и умеръ (IV, 562). Шушеринъ, сопровождавшій Никона на судъ и ѣхавшій впереди съ крестомъ, былъ арестованъ ночью 30 ноября 1666 г. и оставался въ заточеніи больше 3 лѣтъ, а потомъ сосланъ въ Новгородъ Великій, гдѣ оставался до начала 1680 года (V, 674).

Подъ руководствомъ такого человека, какъ Лигаридъ, составилось мнѣніе о дѣятельности Никона, которая получила его освѣщеніе въ вопросахъ-отвѣтахъ Стрешнева-Лигарида, въ анонимной петиціи отъ имени русскихъ архіереевъ, составленной подъ его же вдохновеніемъ, и наконецъ, ему было поручено освѣтить эту дѣятельность передъ восточными Патриархами и получить отъ нихъ такой отвѣтъ, который далъ бы возможность низвергнуть Никона.

Попытка отдѣлаться отъ Никона посредствомъ постриженія его въ схиму.

Скажемъ еще, что на ряду съ двинутымъ дѣломъ передъ восточными Патриархами, которые авторитетомъ своимъ придали бы дѣлу Никона совершенно безповоротно законченный видъ, дѣлались на Москвѣ и самостоятельныя попытки отдѣлаться отъ Никона. Пальмеръ сообщаетъ о проэктѣ бояръ и Царя въ декабрѣ 1664 г. постричь Никона въ великую схиму (IV, 508-513), какъ разъ передъ тѣмъ, какъ бояринъ Зюзинъ сдѣлалъ неудачную попытку примирить Царя съ Никономъ и какъ разъ тогда, когда своимъ необыкновенно любезнымъ пріемомъ архимандрита Герасима изъ Воскресенскаго монастыря, Царь далъ основаніе думать друзьямъ Никона о возможности восстановленія между ними любви и дружбы. Боярамъ не удалось добиться отъ Царя рѣшенія, къ которому пришелъ Соборъ 1660 г., — разсматривать Никона, въ силу одного факта его ухода изъ Москвы, низвергнутымъ изъ патриаршества и изъ священства; они же не хотѣли имѣть новаго Патриарха, пока Никонъ могъ совершать священническія дѣйствія, боясь его возвращенія. Вспомнили о

канонъ одного изъ греческихъ позднѣйшихъ Соборовъ, запрещающемъ епископу послѣ принятія великой схимы совершать епископскія дѣйствія, и хотѣли его использовать. Никонъ, вѣдь, соглашался самъ на избраніе новаго Патріарха, если его самого не будутъ считать за преступника, но этимъ не желали ограничиться. Бояре, не рассчитывая на то, что Царь согласится пойти имъ навстрѣчу и разрѣшитъ вынудить силой Никона принять схиму, думали однако, что онъ позволитъ имъ убѣдить Никона, въ уваженіе къ трудному положенію Царя, ради мира Церкви и государства, принять великую схиму добровольно, какъ актъ величайшаго смиренія съ его стороны. Подъ миромъ Церкви они разумѣли безпрепятственно свѣтское господство, противъ котораго возставалъ Никонъ.

Они думали, что человекъ такого аскетическаго духа пойдетъ на это, разъ ему будетъ дана возможность правильно передать каноническія права по защитѣ Церкви лицу, канонически способному по избранію епископовъ и Царя. По внушенію боярь Царь въ началѣ 1664 г. разослалъ Митрополитамъ и архіепископамъ запросы, не вызываетъ ли великая схима по канонамъ абсолютную неспособность совершать епископскіе акты; Царь дѣлалъ вопросы въ замаскированной формѣ, не говоря о Никонѣ, спрашивая, можетъ ли іеромонахъ, принявшій потомъ схиму, стать епископомъ безъ нарушенія канона. Митрополитъ Новгородскій Питиримъ отвѣтилъ, что не можетъ. Митрополитъ Казанскій Лаврентій, Филаретъ архіепископъ Смоленскій отвѣтили въ томъ же смыслѣ, но Іосафъ Тверской и Илларіонъ Рязанскій допускали возможность епископства и для іеромонаховъ схимниковъ. Проектъ этотъ не былъ осуществленъ, по недостатку ли единодушія въ отвѣтахъ, или вслѣдствіе того, что появленіе Никона въ Успенскомъ Соборѣ 19 декабря 1664 года устраняло мысль о томъ, что онъ согласится на такое предложеніе.

Чего добивались бояре посылкой вопросовъ восточнымъ Патріархамъ? Ихъ обвиненія затрагиваютъ не только Никона, но и Царя.

Посылая вопросы восточнымъ Патріархамъ, бояре косвенно обвиняли Никона въ нововведеніяхъ въ церковныхъ дѣлахъ, имѣя въ виду новый и чрезвычайный титулъ, свойственный только свѣтской власти, и власть, данную Никону Царемъ, и ея употребленіе имъ въ свѣтскихъ дѣлахъ государства; черезъ это они хотѣли добиться признанія Никона заслуживающимъ низложенія; они обвиняли его въ непринятіи постановленій Уложенія и въ стремленіи сдѣлать ихъ бездѣйственными, въ испрашиваніи объѣта у Царя, объѣта 22 іюля

1652 г. повиноваться законамъ Бога и Церкви и позволить ему управлять Церковью въ соотвѣтствіи съ ними, и во введеніи такимъ образомъ дуализма власти. Съ 1657 года Царь перешель на сторону боярь. Бояре обвиняли Никона въ гордости, въ желаніи сравняться и даже превзойти Царя, во вмѣшательствѣ въ свѣтскія дѣла, въ ограбленіи и насиліи для полученія земельныхъ владѣній для его монастыря изъ тщеславія и честолюбія. Они вызывали отвѣты, задѣвающіе порицаніемъ самого Царя, какъ если бы Царь наносилъ обиду боярству, давая необычный титуль, честь и власть Патріарху, какъ если бы онъ обижалъ боярство, давая обѣщаніе въ послушаніи Церкви, или пріостанавливая дѣйствія нѣкоторыхъ статей Уложенія, или дѣлая Никона государственнымъ регентомъ и совѣтникомъ въ государственныхъ дѣлахъ, или дѣлая земельныя пожертвованія и предоставляя привилегіи Никоновскимъ монастырямъ.

Неистовствующая злоба боярь, доказательства ея.

Размѣръ боярскихъ обвиненій все возрасталъ. Ихъ злоба обнаружилась явно съ самага начала ухода Никона, ибо еще 25/VII 1658 г. Никонъ писалъ Царю письмо, изъ коего видно, что самъ Царь послалъ къ нему сказать незадолго передъ этимъ, что только онъ де да князь Юрій Долгорукій хорошъ къ нему, т. е. Царь сознавался, что все ближайшее окруженіе, составлявшее дворъ, интриговало противъ Никона. Они поспѣшили убѣдить Царя, будто Никонъ опустошилъ патріаршую казну и взялъ изъ нея многое себѣ, и побудили Царя обыскать частную собственность Патріарха и даже его тайныя бумаги, которыхъ, кромѣ него, какъ духовнаго отца, никто не долженъ былъ читать. „Потомъ, пишетъ Субботинъ, черезъ все теченіе этого дѣла мы наблюдаемъ Царя подъ вліяніемъ партіи враждебной Никону, вліяніе, отъ котораго временами онъ, повидимому, хотѣлъ освободиться, но не имѣлъ на это рѣшимости, къ которому, наконецъ онъ такъ привыкъ, что не зналъ, какъ можно обойтись безъ него, особенно, когда дѣло съ Никономъ ушло слишкомъ далеко. Онъ самъ спустя нѣсколько лѣтъ говорилъ по тому или иному случаю, сравнивая свое положеніемъ съ положеніемъ Никона, касаясь ихъ различія и находя, что гораздо легче для Никона, чѣмъ для него, предпринять шаги къ примиренію. Если бы только онъ хотѣлъ смириться, сказалъ Царь, онъ свободенъ дѣлать что угодно, а я окруженъ духовными властями, и боярами. Они всѣ побуждаютъ меня къ гнѣву, но онъ, будучи одинъ, можетъ сдѣлать лучше меня то, что онъ самъ хочетъ по своей

собственной мысли, никто не примѣнитъ къ нему никакого принужденія". (IV, 157). Злоба особенно усилилась послѣ анаѳемъ 16/II 1662. Хотя Каллисть епископъ Полоцкій представилъ докладъ о безсиліи анаѳемъ Никона на Питирима, это не успокоило Стрешнева и другихъ бояръ и лидеров раскола, равно какъ и Питирима и его сотоварищей среди епископовъ и духовенства, которые неистовствовали противъ Никона. "Чувствуя въ глубинѣ своей совѣсти ударъ, нанесенный имъ Никономъ, его враги начали распространять противъ него передъ Царемъ и народомъ новыя клеветы, одна чернѣе и страшнѣе другой, чтобы представить его, какъ чудовище страшное и ненавистное, невѣжественному и суевѣрному народу. Прискорбно слышать крики страстей, приближающіеся близко къ рычанію безумія (Пальмеръ IV. 376)".

Обвиненіе Никона въ названіи Воскресенскаго монастыря Новымъ Іерусалимомъ.

Поводомъ для клеветы послужило даже названіе Воскресенскаго монастыря Новымъ Іерусалимомъ, при полномъ игнорированіи того, что названіе это дано по внушенію Царя. Названіе это задѣвало за живое ихъ представленіе. Они хотѣли видѣть въ этомъ не взоръ Никона, устремленный къ будущей жизни, не идею возстановленія копіи священныхъ мѣстъ, не ожиданіе града небеснаго, населяемаго святыми послѣ воскресенія, а указаніе на то, что живущій въ этомъ ложномъ Іерусалимѣ есть Предтеча Антихриста. Никонъ противопоставляетъ свою Церковь каноновъ и свой Новый Іерусалимъ Церкви Царя, епископовъ и бояръ — видимой Русской Церкви. Онъ не называетъ себя Патріархомъ Москвы и Всероссійскимъ и однако называется Патріархомъ, слѣдовательно Патріархомъ Новаго Іерусалима, въ которомъ живетъ. Далѣе они выводили отсюда, что онъ называетъ себя такъ въ осужденіе имъ и всему остальному міру; стало быть, претендуетъ представлять болѣе вѣрно Церковь, которая есть истинный Новый Іерусалимъ, чѣмъ наша видимая Церковь, но въ такомъ Новомъ Іерусалимѣ мы видимъ не Христа, а Антихриста. Сторонники государственнаго верховенства сошлись въ этомъ со старообрядцами, которые возвели мнѣніе о Никонѣ, какъ о предшественникѣ Антихриста или о самомъ Антихристѣ (у нѣкоторыхъ), въ свою традицію. Пальмеръ замѣчаетъ, что „Никоновскія доказательства, что признаки Антихриста и его предшественниковъ относятся къ тому началу апостасіи, которое представляютъ собой его противники и преслѣдователи, останется неслышаннымъ, пока не придетъ время

обнаружиться этой апостасіи въ ея крайнемъ развитіи, чтобы дать свидѣтельство о самой себѣ. Крикъ, поднятый старообрядцами противъ Никона, какъ еслибы онъ былъ Антихристъ, отвлекъ вниманіе отъ дѣйствительно нехристіанской тираніи, противъ которой возставали и старообрядцы не меньше Никона, хотя, къ несчастію не во имя правды, ибо они оспаривали государственное всемогущество только во имя узкаго частнаго сужденія, а Никонъ оспаривалъ ради защиты вселенскихъ канонѡвъ и во имя Церкви вселенской, а не національной" (IV, 378).

Какъ ни дѣтско и ни невѣроятно такое представленіе, замѣчаетъ Пальмеръ, однако это было такъ (IV, 379): это обвиненіе выставляли противъ Никона бояре синклита, и въ этомъ они соединились съ суевѣрными раскольниками. Эта мысль объ Антихристѣ фигурируетъ среди обвиненій, посланныхъ восточнымъ Патріархамъ отъ царскаго синклита, и на Соборѣ 1666 года, сдѣлавшагося органомъ глубоко закоренѣлой злобы боярскаго синклита, повторявшаго это обвиненіе". Объясненіе этому Пальмеръ даетъ въ томъ, что Никонъ былъ не только строитель церквей и монастырей, не только христіанинъ, преслѣдуемый за правду, надѣющійся на воскресеніе и на Новый Іерусалимъ, но представлялъ въ Россіи и пытался защитить видимое царство Божіе, отличное отъ мірскаго царства, тождественное съ горнимъ Новымъ Іерусалимомъ, свободное отъ тираніи Царя и бояръ, отвергающее гордость и насиліе, безнравственность и алчность во всѣхъ одинаково — царяхъ и знатныхъ подданныхъ, и это реальное свидѣтельство мучило бояръ. **Передъ ними налицо человекъ — ихъ Патріархъ открыто ихъ всѣхъ обличающій, утверждающій законъ Писанія и каноны противъ ихъ Уложенія и лжесоборовъ, наблюдающій и обличающій ихъ изъ своего монастыря, отлучающій и анаѡематствующій ихъ орудіе — Митрополита Питирима по имени, но косвенно все церковное и гражданское правительство Россіи. Его Воскресенскій монастырь былъ вещественнымъ осужденіемъ ихъ сборища, а Никонъ — ихъ самихъ. Поэтому Воскресенскій монастырь, Новый Іерусалимъ возбуждалъ въ нихъ неукротимую злобу.**

Основная причина боярскаго злобы — не въ Никонѣ, а въ самихъ боярахъ.

Эта неукротимая злоба задѣвала и самого Царя, поскольку онъ былъ соучастникомъ Никоновскихъ дѣлъ, поскольку онъ давалъ ему титулъ великаго государя, ненавистный боярству, поскольку онъ

пріостанавливалъ Уложеніе, поскольку онъ одарялъ Никоновскіе монастыри земельными угодіями, поскольку самъ Царь шелъ съ Никономъ противъ духа вѣка. Бояре пренебрежительно относились къ Царю въ его юности и прозвали его въ насмѣшку молодымъ монахомъ, по свидѣтельству Павла Алеппскаго (II, 136), а, когда онъ являлъ собою образецъ благочестія во всемъ, всѣ бояре должны были подражать ему. Если имъ не въ моготу и не по духу было слѣдовать въ личной и государственной жизни на устроеніемъ Святой Руси, если ихъ понятія о родовой чести создавали представленія о томъ, что только они — совѣтники государю, что таковымъ совѣтникомъ не можетъ быть какой то мужикъ — монахъ, то естественно, что они по злобѣ человѣческой не щадили средствъ свалить того, кто мѣшалъ ихъ безраздѣльному господству. Отсюда все обвиненія на **Никона**: **корень ихъ не въ Никонъ, а въ боярахъ, которымъ тяжелы были Никоновскіе идеалы, требовавшіе героическаго подвижничества въ жизни, и тогда, когда онъ, какъ Патріархъ — архипастырь, требовалъ соблюденія церковныхъ уставовъ полностью, давая самъ примѣръ во всемъ, и стоялъ на стражѣ правъ Церкви, и тогда, когда онъ какъ совѣтникъ государя, требовалъ самопожертвованія для польской войны, за интересы православія въ Малороссіи, и прекращенія излюбленныхъ боярскихъ мѣстническихъ счетовъ. Все это претило и боярскому самолюбію. Ихъ собственная грѣховность лежала въ основѣ вражды къ Никону.**

Составленіе вопросовъ Патріархамъ и способы полученія отвѣтовъ. Посылка іеродіакона Мелетія на Востокъ.

Все нападеніе на Никона сконцентрировалось въ обвиненіяхъ, представленныхъ на такъ называемый судъ вселенскихъ патріарховъ 1666 года. А предварительно было оно подготовлено въ отвѣтахъ восточныхъ Патріарховъ, которые заказано было привести іеродіакону Мелетію. Мелетій повезъ съ собой грамоты Царя къ Константинопольскому Патріарху и черезъ него къ другимъ Патріархамъ, а кромѣ того письма, написанныя по гречески Лигаридомъ; среди нихъ была бумага съ инструкціями о томъ, что онъ долженъ говорить устно, какъ бы отъ Царя, т. е. проектъ вопросовъ, съ дѣломъ связанныхъ, и отвѣтовъ наиболѣе соотвѣтствующихъ намѣченной цѣли. Мелетій нашель въ Константинополь двухъ Патріарховъ, Константинопольскаго Діонисія и Іерусалимскаго Нектарія. Тамъ и были составлены отвѣты, которые затѣмъ были переправлены для подписи

— одинъ экземпляръ Александрійскому Патріарху Паисію Константинопольскимъ Патріархомъ, а другой — копія Антіохійскому Патріарху Макарію Патріархомъ Нектаріемъ Іерусалимскимъ. Константинопольскій Патріархъ не хотѣлъ принимать царской грамоты изъ боязни турокъ, но Нектарій Іерусалимскій уговорилъ его принять. Дѣло устроилось съ Мелетіемъ, и Нектарій, постоянно ѣздившій въ Молдавію, могъ безопасно доставить самъ туда эти грамоты Мелетію. Патріархи хотѣли удовлетворить Царя, который прислалъ имъ милости съ Мелетіемъ, но не хотѣли принимать на себя какой либо несправедливости къ Никону. Они рѣшились высказать осужденіе условное тому, кто оказался бы виновнымъ въ томъ, что ставилось въ вину Никону, не касаясь самого Никона. Тогда Царь и бояре, а не они оказывались бы отвѣтственными за примѣненіе ихъ положеній къ Никону. Самые же вопросы были поставлены Лигаридомъ относительно тѣхъ винъ, которыя ставились Никону боярами и Лигаридомъ. Вопросы исходили изъ того, что Никонъ будто бы покушался на нововведеніе въ церковныхъ дѣлахъ вопреки старымъ обычаямъ (глава I отвѣтовъ), на установленіе дуализма власти, на истребованіе обязательства отъ Царя (гл. III), на осуществленіе въ своей Епархіи власти свѣтской (гл. XII), на непризнаніе установленныхъ законовъ царства (гл. V), на принятіе титула, означающаго свѣтское господство (гл. X) и на вмѣшательство въ дѣла государственныхныя (гл. XIII).

Письмо Іерусалимскаго Патріарха Нектарія къ Царю отъ 20-III 1664 г.

Постановка такихъ вопросовъ уже выдаетъ авторство Лигарида и Мелетія. Они показались обоимъ Патріархамъ мало обоснованными, и Патріархъ Нектарій писалъ 20/III 1664 г. Царю, что, „вѣроятно, Никонъ защищалъ только свою власть въ дѣлахъ духовныхъ и своимъ уходомъ обличалъ непослушаніе“. Сначала Мелетій, видно, хотѣлъ получить отвѣты прямо на то, что онъ устно говорилъ, ибо Патріархъ Нектарій писалъ Царю, что „высказать окончательное сужденіе, основанное на словахъ Мелетія, было просто недопустимо, ибо противно канонамъ основывать сужденіе на одномъ свидѣтельскомъ показаніи, да еще исходящемъ отъ человѣка низшаго чина, противъ Патріарха. Но мы написали свитокъ, содержащій указанія каноновъ и законовъ, въ видѣ краткихъ отвѣтовъ на вопросы Мелетія, основанные на его утвержденіяхъ. Что онъ сказалъ о Никонѣ, мы не пишемъ особо, но это вамъ ясно изъ соборныхъ свит-

ковъ, ибо все, что написано въ нихъ, состоитъ изъ отвѣтовъ на слышанное нами отъ Мелетія и сказанное имъ о кирѣ Никонѣ". (III, 352 изъ письма Нектарія къ Царю). Патріархъ Нектарій на свиткѣ написалъ еще отъ себя въ Молдавіи, что Патріарха могутъ судить одни епископы въ своей Церкви, но, вопреки желанію Лигарида, было прибавлено, что Никонъ долженъ быть потребованъ лично и выслушанъ. Было еще непріятное Лигариду постановленіе о томъ, что, если сужденіе своего Собора отвергается подсудимымъ, то судъ вселенскаго престола и другихъ патріаршихъ престоловъ окончателенъ; свитокъ не указывалъ, что рѣшеніе, въ немъ данное, преграждаетъ путь къ апелляціи, а Нектарій даже приписалъ, что, въ случаѣ непріятія суда подсудимымъ, судъ долженъ быть данъ Константинопольскимъ престоломъ и другими вселенскими Патріархами.

Мнѣніе Константинопольскаго Патріарха Діонисія по Никоновскому дѣлу.

Впослѣдствіи весной 1666 г. Діонисій Царьградскій, уже будучи эксъ-Патріархомъ, высказывалъ такое мнѣніе, юридически не имѣвшее уже значенія: „я благословилъ Царя простить Никона, или назначить другого Патріарха на его мѣсто кроткаго и смиреннаго; если Царь боится назначить другого, то мы возьмемъ грѣхъ на себя; Царь — самодержецъ: все ему возможно" (II, XVII).

Мнѣніе Іерусалимскаго Патріарха Нектарія по дѣлу Никона.

О лишеніи Никона священнаго сана Патріархъ Діонисій ничего не говорилъ, какъ видно идея же эта еще дальше была отъ Патріарха Нектарія, который писалъ Царю, что Никона надо звать обратно, ибо даже со словъ его враговъ нельзя усмотрѣть причины для наказанія Патріарха, ушедшаго отъ непокорнаго народа, какъ Нектарій и писалъ въ особомъ письмѣ Царю отъ 20/III 1664 изъ Яссы. Онъ полагалъ, что „надо позвать Никона обратно и показать ему патріаршій свитокъ, чтобы онъ въ будущемъ сообразовался съ нимъ. Если онъ скажетъ, что онъ не отрекался отъ каѳедры, а отъ непокорныхъ, то ясно что онъ отвергаетъ нѣкоторыхъ за непослушаніе. Покажи ему свое послушаніе, какъ носителю Божественной благодати, **послушаніе не такое, которое необычно для Церкви, которое дѣйствительно было бы нововведеніемъ, и требованіе котораго со стороны епископа едва ли простительно, но то, которое установлено священными законами.** Такой ходъ дѣла былъ бы наилучшимъ и въ томъ случаѣ, если бы Никонъ сдѣлалъ письменное отреченіе, а тѣмъ болѣе въ данномъ случаѣ, когда, можетъ быть, онъ

вовсе не отрекался да, если бы и отрекался, отречение не было принято ни Царемъ, ни народомъ." Такъ отнеслись въ дѣйствительности Константинопольскій Патріархъ Діонисій и Іерусалимскій Нектарій, подписавшіе свитки.

Какъ подписали свитки Александрійскій и Антиохійскій Патріархи.

А какъ были увлечены къ подписи другіе два Патріарха, рассказываетъ Лигаридъ (III, 85): „Мелетій, увидѣвъ Патріарха Паисія въ Египтѣ, послѣ многихъ разговоровъ и убѣдительныхъ доказательствъ, достигъ своей цѣли; проѣхавъ затѣмъ на гору Синайскую, онъ ловко убѣдилъ архіепископа Синайскаго Ананія своими медовыми рѣчами. Киръ Макарій былъ въ Грузіи, куда поѣхалъ за милостынею; онъ и его привлекъ своими златострунными потоками словъ".

О неканоничности суда надъ Никономъ съ точки зрѣнія его составленія.

На Соборъ пріѣхали два Патріарха Паисій и Макарій, но, — не говоря пока о существѣ судопроизводства и о томъ, что судъ и не разбиралъ вовсе и не изслѣдовалъ, и не допрашивалъ Никона по существу тѣхъ обвиненій, о которыхъ высказывался патріаршій свитокъ, и такимъ образомъ никто и не доказывалъ, что онъ именно совершилъ все то, о чемъ отвлеченно рассуждалъ свитокъ, — судъ этотъ самъ по себѣ былъ незаконенъ. Соборъ для законности долженъ быть законно созванъ, и, если по обстоятельствамъ всѣ судьи не могутъ прибыть или даже не могутъ быть приглашены, и нѣкоторые дѣйствуютъ за другихъ, все же необходимо, какъ предпосылка, ихъ согласіе на этотъ Соборъ, и всѣ постановленія Собора должны исходить изъ предположенія ихъ присоединенія къ нимъ. Въ данномъ же случаѣ отдѣльные Патріархи были отысканы, уговорены и куплены и потому никого кромѣ себя не представляли. „Хотя бы всѣ епископы продались за милостыню, пишетъ Пальмеръ, что невозможно при наличности обѣтованія Христа (II, XXXI), природа вещей не мѣняется, и продажное рабское собраніе не можетъ превратиться въ каноническій Соборъ".

Мало того, два Патріарха не имѣли права, согласно ихъ правилъ и обычаевъ, предсѣдательствовать на русскомъ Соборѣ и судить Московскаго Патріарха иначе, какъ въ согласіи двухъ другихъ и по соглашенію съ ними, особенно съ Константинопольскимъ Патріархомъ. Но они не имѣли ни согласія, ни соглашенія и солгали на судѣ Никону, что имѣли это согласіе, хотя и отнеслись къ Никону какъ къ непокорному за то именно, что онъ требовалъ доказательствъ

этого согласія, сомнѣваясь въ ихъ компетенціи. Но они вѣрили, что Царь, которому надо угодить, сумѣетъ добиться согласія другихъ Патріарховъ впослѣдствіи. Судя по свиткамъ, помѣстный Соборъ, не только подъ предсѣдательствомъ двухъ Патріарховъ, но и безъ нихъ могъ судить Никона, но свитки не давали права судить безапелляціонно, ибо оставляли оговорку въ пользу права обращенія къ Константинопольскому Патріарху съ его братьями; въ данномъ же случаѣ было на лицо не общее мнѣніе Патріарховъ, а разныя мнѣнія Патріарховъ. Фактически Никонъ никогда не смогъ бы апеллировать послѣ низложенія, разъ и до суда было перехвачено въ декабрѣ 1665 г. Посланное имъ письмо къ Константинопольскому Патріарху, и для него была прекращена возможность свободнаго общенія съ внѣшнимъ міромъ.

Патріархи Александрійскій и Антиохійскій не могли представлять Константинопольскаго Патріарха Парѳенія и Іерусалимскаго Патріарха Нектарія.

Но, помимо всего, въ моментъ суда надъ Никономъ (уже съ конца 1665 г. или января 1666 г.) Константинопольскимъ Патріархомъ былъ Парѳеній IV, который никакъ не можетъ почитаться представленнымъ Патріархами Макаріемъ и Паисіемъ, ибо онъ счелъ ихъ каѳедры вакантными именно за ихъ отъѣздъ въ Москву и участвовалъ въ назначеніи на ихъ мѣсто другихъ Патріарховъ, а Нектарій не могъ быть доволенъ дерзостью Лигарида, имъ отлученнаго въ 1660 г., а теперь руководящаго церковными дѣлами въ Россіи.

Стремленіе оправдаться Патріарховъ Александрійскаго и Антиохійскаго передъ двумя другими за судъ надъ Никономъ.

И Паисію, и Макарію пришлось писать послѣ суда надъ Никономъ оправдательныя письма Парѳенію IV и Нектарію. Они писали Парѳенію IV, что они были увѣрены, что Константинопольскій Патріархъ пошлетъ своего представителя, что Нектарій уже уѣхалъ въ Москву; что „они поѣхали, повинувся Царю, ради поддержанія нашей отеческой вѣры и истинной правды. Они де пріѣхали въ Москву, не нашли Патріарха Константинопольскаго, но уже что сдѣлано, то сдѣлано, и они приступили къ дѣлу, уже разсмотрѣнному раньше помѣстнымъ Соборомъ совершенно правильно и по канонамъ и совершенному уже по патріаршимъ свиткамъ" (весной 1666 г.) Они пишутъ теперь о низложеніи Никона, чтобы будущій Патріархъ могъ поминаться ими въ Св. диптихахъ. Далѣе указывается существенный

мотивъ, который долженъ былъ воздѣйствовать и на Константинопольскаго Патріарха. Они пишутъ, что „обычныя милостыни вселенской Церкви и другимъ бѣднымъ Патріархатамъ будутъ теперь повторены и будутъ даже увеличены и болѣе удовлетворительны." И за это мы ручаемся и объ этомъ стараемся изо всѣхъ силъ."

Іерусалимскому Патріарху они тоже писали, что увѣрены были видѣть его въ Москвѣ, что видѣли его приписку къ свитку, сдѣланную какъ бы въ виду осужденія Никона и, „опираясь на это, мы низложили Никона". Они освободили изъ заточенія посланнаго Патріарха Нектарія Савватія; „изслѣдовавъ истину (черезъ Лигарида, котораго испросили у Царя въ помощники), мы, согласно канонѣ и нашихъ патріаршихъ свитковъ, лишили Никона права священнослуженія. Царь достигъ возстановленія на каѳедрахъ Паисія и Макарія уже черезъ преемника Парѣенія IV Патріарха Меѳодія, но и Парѣеній уже получилъ царскую милостыню и занесъ въ диптихи новаго Патріарха Іоасафа II, тѣмъ признавъ низверженіе Никона; Нектарій также покорился въ дѣлѣ Никона, но не въ дѣлѣ Лигарида. Еще не успѣли уѣхать Паисій и Макарій изъ Москвы, какъ Нектарій нанесъ ударъ Лигариду.

Патріархъ Нектарій Іерусалимскій возбуждаетъ дѣло о Лигаридѣ.

Онъ привлекъ вниманіе Парѣенія IV, какъ Константинопольскаго Патріарха, на сочиненіе Лигарида „Исторія Іерусалимскихъ Патріарховъ" написанное еще много лѣтъ назадъ въ католическомъ духѣ, и оба Патріарха анаѳематствовали и сочиненіе, и автора. Нектарій написалъ цѣлое письмо, объявляя Лигарида латинскимъ еретикомъ и рекомендуя его держать взаперти, чтобы онъ не ушелъ къ своему старому господину, къ папѣ, и не выдалъ государственныхъ тайнъ. Царь сталъ хлопотать за Лигарида, какъ если бы Лигаридъ былъ низложенъ Нектаріемъ только за латинство и за неканоническое отсутствіе изъ своей Газской Митрополіи, и написалъ въ его защиту Нектарію весной 1669 г. и Патріарху Меѳодію посланія съ просьбой его простить и возстановить на его каѳедрѣ. Въ іюлѣ эти письма были въ Константинополь, и Досиѳей, ставшій Патріархомъ послѣ отреченія Нектарія, отвѣтилъ, что возстановить его на каѳедрѣ — дѣло не Константинопольскаго Патріарха, что Лигаридъ былъ низвергнутъ и анаѳематствованъ Нектаріемъ не за латинство, а за преступленія, которыя онъ по скромности не смѣетъ и назвать, что онъ далекъ отъ покаянія, но изъ уваженія къ царской просьбѣ, такъ

какъ Царь пишетъ, что Лигаридъ принесъ много пользы ему и довелъ царство до добраго конца, Досиѳей готовъ вмѣнить ему преступленіе въ добродѣтель и дать ему разрѣшительную грамоту; при чемъ прибавиль, что ждетъ милостыни отъ Царя — единственной надежды. Разрѣшительная грамота датирована октябрёмъ 1669 г. изъ Филиппополя, причёмъ Досиѳей добавиль, что онъ рекомендовалъ Нектарію и всему Собору также разрѣшить Лигарида, „какъ онъ разрѣшенъ нами за преданность самодержавнѣйшему Царю". 24 января 1670 г. Царь получилъ и показаль Лигариду эту грамоту, чтобы онъ реабилитировалъ себя передъ русскимъ духовенствомъ, но Патріархъ Іоасафъ II не удовлетворился этимъ документомъ, какъ неполнымъ и двусмысленнымъ, а черезъ два мѣсяца Лигаридъ снова былъ запрещенъ, и уже на этотъ разъ, несмотря ни на какія усилія Царя, Досиѳей не согласился снять запрещеніе съ Лигарида, который такъ и умеръ въ 1678 г. (Каптеревъ II, 511 и 516) подъ запрещеніемъ въ Кіевѣ.

Кто былъ орудіемъ противъ Никона, и кто дѣйствительно его врагомъ. Смысль этой вражды.

Лигаридъ дѣйствовалъ, какъ платный адвокатъ. Его нравственная фізіономія и способы дѣйствій не требуютъ комментаріевъ. Онъ былъ платный наемникъ, а не дѣйствительный противникъ. Греческіе Патріархи, какъ показываетъ рассказъ объ ихъ дѣйствіяхъ въ дѣлѣ Никона, не являютъ какой либо идейной противоположности Никону: они выслуживали милостыню отъ Царя и бояръ и стали только платными орудіями въ ихъ рукахъ. Дѣйствительнымъ врагомъ Никона былъ и не Царь. Царь спрашивалъ много разъ у него благословенія уже послѣ низверженія изъ сана, какъ бы не признавая послѣдняго, посылалъ ему подарки, просиль многократно прощенія и даже на смертномъ одрѣ испрашивалъ его, какъ у отца и блаженнаго пастыря, но не получилъ формальнаго прощенія, которое Никонъ обѣщаль дать подъ епитрахилью, но только въ случаѣ возвращенія его въ Воскресенскій монастырь. **Противникомъ этимъ были бояре, не щадившіе въ обвиненіяхъ на Никона самого Царя.** Между ними шла борьба, быть ли государству русскому Святою Русью, возглавляемой Царемъ, какъ представителемъ верховнаго политическаго принципа, и Патріархомъ, какъ представителемъ высшихъ руководящихъ нравственныхъ и церковныхъ нормъ, обязательныхъ для самого государства, или же ему быть возглавляемымъ только мірскимъ свѣтскимъ началомъ, которое можетъ всегда мѣняться въ зависимо-

сти отъ господствующихъ въ каждый данный моментъ философскихъ теченій. Этотъ вопросъ всталъ на Руси не тогда, когда Петръ занесъ послѣдній ударъ надъ Церковью, послѣ своего законодательства о монастыряхъ и о церковной собственности, уничтоженіемъ патріаршества, а тогда, когда стояли лицомъ къ лицу двѣ силы: боярство и Никонъ; боярство достигло того, что изъ патріаршества, какъ учрежденія, была вынута живая душа. Въ какихъ бы нелѣпостяхъ ни обвиняли Никона, **онъ въ концѣ концовъ пострадалъ только за свой уходъ съ кафедры**, бывшій въ основѣ протестомъ противъ секуляризаціи государственной жизни. Послѣ него оставались титулы, формы временно безъ измѣненія, но дѣйствительной обновляющей силы они не имѣли, и Церковь постепенно переходила на положеніе государственнаго учрежденія изъ самодовлѣющаго самостоятельнаго, хотя бы и поддерживаемаго государствомъ, союза, какимъ хотѣлъ ее сдѣлать Никонъ. Бояре искали подтвержденія своимъ взглядамъ у продажныхъ Патріарховъ съ тѣмъ, чтобы авторитету Никона противопоставить авторитетъ такого же сана, а самого его не только низложить, но и низвергнуть изъ сана, чтобы онъ не могъ быть возстановленъ Царемъ, который могъ покаяться и вернуть Никона.

Подробное разсмотрѣніе вопросовъ, посланныхъ Патріархамъ на востокъ, и отвѣтовъ.

Бояре съ Лигаридомъ разработали вопросы Патріархамъ: первые пять вопросовъ, а также 10, 11, 12, 13, связаны съ взаимоотношеніемъ органовъ власти государственной и церковной; 6-й и 7-ой говорятъ объ отлученіи отъ Церкви. Вопросы 14-й—20-й посвящены вопросамъ, связаннымъ съ уходомъ Никона съ кафедры, 8, 9, 21-й, 22-й, 23-й говорятъ о судѣ надъ Патріархомъ и 24-й объ измѣненіи въ богослужебныхъ обрядахъ. Подробное ихъ разсмотрѣніе вызывается необходимостью наглядно видѣть, представляли ли отвѣты безпристрастное отвлеченное опредѣленіе каноническихъ нормъ, или же были приспособленнымъ ad hoc рѣшеніемъ представленныхъ казусовъ; причемъ надо обратить вниманіе, что факты, подлежащіе подведенію подъ нормы, не были установлены и не были выяснены какимъ-либо безпристрастнымъ судомъ, а представлены въ освѣщеніи одной обвиняющей стороны. Если налицо — второе явленіе, то отвѣты по существу непримѣнимы къ дѣлу, фактическая сторона котораго не подходитъ подъ нормы, указанные въ отвѣтахъ, наконецъ является вопросъ, безпристрастно ли и достаточно ли ясно

безъ двусмыслиць указаны или составлены самыя нормы для суда. Подробное разьясненіе вопросовъ—отвѣтовъ сдѣлано по Пальмеру, имѣвшему передъ собой и греческій ихъ подлинникъ и подлинный славянскій переводъ и имѣвшему черезъ это возможность установить всѣ фальсификаціи перевода, сдѣланныя явно сознательно.

Глава I отвѣтовъ патріаршихъ свитковъ.

Глава I на вопросъ: „что есть Царь?“ отвѣчаетъ: „по Номоканону, глава V § 2, Царь есть правительство, управляющее по законамъ, общее благо для всѣхъ подданныхъ, дѣлающее благо кому-либо не изъ пристрастія и наказывающее не изъ антипатіи, но по заслугамъ управляемыхъ, подобно посреднику въ играхъ, распредѣляющему награды безпристрастно, и не дающее новыхъ благодѣній однимъ въ ущербъ другимъ". Уже самое толкованіе этого мѣста, дышетъ недовѣріемъ боярь въ виду симпатіи Царя къ Никону, ради которой нарушается обязательный, по ихъ мнѣнію, обычай давать власть только боярамъ, а теперь Царь позволилъ себѣ оказать необычныя милости предоставленіемъ власти и титула Никону, къ униженію знати.

Именно, къ отвѣту приложено такое толкованіе: „Царь, какъ глава и вершина всѣхъ, долженъ творить благо всѣмъ подчиненнымъ ему и не давать благъ изъ пристрастія и преданности не по заслугамъ и отталкивать заслуживающихъ почести, изъ пристрастія по нерасположенію; но, какъ дѣлатель правды, оставляя въ сторонѣ всякое пристрастіе, онъ долженъ распредѣлить ихъ награды по заслугамъ и не оказывать благосклонности отдѣльнымъ лицамъ и не давать имъ какихъ либо новыхъ или необычныхъ милостей, пользуясь которыми тѣ, будучи недолжно почитаемы ко вреду другихъ, могутъ употребить ихъ къ учиненію смѣшенія и безпорядка и противопоставить своему благодѣтелю (по славянски сказано:..... необычныхъ милостей, не по достоинству получивъ **которыя, люди употребляютъ ихъ къ ущербу другихъ и для безчестія и противодѣйствія своему благодѣтелю**). Поэтому Цари не должны давать свою собственную власть другому или чего либо необычнаго путемъ предоставленія милостей". Здѣсь упрекъ Царю, что онъ поставилъ Никона выше боярь, какъ совѣтника Царя и какъ правителя государства, и что имъ пришлось чувствовать себя въ положеніи, подчиненномъ ему. Законъ: „Цѣль Царя есть благодѣтельствованіе своимъ подданнымъ, поэтому, онъ получаетъ титулъ благодѣтеля (benefactor) въ

спеціальному смислу; и, если онъ не выполнитъ этого назначенія, то искажаетъ, по мнѣнію древнихъ, характеръ царства, Царь поэтому долженъ особо отличатся и быть извѣстенъ своимъ угожденіемъ къ Богу." (По славянски сказано: **долженъ быть поставленъ высоко, т. е. выше всѣхъ, не затѣненъ къ-либо изъ подданныхъ**; а правильный смислъ греческаго текста означаетъ, что **Царь долженъ превосходить всѣхъ своими добродѣтелями**). Замѣтимъ, что отвѣты были написаны по гречески а съ греческаго на латинскій ихъ перевелъ для пользованія въ дѣлѣ Никона Лигаридъ, а съ латинскаго переводили ихъ другіе. Но славянскій переводъ, оказывается, всегда искажаетъ греческій текстъ такъ, чтобы выявить боярскую точку зрѣнія. Искаженіе перевода касается, когда надо, не только толкованія правилъ, но и самихъ правилъ, какъ видимъ изъ приведеннаго примѣра. Затѣмъ слѣдуетъ толкованіе: „Отсюда вытекаетъ, что Царь есть господинъ всѣмъ своимъ подданнымъ, такъ какъ всѣ повинующіеся ему получаютъ отъ него благодѣянія, и какимъ либо образомъ противляющіеся получаютъ наказаніе, хотя бы человѣкъ, сопротивляющійся ему былъ высшій предстоятель помѣстной Церкви, ибо онъ не напрасно мечъ носить, но для награды дѣлающихъ благое (а по славянски переведено: для **награды служащихъ ему хорошо, т. е. прежде всего бояръ**) и для наказанія дѣлающихъ злое. Посему и написано „Бойтесь Бога, Царя чтите" и „Молитесь за Царя".

II-я глава отвѣтовъ патріаршихъ свитковъ.

Любопытно отмѣтить, что отвѣты, вмѣсто того, чтобы указать, что можетъ дѣлать Патріархъ, о сферѣ духовныхъ дѣлъ ничего не говорятъ, а говорятъ только о сферѣ гражданской и такъ формулируютъ права Царя, что трудно что либо оттуда изъять; получается впечатлѣніе неограниченной компетенціи Царя. Однако отвѣты написали лица духовныя, и не могли же они говорить такъ, какъ будто никакихъ полномочій духовной власти нѣтъ, и потому во второй главѣ Вопросовъ говорится только о дѣлахъ гражданскихъ, а именно „всѣ ли, и особенно мѣстный епископъ или Патріархъ, обязаны подчиняться и повиноваться Царю во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ такъ, чтобы могъ быть только одинъ господинъ, или не должны? Первая фальсификація славянскаго перевода была очень груба и состояла въ простомъ опущеніи слова „гражданскихъ", которое было въ греческомъ текстѣ. Это вызвало протестъ нѣкоторыхъ русскихъ епископовъ уже послѣ осужденія Никона и потомъ въ славянскомъ

переводѣ было написано „въ вещахъ благоугодныхъ". (Въ славянскомъ переводѣ особенно отгѣнено противопоставленіе двухъ властей: „Такимъ образомъ долженъ ли быть одинъ принципъ власти или нѣтъ?")

Славянскій переводъ хочетъ вызвать мысль о конкуренціи двухъ властей, какъ будто онѣ не имѣютъ разныхъ сферъ дѣйствія, и какъ слѣдствіе такой постановки — отвѣтъ въ цезарепапистскомъ смыслѣ. Отвѣтъ такой. „Въ 64 гл. Великаго Номоканона напечатано изъ посланія Патріарха Михаила къ императору Мануилу: „Подобаетъ почитать прежде всего Бога, а потомъ чтить Царя (въ славянскомъ переводѣ сказано: не „потомъ Царя", а „также Царя), быть вѣрнымъ обоимъ: это законъ, который издревле поставленъ для всѣхъ людей, чтущихъ Бога". И такъ какъ эти двѣ вещи — высшій объектъ для всякаго человѣческаго почитанія, въ тѣхъ вещахъ, къ которымъ по существу относится заповѣдь вѣрности къ нимъ (ибо что Богъ — на небѣ и во всѣхъ вещахъ и твореніяхъ, то на землѣ послѣ Бога царское величество и достоинство въ земляхъ, дѣлахъ и лицахъ подъ его господствомъ), мы считаемъ, что какъ отрицающій вѣру въ Бога изгоняется изъ собранія православныхъ, такъ нарушающій вѣрность царской власти и настроенный къ ней измѣннически и нелойяльно (по славянски переведено: обнаруживаетъ себя злобно и лживо), недостойнъ называться христіаниномъ, ибо носящій корону, власть и діадему есть также Христосъ или Божій помазанникъ.

Въ виду этого мы непреложно обязаны соблюдать навсегда благочестивую вѣрность (**а по славянски переведено: „истинную"**) къ нашему властителю Царю". Исключеніе слова „благочестивую" изъ славянскаго перевода имѣетъ въ виду не обусловливать вѣрности къ Царю его христіанскимъ образомъ дѣйствій, ибо „благочестивая" вѣрность налагаетъ на Царя обязательства Царя православнаго, которыхъ цезарепапизмъ не хочетъ поддерживать. Въ посланіи Вселенскаго Патріарха Михаила далѣе сказано: мы соборне приказываемъ и опредѣляемъ, чтобы на будущее время всѣ подымающіеся до высоты (по славянски „достоинства") первосвященства, то есть до патріаршества, давали то же обязательство, какъ обезпеченіе ихъ вѣрности къ властителю Царю, какъ они даютъ относительно ихъ чувствъ къ Богу". Приводя далѣе присягу Патріарха въ вѣрности и лойяльности Царю, отвѣтъ утверждаетъ, что Царь — одинъ господинъ и судья во всѣхъ политическихъ дѣлахъ, и что Патріархъ подчиненъ ему, какъ поставленному въ высшемъ достоинствѣ и отмсти-

телю Божію. Въ славянскомъ переводѣ это именно мѣсто сначала было искажено опущеніемъ слова „политическій“, а потомъ было переведено такъ: „отъ сихъ познавается единого Царя Государя быти и владычествующа всея вещи благоугодныя“. Русскій переводъ сдѣланъ недобросовѣстно. Въ греческомъ подлинникѣ сказано: „Βασιλέα κύριον εἶναι καὶ ἐξουσιαστὴν πάντος πολιτικοῦ πράγματος μόνον“, т. е. во всякомъ дѣлѣ государственно мірскомъ, а „не всея вещи благоугодныя“, что и неясно. Такая же неточность въ переводѣ другого мѣста. Въ подлинникѣ стоитъ: „ὑπείκειν καὶ ὑποτάσσεσθαι τῷ ἡγεμονεύοντι Βασιλεῖ, κατὰ πάσας τὰς πολιτικὰς ὑποθέσεις καὶ κρίσεις“, а не „по разуму и вещи благородной“. Последнее относится къ вопросу: „что есть Царь? Должны ли суть вси весьма, паче же мѣстный епископъ, или Патріархъ, повиноватися и послушати царствующаго Царя по **разуму и вещи благородной**, такъ быти ли единому началу или ни?“ Отвѣтъ говорить далѣе болѣе подробно, что незаконно Патріарху хотѣтъ или дѣлать что-либо въ политическихъ дѣлахъ вопреки рѣшенію Царя; не подобаетъ Патріарху передѣлывать и старые чины и обычаи и вводить новыя службы въ Церковь или ставить подъ вопросъ, или отмѣнять формы Св. литургіи, установленныя канонами литургіи Св. Іоанна Златоуста, Василія Великаго и Преждеосвященной. Но онъ долженъ соблюдать къ Царю вѣрность и долженъ имѣть неизмѣнное сужденіе о церковныхъ преданіяхъ и обычаяхъ и не вводитъ туда новостей. Если онъ дѣлаетъ иначе и выявляется непочтительнымъ къ Царю или церковнымъ постановленіямъ, то мы объявляемъ, что онъ теряетъ свое достоинство, такъ что далѣе не только не можетъ называться епископомъ, но и называться христіаниномъ, ибо это показываетъ, что не долженъ называться отъ Христа, что онъ беспокоитъ (по слав. „отвергаетъ и гнѣваетъ“) помазанника Божія — Царя. Такъ по смыслу свитковъ всякое неповиновеніе Царю влечетъ потерю сана, не различая дѣлъ церковныхъ и гражданскихъ, и только въ началѣ цитируемой грамоты Патріарха Михаила глухо говорится какъ будто о двухъ различныхъ сферахъ: повиновенія Богу и повиновенія Царю безъ какихъ, либо, однако, практическихъ выводовъ изъ этого и соотвѣтственныхъ указаній. Не только ничего не говорится о дѣлахъ чисто церковныхъ, требующихъ другихъ даровъ благодати, но въ дальнѣйшихъ главахъ какъ бы устраняется для церковной власти самая возможность отстаивать свои права.

III глава отвѣтовъ патріаршихъ свитковъ.

Въ виду взятаго Никономъ передъ поставленіемъ на патріаршество обѣщанія слушаться въ дѣлахъ духовныхъ и позже отмѣны нѣкоторыхъ частей Уложенія, въ III главѣ поставленъ вопросъ: правильно ли, чтобы подобно тому, какъ Патріархъ даетъ письменное обѣщаніе вѣрности Царю, такъ и Патріархъ испрашивалъ бы письменное обѣщаніе Царя? Отвѣтъ усматриваетъ въ этомъ установленіе двухъ соперничающихъ принциповъ, между тѣмъ какъ въ монархіи монархъ — основа всему. „Ибо, гдѣ два принципа власти не въ подчиненіи одинъ другому, а взаимно независимые, тамъ — споръ (по-славянски вражда и скандалъ) и разрушеніе. Потому и приведены слова Спасителя, гласящія: „Всякое царство, раздѣлившееся въ себѣ самомъ, должно погибнуть". Такъ что просить объ этомъ (подразумѣвается, какъ сдѣлалъ Никонъ передъ вступленіемъ на патріаршество) есть знаменіе измѣны и не лойяльности (по славянски сказано: просить такой вещи отъ Царя есть знакъ коварства или плутовства и актъ безстыдства) и актъ тайнаго заговора противъ мира. Такой долженъ быть низвергнуть и сослать, какъ возставшій противъ царской власти (по славянски сказано: такой долженъ быть низвергнуть, какъ воюющій противъ престола царскаго). Славянскій текстъ придаетъ такому дѣянію отгѣнокъ иной: не заботы о направленіи дѣятельности Царя, а борьбы противъ основъ его власти; поэтому первосвятитель не можетъ брать обѣщаній отъ Царя.

IV-ая глава свитковъ и V-ая.

Въ IV главѣ говорится, что, если епископъ проситъ Царя разрѣшенія осуществить гражданскую власть въ своей епархіи, то это — святотатство, развѣ что самъ Царь его ставитъ тамъ управителемъ, согласно Аталіону; V глава говоритъ о связующей силѣ царскаго закона, имѣя въ виду Уложеніе особенно съ его свѣтскимъ судомъ надъ духовенствомъ. Никто не смѣетъ противиться царскому приказу, ибо это — законъ, не можетъ противиться даже церковный глава, хотя и Патріархъ. Всякій противодѣйствующій приказу Царя долженъ быть наказанъ, какъ дѣйствующій вопреки закона. Первенство канона надъ закономъ, установленное въ лучшія времена Византіи, здѣсь похоронено, и какъ въ языческой имперіи, возглашается, *quod principi placuit legis habet vigorem*.

Х, XI и XII главы отвѣтовъ патріаршихъ свитковъ.

Другіе вопросы, касающіеся соприкосновенія двухъ властей, возбуждаются въ Х, XI и XII гл. Вопросъ въ Х главѣ спрашиваетъ: позволено ли кому либо, будетъ ли то Патріархъ, Митрополитъ или Епископъ, давать самому себѣ письменно какіе либо титулы, которые угрожаютъ его гордости, и повреждать титуль, данный ему канонически, или называть себя государемъ, разъ этотъ титуль принадлежитъ свѣтскимъ правителямъ? Вопросъ относительно Никона, который имѣлся въ виду, поставленъ ошибочно, ибо Никонъ не присвоилъ себѣ этотъ титуль, а получилъ отъ Царя. Но по этому поводу ведется разсужденіе о гордости, благодаря которой папа отдѣлился отъ общенія остальныхъ патріарховъ, обогатился привилегіями; говорится, что тѣ епископы, которые ищутъ или желаютъ присвоить себѣ необычные титулы и называться государями, какъ ищущіе мірской славы и упитанные гордостью, за присвоеніе привилегій, не данныхъ имъ святыми Соборами или Царями подлежатъ лишенію епископскаго достоинства, какъ не подражающіе кроткому Спасителю Христу, но ищущіе почитанія и титуловъ, какъ носители сатанинской гордости, подражающіе гордости сатаны, обѣщавшаго Спасителю царства земныя, въ то время, какъ они должны называться слугами и смиренными". Что иное для нихъ, какъ не низверженіе съ епископской каѳедры?" Отвѣтъ не можетъ относиться къ Никону, ибо не онъ присвоилъ себѣ титуль, да и титуль этотъ означаетъ лишь положеніе Патріарха въ государствѣ, а не какія-либо права свѣтской власти. Также неправильно имѣть въ виду Никона, обвиняя его намекомъ на присвоеніе титула Патріарха Великой, Малой и Бѣлой Россіи, который предписанъ былъ Царемъ, а не Никономъ, для многолѣтій и другихъ случаевъ, а между тѣмъ это имѣетъ въ виду вопросъ въ главѣ XI. Никонъ не осуществлялъ правъ, какъ Патріархъ Малой Россіи, а отвѣтъ говорилъ, что, если епископъ совершитъ посвященіе внѣ границъ своей епархіи, то низвергается вмѣстѣ съ посвященнымъ и теряетъ каѳедру, какъ нарушитель отеческихъ установленій. Обѣ эти главы поражали косвенно только Царя, а не Никона, ибо вмѣшательство въ церковное управленіе Малороссіи посредствомъ назначенія туда епископа Меѳодія мѣстоблюстителемъ митрополіи Кіевской было совершено въ 1661 г., уже послѣ ухода Никона, Царемъ и его орудіемъ-митрополитомъ Питиримомъ, — вопреки запрета Никона. Что касается титула Великаго Государя, то онъ данъ самимъ Царемъ, а не присвоенъ Никономъ самовольно. Также, какъ и

только что разсмотрѣнныя главы, глава XII поражаетъ косвенно Царя. Царь жаловаль его Воскресенскій и Иверскій монастырь вотчинами, и онъ же пожаловаль владѣнія Коломенской епархіи Воскресенскому монастырю, послѣ того, какъ эти владѣнія были отобраны въ казну при перенесеніи этой епископіи въ Вятку въ 1657 году, что было сдѣлано въ результатѣ соборнаго постановленія. Никонъ съ разрѣшенія Царя предпринялъ постройку своихъ монастырей.

Если Никона обвиняли въ постройкѣ монастырей безъ согласія Собора, то это исходило изъ неправильнаго толкованія 34 апостольскаго правила. Оно оканчивается такъ: „но и первый епископъ равно не можетъ ничего предпринять безъ согласія прочихъ". Подъ словомъ „ничего" надо разумѣть „ничего чрезвычайнаго", какъ это имѣеть мѣсто и въ отношеніи епископовъ; глосса прямо и говорить: „ничего такого же (чрезвычайнаго)". А для законнаго основанія монастырей требуется только согласіе и благословеніе Епископа (IV Вс. Соб., 25, 24; VI Вс. Соб. 49; I—II Соб., I. Пальмеръ I, 94). Но теперь поставили вопросъ: можетъ ли епископъ расходовать церковныя доходы на что онъ хочетъ и основывать на нихъ монастыри, или колонизировать земли. Привлекли каноны 38 ап. пр. и 25 Ант., что епископъ можетъ властно распоряжаться церковной собственностью, но ничего брать себѣ или родственникамъ; что собственность епископа и Церкви различны. Отвѣтъ рѣшаетъ, что епископъ не можетъ основывать монастыри и колонизировать страны, независяція отъ Церкви, но ему самому принадлежація. Поэтому де незаконно (I—II Соб. 7 пр.) Епископу основывать свой монастырь или дѣлать какую-нибудь перемѣну къ ущербу своей каѳедры. Это былъ намекъ на перенесеніе Никономъ домовъ и земельныхъ владѣній въ зависимость отъ Иверскаго, Крестнаго и Воскресенскаго монастырей Никонна основанія. За это отвѣтъ требоваль наказаній и требоваль новыя собственности или зависимости, созданныя Никономъ, присоединить къ епархіи въ собственность, какъ если бы не было никакого монастыря. Если монастырь въ предѣлахъ епархіи, все просто, а если за ея предѣлами, то монастырь со всѣмъ его достояніемъ долженъ быть подчиненъ той каѳедрѣ, въ которой находится, и мѣстный епископъ долженъ имѣть надъ нимъ обычныя права епископа. Всѣ мѣны имущества, пожалованія Царя, покупки Никона для своихъ монастырей дѣлались именно для монастырей, а не лично для него и были завѣщаны имъ не родственникамъ, а Московской епархіи, а потому каноны эти не подходятъ къ случаю съ Никономъ. Но эти

пріобрѣтенія были вопреки духу Уложенія и, какъ свидѣтельства и память вліянія Никона, были ненавистны боярамъ и подлежали съ ихъ точки зрѣнія уничтоженію. Это былъ дѣйствительный протестъ бояръ противъ царскихъ распоряженій, ибо все это сдѣлано съ разрѣшенія Царя, и самыя богатыя пожалованія исходили именно отъ него. Держась теоріи симфоніи властей, Никонъ всегда прибѣгалъ къ содѣйствию царской власти, коль скоро вопросъ выходилъ за нѣдра Церкви. Онъ принципиально отстаивалъ свое преимущественное право назначать на духовныя должности и ставилъ выше авторитетъ Патріарха въ дѣлахъ чисто церковныхъ, хотя и въ нихъ не избѣгалъ содѣйствія свѣтской власти (участіе Царя въ церковныхъ соборахъ Никонъ даже подчеркивалъ въ своихъ вступительныхъ рѣчахъ на Соборахъ), но въ вопросахъ смѣшанныхъ онъ опредѣленно искалъ этого содѣйствія и въ защитѣ церковныхъ имуществъ опирался на царскія грамоты и на зачатія, въ нихъ самими Царями помѣщенные.

Мы можемъ припомнить, что свое участіе въ государственныхъ дѣлахъ онъ именовалъ службой своей Царю, за которую и получалъ пожалованія въ видѣ земельныхъ пожалованій его монастырямъ.

ХІІІ глава свитковъ.

Онъ былъ призванъ къ тому Царемъ, и потому глава ХІІІ, гдѣ спрашивалось, можетъ ли Епископъ или Патріархъ безнаказанно становиться въ положеніе пекущагося о свѣтскихъ дѣлахъ и руководить дѣлами политическими, — также направлена была противъ Царя въ цѣляхъ ограниченія его при выборѣ въ совѣтники и регента. Забыты традиціи, ставившія Патріарха въ положеніе опекуна царскихъ дѣтей и замѣстителя государя въ его отсутствіе, забыто значеніе Патріарховъ въ смутное время по объединенію и пробужденію національнаго самосознанія, пренебреженнаго боярами при выборѣ королевича Владислава на Московскій престоль — и всему этому противопоставленъ рядъ канонівъ, запрещающихъ епископу, какъ и всякому клирику, брать на себя мірскія попеченія, и налагающихъ низверженіе за принятіе на себя таковыхъ. Какъ выводъ изъ нихъ, ус- танавливается, что епископъ ищущій вмѣшательства въ политическія дѣла (а по славянски переведено даже: **брать руководство свѣтскими дѣлами и возвеличиваться при** руководствѣ ими) и возносящійся свѣтскими правами, подлежитъ низверженію изъ епископства какъ презритель церковнаго управленія (а по славянски: какъ не заботящійся о величій Церкви). Что каноны запрещаютъ кли-

ру всякое занятіе свѣтскими дѣлами ради корысти — это вѣрно, но чтобы признать, что они исключали помощь государству со стороны Церкви въ видѣ временнаго служенія, государствомъ испрошеннаго, да еще въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, этого запрета тамъ не видно: за это Церковь не осудила память святителей Петра, Алексія, Іоны и Филиппа, а причислила ихъ къ лику святыхъ, хотя ихъ вмѣшательство, можетъ, было глубже Никоновскаго въ государственныхъ дѣлахъ; но Никона надо было во что бы то ни стало низвергнуть изъ сана, чтобы онъ опять не оказался совѣтникомъ Царя, а потому надо собрать все, за что можно зацѣпиться, чтобы подвести его подъ какой-либо карающій канонъ, хотя бы съ искаженіемъ дѣйствительныхъ фактовъ.

Онъ совершилъ много покушеній на нововведенія въ Церкви въ смыслѣ нарушенія установившихся съ половины XV вѣка церковно-государственныхъ отношеній, и ему ставится въ вину критическое отношеніе къ нимъ, провѣрка ихъ съ точки зрѣнія канонической нормы, дѣйствительно ли такъ и подобаешь быть, какъ сложилось. У него надо отыскать вины, и ему инкриминируется и вторичная хиротонія и отреченіе отъ каѳедры, котораго не было и истребованіе обѣщанія отъ Царя предоставить Никону канонически управлять Церковью и наложенія на себя самоограниченія, вытекающаго изъ положенія, какъ православнаго Царя (I, 583); инкриминируется Никону требованіе извѣстной самостоятельности въ церковныхъ дѣлахъ при назначеніи и поставленіи архимандритовъ, игуменовъ (II, 110, 169). Истолковывается по своему участіе Никона въ государственныхъ дѣлахъ и его мнимая гордость и честолюбіе, которыми страдалъ не онъ, а его обвинители бояре, обвинявшіе его по закону духовной жизни въ своемъ грѣхѣ, — они доказывали черезъ Лигарида и Патріарха, что онъ подлежитъ низверженію съ престола и изъ сана.

Лигаридъ и бояре не разграничивали въ вопросахъ Патріархамъ сферы церковной отъ сферы свѣтской и о сферѣ церковной ничего не сказали; ограниченіе свѣтской власти дѣлами политическими было только бѣглое указаніе безъ развитія принципа, а на ряду съ этимъ требованіе Патріарха дать обязательство повиноваться закону Бога и святымъ канонамъ разсматривалось, какъ введеніе двухъ началъ, и потому, какъ возмущеніе, достойное низложенія. Истинный двигатель всѣхъ этихъ обвиненій была боярская спѣсь. „Царь обидѣлъ насъ своимъ пристрастіемъ, показывая недолжныя милости своей дружбы отдѣльному лицу, крестьянскому сыну, давая ему необыч-

ныя почести, отдавая ему свою славу, позволяя ему затѣнить себя, давая обѣщаніе, вопреки обычая и Уложенія, признавая какъ бы дуализмъ началъ, позволяя ему пріостанавливать Уложеніе, принятое высшей властью, давая титуль, присвоенный только свѣтскимъ правителямъ, помагаю ему основывать монастыри, одаряя ихъ землями, вовлекая его въ политическія дѣла". Все это боярамъ нестерпимо и, не вникая во внутреннюю духовную суть Никоновской работы по оцерковленію государства, они его преслѣдуютъ, какъ своего врага, исповѣдующаго отвратные для нихъ идеалы, могущіе только мѣшать ихъ власти; въ Никонѣ для нихъ неприемлемо было также и то, что онъ своей личностью восполнялъ волевою слабостью Царя, и потому, удаляя Никона, они удаляли отъ Царя того, кто помогъ бы ему справиться съ боярствомъ, справиться съ тѣмъ, что Бѣловъ въ своей цитированной книгѣ назвалъ столѣтней боярской реакціей царствованію Грознаго.

Глава XIV—XX патриаршихъ свитковъ. Гл. XIV.

Но какъ бы чувствуя хрупкость нагроможденныхъ и натянутыхъ обвиненій, ему предъявляютъ обвиненіе въ отреченіи отъ кафедры въ томъ видѣ, какъ оно установлено уже лживыми показаніями митрополита Питирима и князя Трубецкого, безъ допроса не только самого обвиняемаго, но и его сторонниковъ. Вопросы въ главахъ XIV—XX спрашиваютъ, что дѣлать за то, чего въ дѣйствительности Никонъ не сдѣлалъ, но что враги его ему приписали, и стремятся представить его не только достойнымъ низверженія изъ сана, но и заслуживающимъ наказанія отъ свѣтской власти. Въ главѣ XIV спрашивается, можетъ ли епископъ, ушедшій въ разрядъ каящихся, претендовать на осуществленіе епископскаго достоинства. Канонъ 2-й Собора Св. Софіи говоритъ, что пусть въ этомъ случаѣ онъ не ищетъ епископской чести. „Отсюда вытекаетъ, что епископъ, ушедшій послѣ оставленія престола для того, чтобы быть на покоѣ и жить въ покаяніи, не можетъ больше возвращаться на свой престолъ и искать епископской чести и лизать блевотину вслѣдствіе переменны настроенія (въ славянскомъ переводѣ особо подчеркнуто: никоимъ образомъ не можетъ претендовать на свою прежнюю кафедру, ни возвращаться въ свою епархію, ни искать своего епископскаго достоинства, ибо это было бы похоже на пса, лижущаго то, что разъ изблевалъ по своей волѣ). Въ этой главѣ природа ухода Никона искажена. Отвѣтъ приуроченъ къ его словамъ 10/VII 1658 въ Соборѣ о пастырѣ,

обвиняющемъ во всемъ себя, нѣкоторыми свидѣтелями приуроченнымъ къ его собственному уходу, но не самимъ Никономъ, который уходилъ, какъ епископъ, захвативъ съ собой епископскія одежды, и отрекался „въ особомъ смыслѣ" (V, 683), подобно Мартирію Антиохійскому, который отказался оставаться пастыремъ изъ-за непослушанія людей (IV, 133).

Глава XV свитковъ.

Глава XV ставитъ вопросъ: „если епископъ или Патріархъ, оставивъ свою кафедру безъ принужденія и публично снявъ священническія одежды говоря, что не хочетъ быть больше епископомъ или Патріархомъ и уйдя съ своей кафедры безъ вѣдома свѣтской власти, уйдетъ, чтобы быть на покоѣ, сознавая себя недостойнымъ дѣйствовать, какъ епископъ, то можетъ ли онъ вернуться послѣ къ тому, что онъ презрѣлъ и отъ чего ушелъ"? По славянски сказано въ отвѣтъ: вышесказано, что епископъ, ушедшій самъ въ мѣсто кающихся безъ насилія или принужденія гражданскихъ правителей, не можетъ претендовать на обратное занятіе кафедры и не можетъ требовать епископской чести. Ибо никто по Божественному слову, прилагающій руку къ плугу, не отнимаетъ ее обратно. Ибо плугъ есть покаяніе, черезъ которое мы пожинаемъ плоды спасенія". Отвѣтъ останавливается на томъ, что снимать одежды передъ многими и при снятіи каждой говорить: „Я не достоинъ" — не оставляетъ больше мѣста для вторичнаго облаченія въ нихъ послѣ такого сниманія". Почему такой и не можетъ быть принять обратно и искать епископскаго достоинства". По поводу этого вопроса необходимо вспомнить, что сказалъ самъ Никонъ Симеону Стрешневу (I, 21) на его вопросъ, достаточно ли отреченіе устное или должно быть письменное: Ты былъ ли въ Соборѣ? И слышалъ ли самъ отреченіе? или другіе сказали тебѣ объ этомъ?" А на судѣ Никонъ сказалъ, что его отреченіе выдуманно, и отрекался онъ въ своемъ особомъ смыслѣ, т. е. не отъ престола, а только отъ непокорнаго народа. А Лигарида (I, 23) онъ спрашивалъ: „развѣ, когда вы служите, то окончивъ литургію, не снимаете священныя одежды?... Ты говоришь, что я говорилъ, что я не достоинъ быть Патріархомъ и болѣе не Патріархъ; откуда ты это досталъ? Уходя изъ Москвы, я этого не говорилъ а свидѣтельствовалъ напрасный царскій гнѣвъ на меня передъ небомъ и землей"... А въ другомъ мѣстѣ Никонъ (I, 104), утверждаетъ, что „онъ свидѣтельствовалъ при уходѣ объ обѣтѣ Царя, о неисполненіи этого обѣта, объ его напрас-

номъ гнѣвъ, и потому ушелъ не безъ вѣдома Царя, но Царь принуждаетъ называть этотъ актъ свидѣтельства причины моего ухода отреченіемъ. Никонъ посылалъ Царю объяснительное письмо объ уходѣ, но Царь его принялъ (I, 673) и отослалъ обратно. Совершенно очевидно, что отвѣтъ дается не о дѣйствительномъ фактѣ, а на боярскую версию объ уходѣ Никона, зафиксированную Соборомъ 1660 г. подъ давленіемъ правительства.

Глава XVI свитковъ.

Глава XVI заключаетъ вопросъ что дѣлать, если послѣ фактическаго оставленія епископъ приглашается черезъ извѣстныхъ людей или черезъ письмо правителя, можетъ быть, даже лично имъ (послѣднее предположеніе выкинуто въ славянскомъ переводѣ), а онъ, поднявшись противъ правителя, не вернется? Отвѣтъ ссылается на — правило „епископъ, который, будучи призванъ на Соборъ, пренебрежетъ призывомъ, развѣ что имѣются чрезвычайныя препятствія, подлежить наказанію, но, если далѣе, находясь среди множества своего народа, онъ презираетъ братскую любовь, то пусть будетъ наказанъ свѣтской властью". Отсюда ясно, что такой упорный человекъ не подлежить призыву, ибо 1) онъ пренебрегъ врученнымъ ему христіанскимъ обществомъ, 2) онъ оказалъ пренебреженіе кафедрѣ, 3) онъ ушелъ на покаяніе и созналъ себя недостойнымъ епископскаго служенія безъ (слав.: какого либо) принужденія, 4) онъ упорствуетъ въ неповиновеніи (слав. въ нераскаянности и неповинности) и упорствуетъ, отказываясь уступить просьбамъ, приглашающимъ его обратно, хотя бы это былъ самъ государь". Однако **цитируемые каноны говорятъ объ обратномъ приглашеніи епископа со стороны Собора**, а такого приглашенія Никону и не было. О приглашеніи же со стороны государя каноны ничего не говорятъ, и это — произвольный выводъ изъ каноновъ. Между тѣмъ отвѣтъ продолжаетъ, что такой не подлежить обратному принятію на епископское служеніе, а долженъ быть наказанъ свѣтской властью, какъ частное лицо (слав. переводъ: какъ простой монахъ). Вотъ это — конечная цѣль отвѣтовъ — наказаніе Никона свѣтской властью для полнаго его обезвреженія, но совершенно ясно, что цитированное правило нисколько къ нему не относится, ибо Соборъ Никона не приглашалъ возвращаться, а приглашеніе власти свѣтской не можетъ быть сравниваемо съ приглашеніемъ со стороны Собора; кромѣ того, приглашеніе князя Трубецкого Никону 10/VII 1658 не уходитъ не

можетъ считаться за серьезное приглашеніе вернуться, и Никонъ объяснилъ причину ухода, о ликвидаціи которой не было никакого намека, несмотря на то, что онъ ждалъ еще двое сутокъ на подворьѣ въ Москвѣ.

Глава XVII свитковъ.

Глава XVII говоритъ о совершеніи епископскихъ дѣйствій и совершеніи посвященій епископомъ, ушедшимъ съ каѳедры. Отвѣтъ назначаетъ за это отлученіе и опять наказаніе отъ свѣтской власти, ибо де, если низвергается посвятившій внѣ своей епархіи, то тѣмъ болѣе тотъ, кто, совершивъ отреченіе и отъ священныхъ одеждъ, и отъ служенія, продолжаетъ простирать свои руки для передачи благодати Св. Духа, отъ служенія Которому онъ самовольно отказался. Опять рѣшается вопросъ, непримѣнимый къ Никону въ виду другой природы его ухода, которая не изслѣдовалась безпристрастно а устанавливалась съ преднамѣренной цѣлью установить безпричинность его добровольнаго оставленія и отреченія отъ каѳедры.

Глава XVIII свитковъ.

Глава XVIII задаетъ вопросъ, законно ли епископу оставить свою епархію и идти куда захочетъ безнаказанно. Отвѣтъ цитируетъ — правило „пускай епископъ не уходитъ, развѣ, что съ согласія перваго престола страны, къ которой принадлежитъ епископъ, ищущій уйти, т. е., если не получить отъ самого первосвятителя спеціальную отпускную грамоту". Отвѣтъ говоритъ, что подъ спеціальной грамотой надо понимать или грамоту отъ высшаго церковнаго начальства, если есть двойное подчиненіе, или отъ того, кто первый начальникъ въ политическомъ отношеніи. Пальмеръ замѣчаетъ, что если бы Никонъ прочелъ это, то назвалъ бы это безсмыслицей или вздоромъ, и самъ онъ въ другомъ мѣстѣ (IV, 610) называетъ требованіе отъ Никона спрашивать согласіе Царя на уходъ абсурдомъ. Приводя различныя глоссы и прибавляя къ нимъ свои толкованія, въ которыхъ проводится мысль, что для ухода необходимо согласіе или перваго въ церковномъ отношеніи, или перваго въ гражданскомъ, славянскій переводъ старается опредѣлить понятіе ухода возможно уже: уходъ съ каѳедры на лицо уже тогда де, когда епископъ оставилъ свою соборную церковь, даже если онъ продолжаетъ находиться въ предѣлахъ своей епархіи, Сами же глоссы, цитируемыя въ свиткахъ, не говорятъ этого и уходъ не опредѣляютъ такъ рѣшительно. Цитируемое правило говоритъ: „Святому Собору угодно, чтобы почиталось незакон-

нымъ для епископа, оставляя свою кафедру, уходить въ какую либо церковь въ діэцезѣ". Славянскій же переводъ говоритъ не о діэцезѣ, а „внутри своей епархіи", что не соотвѣтствуетъ греческому слову „діэцезъ" — термину цитируемыхъ глоссъ, но зато позволяетъ примѣнить канонъ къ Никону, живущему въ Воскресенскомъ монастырѣ внутри своей епархіи, тогда какъ **канонъ разумѣль подь уходомъ уходъ за предѣлы епархіи, но въ одномъ округѣ (діэцезѣ)**. Также глосса Зонары говоритъ: „Епископъ по справедливости и по точности божественныхъ каноновъ долженъ жить въ своей собственной епархіи и учить народъ и управлять имъ, и не оставлять своей собственной кафедры, т. е. предполагаю я, свой первоначальный престолъ". Славянскій переводъ говоритъ о начальнѣйшихъ престолахъ, имѣя въ виду примѣнить это понятіе къ епископской кафедрѣ въ его главномъ Соборѣ Успенскомъ, какъ отличномъ отъ тѣхъ кафедръ, которыя онъ имѣетъ въ каждомъ Соборѣ и Церкви своей епархіи. Славянскій или латинскій изказитель перевода просто выпустилъ „я предполагаю, свой первоначальный престолъ" и замѣнилъ рѣшительно словами „свою соборную церковь. Такое же искаженіе допускаетъ славянскій переводъ при опредѣленіи наказаній. Такъ переводъ въ посланіи Св. Кирилла къ Домну слова: „если кто отрекся отъ престола и оставилъ стадо врученное ему, тому несправедливо претендовать послѣ этого на служеніе" сдѣланъ такъ: „тому непозволительно послѣ совершать литургію", т. е. переводъ не только лишаетъ ушедшаго кафедры, но и священнослуженія, потому что считалось опаснымъ оставить Никона только безъ кафедры, но въ санѣ.

Отвѣтъ считаетъ, что на основаніи 16 пр. Двукрат. Собора безумно думать, что епископъ можетъ отречься отъ епископства и удерживать священство, ибо это правило устанавливаетъ, что „кто отсутствуетъ больше 6 мѣсяцевъ изъ своей епархіи, не будучи удержанъ благороднымъ препятствіемъ, теряетъ епископство и священство". Насколько же больше совершаетъ преступленіе тотъ, кто отрекся отъ епископства и презрѣлъ заботу о стадѣ, оставивъ его волкамъ; какъ же ему давать право на священство?" Но дѣло въ томъ, что этотъ канонъ даетъ возможность епископу отсутствовать изъ епархіи до 6 мѣсяцевъ по всякой причинѣ, хотя бы для отдыха, но больше онъ можетъ оставаться въ отсутствіи, только если есть на это уважительныя причины, на примѣръ болѣзнь, приказъ Царя или Патріарха. Затѣмъ изъ канона слова: „Если епископъ, не заботится

о пастырствѣ надъ своимъ стадомъ," выпущены въ цитатѣ, а между тѣмъ въ нихъ все дѣло, ибо именно истинная забота о стадѣ и недопущеніе свѣтскаго правительства до дѣлъ, принадлежащихъ архипастырству, и вынудила Никона уйти. Вторая часть канона такъ и говоритъ: „Если какой либо епископъ, не заботится о пастырствѣ надъ своимъ стадомъ, но уходитъ и остается внѣ своей епархіи больше 6 мѣсяцевъ, не будучи удержанъ болѣзною или приказомъ Царя и Патріарха, то пусть будетъ лишенъ епископскаго ранга и чести". Первая часть каноновъ совсѣмъ не подходила для цѣлей отвѣтовъ и потому не цитировалась вовсе, а она гласила: „Ни подъ какимъ видомъ нельзя замѣщать епископскую кафедру, епископъ которой живъ; ибо необходимо чтобы было обвиненіе въ какомъ либо достаточномъ преступленіи, которое было бы доказано противъ того, кого хотятъ удалить съ кафедры, и только тогда, когда онъ низложенъ, можно ставить другого". (IV, 611 прим.). „Имя епископа, говоритъ отвѣтъ, есть выраженіе дѣйствія и энергіи. И кто сбросилъ съ себя энергію, тотъ потерялъ и Церковь. Не будучи способнымъ называться епископомъ, какъ можетъ онъ претендовать на священство? Какъ онъ будетъ называться іерархомъ, если не имѣетъ подъ собой духовенства и не является правителемъ священниковъ? И, если имя іерарха ему не принадлежитъ, то еще меньше можетъ принадлежать активное выраженіе этой іерархіи. (Славянскій переводъ говоритъ рѣшительно: „вслѣдствіе этого еще менѣе онъ можетъ быть компетентнымъ на осуществленіе священства). Наконецъ отвѣтъ хочетъ ослабить прецедентъ, бывшій на III Вселенскомъ Соборѣ, когда епископъ Памфілійскій Евстафій, изъ за трудности епископскаго служенія, оставилъ престоль, но получилъ разрѣшеніе отъ Собора по своей просьбѣ удержать имя епископа и честь и приобщеніе по епископскому чину внутри алтаря. Правило утверждаетъ, что Соборъ поступилъ не канонически, а по экономіи изъ необычнаго снисхожденія, и что все же Евстафій не могъ, будто бы, ни служить самъ, ни посвящать, и поэтому отвѣтъ заключалъ; „отрекшійся отъ своей епархіи лишается и чести и осуществленія епископскаго служенія въ соотвѣтствіи съ канонами." А славянскій переводъ говоритъ: „заслуженно и канонически."

Глава XIX свитковъ.

Глава XIX спрашиваетъ, что дѣлать, если епископъ, оставляя свою кафедральную Церковь, остается въ своей епархіи дольше

6 мѣсяцевъ. Отвѣтъ почитаетъ это даже большимъ преступленіемъ и заслуживающимъ лишенія епископской чести, даже большаго наказанія, чѣмъ остав

[В оригинале отсутствует стр. 101. — *Оцифровщик.*]

сти, по крайней мѣрѣ во всѣхъ церковныхъ вопросахъ, когда на лицо духовная опасность согласно со словомъ: Тотъ кто мягокъ въ другихъ случаяхъ, когда онъ знаетъ, что Богъ обиженъ, онъ становится по истинѣ воиномъ.

Глава VII говоритъ о возможности для обвиняемаго апеллировать къ Константинопольскому Патріарху, судъ котораго, при согласіи рѣшенія его съ рѣшеніями другихъ патріарховъ, является окончательнымъ. Казалось бы, объ этомъ больше нѣтъ надобности и говорить, но помѣщается двусмысленная глава XXII, допускающая мысль, что судъ уже совершенъ самими свитками, подписанными патріархами.

Глава XXII содержитъ вопросъ о послѣдствіяхъ, если Патріархъ отвергаетъ судъ своихъ епископовъ. Отвѣтъ говоритъ: „судъ, (по славянски вставлено слово „уже“) высказанный письменно Вселенской кафедрой и другими патріархами, согласно канонамъ долженъ имѣть силу противъ него безъ всякаго предлога къ дальнѣйшему спору въ дѣлѣ. Вставленное слово „уже“ какъ бы намекаетъ, что этотъ документъ при надобности можетъ быть использованъ какъ окончательное рѣшеніе, составленное заранее, какъ и было сдѣлано на Соборѣ 1666 г. Однако греческій текстъ ясно предполагаетъ, что, въ случаѣ апелляціи, патріархи обязаны разбирать дѣло прежде окончательнаго рѣшенія, т. е. вызвать и въ апелляціонную инстанцію обвиняемаго и допросить его лично. Такъ какъ суда Константинопольскаго Патріарха надъ Никономъ не было еще, то и приговоръ его не имѣлъ окончательнаго характера и не могъ быть приводимъ въ исполненіе. Къ тому же Никонъ никогда и не читалъ и не слушалъ патріаршихъ свитковъ, ибо они были прочитаны на судѣ въ томъ засѣданіи, въ которомъ его не было, именно 30/XI, а потому не могъ отвѣтить на нихъ самъ, (Каптеревъ II, 336) и подлиннаго допроса его на судѣ произведено не было по всѣмъ обстоятельствамъ, въ которыхъ онъ обвинялся въ этихъ свиткахъ. Между тѣмъ судъ этотъ почитался окончательнымъ. Глава XXIII о числѣ судящихъ епископовъ допускаетъ ихъ въ числѣ меньшемъ, чѣмъ 12, если обѣ стороны выбираютъ третейскаго судью, и тогда исключается апелляція. Такимъ образомъ допускалось, въ случаѣ ссылокъ Никона на недѣйствительность суда,

возразить ему, что онъ самъ согласился на судъ Восточныхъ Патріарховъ, относительно же участія Константинопольскаго Патріарха, онъ былъ обманутъ патріархами во время суда указаніемъ на свитки, какъ будто свитки произносили судъ надъ самимъ Никономъ, а не были только отвлеченнымъ разсужденіемъ о нѣкоемъ епископѣ, совершившимъ то, что разсказывали бояре и Лигаридъ, а не то, что было бы доказано судебнымъ разбирательствомъ.

Глава VI свитковъ.

Глава VI старается опорочить отлученіе на Питирима, Стрешнева, Сытина и Боборыкина, спрашивая, конечно, въ общей формѣ, можетъ ли духовное лицо какого бы то ни было чина отлучать кого захочетъ въ личныхъ дѣлахъ, и связаны ли отлученные такимъ образомъ передъ Богомъ? И подвергается ли неразумно отлучающій церковному наказанію? (Славянскій переводъ говоритъ: отлучающій безъ истиннаго каноническаго суда). Отвѣтъ приводитъ каноны, налагающіе наказаніе за неразумное, поспѣшное и необдуманное отлученіе. Говорится, что власть связывать и разрѣшать дана священникамъ не для того, чтобы это дѣлать по собственному усмотрѣнію, а только такъ, чтобы это угодно было Богу, что можно налагать наказанія за причины, установленныя канонами. Епископъ, совершающій неразумное отлученіе, самъ навлекаетъ тѣмъ самымъ на себя обратное отлученіе. А далѣе обнаруживается истинная движущая боярская пружина, создавшая отвѣты, совершенно не церковнаго характера. „Если не дано разрѣшенія на неразумное проклятiе или отлученіе обыкновеннаго лица, то тѣмъ болѣе запрещено оно по отношенію къ правителю, и къ тѣмъ, которымъ вручена отъ Бога власть правленія". Въ славянскомъ же переводѣ просто сказано, „къ высокопоставленнымъ лицамъ", т. е. боярамъ и епископамъ. По поводу этихъ отлученій можно сказать, что для нихъ Никонъ долженъ былъ по силѣ 34 ап. пр. собирать Соборъ, но на это онъ не имѣлъ никакой возможности, какъ потому, что самъ онъ былъ насильственно разобщенъ отъ архіереевъ, такъ и потому, что всѣ архіереи пошли по человѣкоугодничеству за поставленнымъ Царемъ, независимо отъ Патріарха, мѣстоблюстителемъ Митрополитомъ Питиримомъ, подчинились послѣднему, выйдя изъ каноническаго строя. Никонъ жаловался Константинопольскому Патріарху, что Царь вмѣшивается въ церковныя дѣла: „онъ анаѳематствуетъ за кощунство Стрешнева, а

Царь приказаль не считаться съ этимъ отлученіемъ и почитать его по прежнему". (IV, 411).

XXIV Глава свитковъ.

Глава XXIV спрашиваетъ, можетъ ли епископъ или Патріархъ дѣлать нововведенія и вводить въ свою Церковь необычныя службы или обрядовые обычаи и передѣлывать установленныя литургіи. Отвѣтъ говоритъ, что тотъ, кто дѣлаетъ такія вещи одной своей властью, особенно, если онъ портитъ установленное святыми людьми и признанное святыми отцами и утвержденное давностью, вводитъ свое, тотъ подлежитъ низложенію, (Славянскій переводъ добавляетъ и низверженію изъ сана), какъ дѣлатель смуты, и подлежитъ анаѳемѣ вмѣстѣ со своими нововведеніями. Это положеніе подтверждается ссылкой на Апостола Павла:

„Если кто будетъ проповѣдывать вамъ иначе, то, хотя бы это былъ ангель съ неба, анаѳема да будетъ". Вѣроятно, этотъ отвѣтъ призванъ былъ къ примѣненію на тотъ случай, если бы обвиненія, раньше приведенныя, не привели бы къ желанной цѣли; тогда можно было бы подвергнуть разбору всѣ церковныя обрядовыя реформы Никона и въ нихъ найти что либо, не утвержденное Соборомъ. Соборъ 1666 г. изъ всѣхъ нововведеній Никона въ церковныхъ дѣлахъ не утвердилъ лишь его указаніе совершать обряды водоосвященія по случаю крещенія Господня лишь одинъ разъ 5 января, а также осудилъ его мѣру, состоявшую въ запрещеніи причащать разбойниковъ, пойманныхъ на мѣстѣ преступленія. Мѣру эту Никонъ объявилъ какъ средство борьбы съ разбоемъ, еще въ началѣ патріаршества, надѣясь воздѣйствовать на совѣсть.

Глава XXV свитковъ.

Глава XXV имѣетъ въ виду случай побитія окольныхъ Хитрово 4 іюля 1658 г. посланнаго Никономъ во дворецъ своего человѣка князя Мещерскаго и, въ виду обиды Никона на отсутствіе наказанія Хитрово за эту обиду, спрашиваетъ: если кто побьетъ слугу епископа, или митрополита, или Патріарха, то оскорбленіе переходитъ ли на его господина? (Пославянски прибавлено: „или нѣтъ", какъ бы наталкивая на второй отвѣтъ) и можетъ ли онъ самъ судить обиду или представить это свѣтскому суду. Отвѣтъ говоритъ, что не всякая обида переходитъ на господина, а только та, которая ясно имѣла въ виду его. Но, если слуга учиняетъ безпорядокъ и получилъ оскорбленіе или побитіе для приведенія его къ порядку (а въ славянскомъ

переводъ оказано „побить и выруганъ безчестящими словами главными боярами Царя“) тѣми, которые поставлены для исполненія царскихъ приказовъ, то это оскорбленіе остается на учинившемъ безпорядокъ и не переходитъ на его господина. Если послѣдній недоволенъ, то можетъ обратиться къ гражданскому суду. Но, если онъ самъ вынесетъ рѣшеніе, то, какъ презритель высшаго суда, за попытку безпорядкомъ исправить безпорядокъ, подлежитъ наказанію безъ извиненія“. Такъ самъ Никонъ, не получившій удовлетворенія за побитіе его посланнаго за дѣломъ, оказывается еще и виновнымъ, хотя онъ предупреждалъ, что, если Царь не дастъ удовлетворенія его человѣку въ свѣтскомъ судѣ, то онъ накажетъ по церковному побившаго. Въ заключеніе отвѣты говорятъ, что таково общее соборное рѣшеніе, что епископа, къ которому относятся эти вопросы, согласно отвѣтамъ на нихъ, должно наказать безъ всякаго опасенія совершить этимъ неправду.

Но свитки патріаршіе совершенно ничего не говорятъ, виновно или невиновно во всѣхъ перечисленныхъ дѣянїяхъ лицо которое имѣлось въ виду при составленїи вопросовъ; **о наличїи самой вины свитки ничего не говорили.**Наличность вины рѣшилъ судъ до явленія Никона.

Вопросъ о наличности вины Никона рѣшается 30/XI 1666 г. въ его отсутствїе.

Именно 30/XI, пока посланные за Никономъ ѣздили въ Воскресенскій монастырь, собравшіеся у государя, какъ описываетъ и Каптеревъ (II, 336), въ столовой избѣ Патріархи и другїе стали слушать чтеніе свитка, заключавашаго въ себѣ отвѣты четырехъ Патріарховъ на царскїе вопросы, ранѣе (29/V, 1664 г.) привезенные съ востока грекомъ іеродїакономъ Мелетїемъ. По прочтенїи свитка Патріархи признали заключающїеся въ немъ отвѣты Патріарховъ подлинными и въ то же время обратились ко всѣмъ присутствовавшимъ съ вопросомъ: „на основанїи прочитаннаго свитка, виновенъ ли Никонъ въ безпричинномъ и произвольномъ оставленїи имъ патріаршей каѳедры?“ На этотъ вопросъ всѣ присутствовавшїе на Соборѣ архїереи и духовныя лица, а также бояре, окольничьи и думные люди отмѣчали, что по патріаршимъ свиткамъ „бывшїй Никонъ Патріархъ повиненъ во всемъ и отъ патріаршества имѣетъ быть отлученъ. Никто не обратилъ вниманія и на то обстоятельство, что извѣстіе о невѣрномъ переводѣ свитка достигали Востока. Отъ 21 января 1665 г. архидїаконъ Досїѳей (будущїй Патріархъ и помощ-

никъ русскаго правительства на востокѣ) писалъ Лигариду по порученію Патріарха Нектарія, что Патріархъ узналъ, что въ Москвѣ патріаршіе свитки переводятся невѣрно, и, если онъ — Нектарій пріѣдетъ въ Москву, то строго взыщеть за то, и потому Досиѳей совѣтывалъ Лигариду быть осторожнѣе и стоять за умиротвореніе Церкви, „зане возвѣстися намъ, яко твоя святыня могій соблазномъ вредити, не глаголеши о мирѣ" (Гюб. II, гл. VIII).

Такъ еще до соборнаго суда надъ Никономъ, дѣло его уже рѣшено было окончательно на предсоборныхъ собраніяхъ, на которыхъ Патріархи, архіереи и весь освященный Соборъ, т. е. все остальное духовенство, а также бояре, окольникіе и думные люди, признали Никона во всемъ виновнымъ и отлученнымъ отъ патріаршества. Послѣ этого самый Соборный судъ надъ Никономъ по существу дѣла былъ только простой формальностью и не могъ имѣть вліянія на исходъ предрѣшеннаго суда.

О троекратномъ приглашеніи Никона на судъ.

Любопытно отмѣтить, какъ выполнено было требуемое канономъ троекратное приглашеніе Никона на судъ, безъ котораго нѣтъ на лицо каноническаго суда. Этотъ моментъ очень характеренъ и подробно выясненъ Гюббенетомъ.

Въ засѣданіи 28 ноября патріархи заявляютъ, что надо позвать Никона, чтобы онъ далъ отчетъ о самовольномъ отшествіи изъ Москвы и о другихъ церковныхъ винахъ. Немедленно послали къ Никону Псковскаго архіепископа Арсенія, архимандрита Спасскаго монастыря Сергія и архимандрита Спасскаго Евфиміевскаго монастыря Павла. Они донесли 29 числа, что Никонъ отвѣтилъ имъ: „Я де поставленія святительства и престоль патріаршій имѣю не отъ Александрійскаго, не отъ Антіохійскаго, но отъ Константинопольскаго, а если де Александрійскій и Антіохійскій Патріархи по соглашеніи съ Константинопольскимъ и Іерусалимскимъ пришли въ царствующій градъ Москву для духовныхъ вещей, и какъ де онъ соберется и въ царствующій градъ Москву придетъ для духовныхъ вещей извѣстій ради, а собранію своему и поѣздкѣ къ Москвѣ времени не объявилъ". Согласія правящаго въ данное время Константинопольскаго Патріарха Парѳенія не могло быть уже потому, что онъ принималъ участіе съ султаномъ въ низверженіи обоихъ патріарховъ за ихъ поѣздки въ Москву (V, 712 пр.) Никонъ тотчасъ началъ собираться въ путь, служилъ всенощную, на другой день служилъ свою

последнюю литургию, исповѣдывался причащался и масломъ освящался, какъ бы передъ смертью, говорилъ прощальную проповѣдь братіи монастыря и днемъ 30 ноября тронулся въ путь. Но отвѣтъ его въ Москвѣ рѣшили истолковать, какъ отказъ явиться немедленно на Соборъ, и въ засѣданіи 30 ноября рѣшили еще два раза послать за нимъ, какъ требуется канонъ, но, не дождавшись его приѣзда, **въ тотъ же день прочли свитокъ** и рѣшили безъ его допроса примѣнить его къ нему. Эти вторичныя посольства Никонъ встрѣчалъ уже на половинѣ дороги въ Москву на протяженіи какого-нибудь часа или получаса времени между ними; причемъ одно изъ нихъ задержало его въ виду того, что имѣлась инструкція доставить его къ 3 декабря. Нарочно посланный въ Москву вернулся и разрѣшилъ ѣхать тотчасъ, такъ что Никонъ приѣхалъ въ Москву въ 12 часу ночи 30 ноября: Но очевидно въ Москвѣ не интересовались его скорѣйшимъ приѣздомъ, если давали распоряженія доставить его къ 3 декабря, а сами уже 30/ХІ прочли основной свитокъ, который былъ одновременно и обвинительнымъ актомъ и окончательнымъ вердиктомъ; на слѣдующихъ засѣданіяхъ уже не возвращались къ нему и указывали на него Никону только, какъ на доказательство существующаго будто бы согласія съ Константинопольскимъ Патріархомъ.

Ложное заявленіе Патріарховъ о наличіи у нихъ согласія Константинопольскаго и Іерусалимскаго Патріарховъ.

У Гюббенета написано: „И святѣйшіе вселенскіе киръ Паисій Папа и Патріархъ Александрійскій и киръ Макарій Патріархъ Антиохійскій бывшему Патріарху Никону говорили, что у нихъ совѣтъ и согласіе рукъ святѣйшихъ вселенскихъ Патріархъ Константинопольскаго и Іерусалимскаго съ ними есть и указали на свитки". Къ этому они были вынуждены вопросомъ Никона: „Есть ли де у васъ, Святѣйшихъ Патріарховъ, совѣтъ и согласіе съ вселенскими Патріархами, что его Патріарха Никона судить; а безъ ихъ де совѣта онъ, бывший Патріархъ, имъ отвѣчать не будетъ, потому что де хиротонисанъ онъ на патріаршій престолъ отъ святѣйшаго Константинопольскаго, а будетъ де у нихъ, Святыхъ Патріарховъ, совѣтъ и согласіе есть съ Константинопольскимъ и Іерусалимскимъ, что его судить, и онъ де отвѣтъ передъ ними давать готовъ. Но Патріархи солгали: свитки не были сужденіемъ о Никоновскомъ дѣлѣ, а отвлеченнымъ, независимо отъ конкретнаго лица обвиняемаго, разсужденіемъ о дѣяніяхъ, описанныхъ и освѣщенныхъ Никоновски-

ми врагами. Въ виду самага наличія, кромѣ свитковъ, особаго посланія Патріарха Нектарія къ Царю, гдѣ онъ просто рекомендуетъ Царю позвать Никона обратно, возникаетъ вопросъ, почему здѣсь высказаны разныя мнѣнія.

Чѣмъ руководствовались Патріархи въ сужденіи о дѣлѣ Никона.

Пальмеръ замѣчаетъ (IV, 502): „Письмо Нектарія показываетъ, что Патріархи въ глубинѣ своей совѣсти понимали, что положеніе Никона — плодъ ненависти могущественныхъ его враговъ, но они не рѣшались высказать свои думы. Ихъ собственныя несчастныя условія принуждали ихъ быть на сторожѣ. Царю они довѣряли, и желали сказать ему правду, но боярь они боялись (имъ нуженъ былъ доступъ къ Царю ради милостей), и дали имъ неясныя отвѣты, которые уже въ латинскомъ и славянскомъ переводѣ были еще больше заострены противъ Никона.

Искусственныя мѣры, принятыя правительствомъ о дѣлѣ Никона по правительственнымъ источникамъ.

Было все это проведено черезъ того Лигарида, которому бояре за его консультацію и работу въ дѣлѣ противъ Никона прощали самыя безсовѣстныя дѣла, а не только куреніе табака, которое едва было прощено Никономъ Мирскому митрополиту и то только лично ему, а не лицамъ его сопровождавшимъ (II, 528 прим.). Этотъ же Лигаридъ былъ призванъ освѣтить дѣло Никона пріѣхавшимъ двумъ Патріархамъ, отъ которыхъ были отдалены всякія другія вліянія. Пока они ѣхали отъ Астрахани, ихъ сопровождали изъ Москвы присланные лица, и они не допускали никого къ нимъ безъ разрѣшенія Московскаго правительства, чтобы къ нимъ не проникли сторонники Никона и сами эти особо присланные лица, а также митрополитъ Астраханскій Іосифъ (грамота напечатана среди документовъ у Пальмера III, 402) имѣли запрещеніе говорить съ ними по этому дѣлу. **Бесѣда съ Царемъ, богатые отъ него подарки должны были додѣлать остальное.** Съ Никономъ же первая встрѣча состоялась въ засѣданіи 1 декабря, когда накануне дѣло было по существу уже рѣшено. Чтобы патріархи рѣшили дѣло, какъ надо было правительству, для этого былъ поставленъ Лигаридъ, который стремился воздѣйствовать на ихъ іерархическое самолюбіе. Въ докладной запискѣ Лигарида Патріархамъ, Никонъ обвинялся въ томъ, что „онъ дерзнулъ поставить свой тронъ выше другихъ Патріарховъ, сталъ поразать благодѣтелей своихъ и терзать, подобно ехиднѣ, родную мать

свою Церковь. Но Тотъ, Кто смиряетъ надменныхъ, развѣяль, какъ паутину, замысль его именоваться Патріархомъ и Папою, (?) нарушая должное почтеніе къ истинному Папѣ и Патріарху Александрійскому, которому принадлежитъ этотъ титулъ искони и понынѣ канонически... И Іерусалимскаго Патріарха оскорбилъ онъ, наименовавъ себя Патріархомъ Новаго Іерусалима, ибо онъ безстыдно и невѣжественно назвалъ новую обитель свою Новымъ Іерусалимомъ, забывая, что Софроній раздѣляетъ Іерусалимъ на древній христуубійственный и новый — порождающій благочестіе. Никонъ хотѣлъ подчинить себѣ и Антіохійскій престоль (?), гдѣ впервые послышалось названіе христіанъ, стараясь обманчивой подписью (?) стать третьепрестольнымъ. Онъ обидѣлъ вселенскій тронъ захватомъ престола Кіевскаго сего первопрестольнаго града равноапостольнаго Владиміра, желая, чтобы его торжественно поминали такъ: Божіей милостью Никонъ архіепископъ Московскій и Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Патріархъ. Онъ придумалъ, что, такъ какъ Александрія вслѣдствіе обстоятельствъ опустѣла и не служитъ болѣе жилищемъ Патріархамъ, и Антіохія тоже распалась, то Патріархи Александрійскій и Антіохійскій незаконно именуются Патріархами. Такимъ образомъ онъ по іудейски прикрѣпляетъ власть къ мѣсту, но благодать Духа не ограничивается мѣстомъ, но всюду свободно расширяется. „Затѣмъ Лигаридъ изобразилъ его" церковнымъ новаторомъ, поколебавшимъ и древнее церковное преданіе, что Никонъ былъ рукоположенъ дважды и потому и не есть законный Патріархъ". Даже Каптеревъ, вообще настроенный противъ Никона и воспринявшій его личную характеристику отъ Лигарида и Соловьева, говоритъ, что докладная записка Лигарида, имѣвшая въ виду предварительно ознакомить Патріарховъ съ дѣломъ Никона, составлена была крайне тенденціозно, и рассчитана на то, чтобы заранѣе настроить и вооружить Патріарховъ противъ Никона, показать въ немъ ихъ личнаго врага, покушавшагося отнять у нихъ ихъ достоинство и честь, при чемъ Лигаридъ не поскупился относительно Никона и на разныя выдумки и очевидныя несправедливости. Для того, — кто читалъ наши цитаты изъ Никоновскаго „Раззоренія" о власти и сравнительной чести Патріарховъ, совершенно ясно, что всѣ эти обвиненія — **сплошная клевета, но клевета, сдѣлавшая свое дѣло и возстановившая Патріарховъ противъ Никона.**

Въ чемъ обвиняли Никона на судѣ?

На судѣ не было вовсе рѣчи о тѣхъ обвиненіяхъ въ отношеніи дѣйствій Никона къ гражданской власти, какъ будто они не имѣли никакого значенія; очевидно ихъ считали слабымъ пунктомъ обвиненій и обвиняли Никона сначала въ уходѣ съ кафедры, не принимая во вниманіе заявленій самого Никона, а потомъ читалось перехваченное письмо его къ Константинопольскому Патріарху Діонисію, написанное въ декабрѣ 1665 г., въ которомъ описывалась исторія Никоновскаго возвышенія и паденія; чтеніе его прерывалось обсужденіями отдѣльныхъ мѣстъ, и такимъ образомъ передъ нами не было систематическаго обвиненія по тѣмъ пунктамъ, которые ставили вопросы восточнымъ Патріархамъ; вовсе не подумали о томъ, чтобы наказаніе, предусмотрѣнное тамъ и заключающееся въ низложеніи съ престола, низверженіи изъ сана и ссылкѣ, оказалось примѣненнымъ къ самому Никону. Этого и не нужно было, ибо еще 30 ноября всѣ архіереи и бояре огульно заявили, что Никонъ повиненъ во всемъ.

Какъ разъ въ этотъ день Никонъ, по словамъ иподіакона Шушерина, повезъ съ собой въ Москву свое „Раззореніе“, которое было написано имъ въ 1664 г. Мнѣніе о времени писанія „Раззоренія“ опредѣляется тѣмъ, что въ немъ упомянуто объ изданіи Библии на фронтисписѣ, вышедшемъ только 12 декабря 1663 г.; а въ январѣ 1665 г. произошли переговоры Никона съ Соборомъ объ условіяхъ отреченія его отъ патріаршества, изъ которыхъ видно, что Соборъ почиталъ его не отрекшимся отъ патріаршаго престола; если бы Никонъ писалъ „Раззоренія“ въ 1665 г., онъ объ этомъ конечно упомянулъ бы, и ему не зачѣмъ было бы подробно доказывать, что онъ не отрекался отъ престола. Самое это „Раззореніе“ не было представлено Никономъ на судѣ, и ясно, что не было предметомъ сужденій, ибо въ противномъ случаѣ многія рѣзкости Никона были бы поставлены ему въ вину, а съ другой стороны были бы въ дѣлѣ слѣды спора съ нимъ по существу о принципахъ царской власти. Говорили же на судѣ только объ уходѣ Никона съ престола, но, если остановиться на этомъ одномъ пунктѣ, который только и разбирали на судѣ хоть сколько-нибудь, то и тогда ясно будетъ необоснованность суда; что касается обвиненій во введеніи новыхъ обычаевъ въ церковно-государственныхъ отношеніяхъ, о которыхъ говорили главы I—V и X—XIII вопросовъ Патріархамъ, то въ этомъ отношеніи никакихъ обвиненій Никону не было поставлено. Любопытно посмотрѣть, дос-

таточно ли объективно постановили Патріархи наказанія за уходъ въ видѣ низверженія съ престола, лишенія сана и наказанія еще отъ свѣтской власти.

Практика Константинопольской Церкви въ отношеніи Іерарховъ, покинувшихъ кафедру.

Посмотримъ, какова была практика Константинопольской Церкви и наиболѣе извѣстные въ исторіи случаи оставленія кафедръ. Въ Константинополѣ послѣ убійства Парфенія II въ 1650 г. былъ нѣкоторое время Патріархомъ Іоаникій, затѣмъ Кириллъ Коза, но его не приняли, и, такъ какъ онъ не смогъ собрать денегъ визирю и свитѣ его, то былъ низложенъ и на его мѣсто поставленъ Аѳанасій Пательяръ, пріѣзжавшій въ Россію въ 1653 г., ранѣе бывший Салоникскимъ митрополитомъ, а потомъ Патріархомъ по низверженіи Кирилла Лукариса; онъ былъ опять низложенъ и получилъ отъ Молдавскаго бея Церковь и монастырь въ Яссахъ. Потомъ онъ безъ позволенія бея пришелъ въ Константинополь и сдѣлался Патріархомъ на мѣсто Кирилла Козы; онъ оставался Патріархомъ 15 дней и былъ низложенъ; вернувшись въ Молдавію, онъ нашель Церковь свою переданной другимъ и уѣхалъ въ началѣ 1653 г. въ Москву и умеръ въ Лубнахъ на Пасхѣ 1654 г. Послѣ Аѳанасія духовенство и епископы избрали Паисія, заставивъ его продать Ларисскую кафедру (этотъ Паисій въ концѣ 1654 г. посылалъ отвѣты Никону въ Москву о церковныхъ обрядахъ); послѣ него въ 1655 г. былъ Парфеній III, повѣщенный 25 марта 1657 г., затѣмъ былъ Діонисій до зимы 1665 г., Парфеній IV до 1668 г., затѣмъ Меѳодій и затѣмъ Парфеній IV и Меѳодій смѣняють другъ друга нѣсколько разъ.

Такъ и въ Іерусалимѣ послѣ смерти Паисія въ 1660 году вступилъ Нектарій, который въ 1668 г. отрекся, и его замѣнилъ Досиѳей. Изъ этой смѣны Патріарховъ и ихъ обратнаго возвращенія видно, что самъ по себѣ фактъ оставленія патріаршества не считался какимъ либо преступленіемъ и, если въ Константинополѣ онъ вызывался условіями турецкой неволи, то въ Москвѣ могъ вызываться другими условіями.

Обсужденіе Никоновскаго ухода на Соборѣ между 16 февр. и 23 апр. 1666 г.

Самъ по себѣ онъ вовсе не заслуживалъ кары, какъ то видно изъ историческихъ примѣровъ Соборъ русскихъ епископовъ, обсуждавшій вопросъ объ уходѣ Никона между 16 февр. и 23 апр. 1666 года, т. е. до того времени, когда начался судъ надъ старообряд-

цами, не исходилъ даже изъ того положенія, что Никонъ отрекся, и обсуждалъ вопросъ и на тотъ случай, если допустить, что Никонъ не отрекался, но ушелъ безъ необходимости, не испросивъ согласія Собора, имѣя въ виду 14, 34, 37 ап. пр. На случай отреченія съ клятвой онъ примѣнилъ низложеніе съ престола по 23 ап. пр. Онъ считалъ возможнымъ примѣнить и 16 пр. I-II Собора, независимо отъ того, было ли отреченіе или нѣтъ, за одно отсутствіе съ кафедры болѣе 6 мѣсяцевъ, не вникая въ мотивы ухода (что неправильно, какъ показано выше, ибо все дѣло въ мотивахъ). Онъ считалъ, что послѣ отреченія отъ кафедры нельзя своевольно возвращаться, но право выбрать дальнѣйшій образъ дѣйствія принадлежитъ Царю, Собору и синклиту. Если имъ кажется нужнымъ и удобнымъ пригласить Никона вернуться, то они компетентны это сдѣлать, какъ явствуетъ изъ историческихъ прецедентовъ. Если же нѣтъ, то самъ Никонъ можетъ требовать отъ своей кафедры только себѣ на содержаніе (П. IV, 609—612). **Здѣсь видна прежде всего неустойчивость въ опредѣленіи природы Никоновскаго ухода, что и понятно послѣ переговоровъ съ нимъ въ началѣ 1665 г. объ условіяхъ будущаго отреченія; кромѣ того, вовсе нѣтъ рѣчи о гражданскомъ наказаніи въ родѣ ссылки; о возможности лишенія сана говорится очень глухо простымъ приведеніемъ 16 пр. III Собора и въ заключеніе вовсе объ этомъ не говорится, а говорится о возможности приглашенія Никона обратно на кафедру.**

Историческая справка о разнаго вида уходахъ Патріарховъ и епископовъ со своихъ престоловъ. Выводы.

Къ вышеназванному мнѣнію приобщены были историческіе примѣры 5 разрядовъ: 1) Патріарховъ, добровольно оставившихъ свои кафедры безъ возврата на нихъ, 2) Патріарховъ добровольно оставившихъ свои кафедры и вернувшихся на нихъ, 3) епископовъ, отрекшихся отъ епископства и получившихъ разрѣшеніе снова дѣйствовать въ качествѣ епископовъ, 4) случаи, когда Патріархъ оставялъ свою Церковь и былъ назначенъ на его мѣсто другой, 5) случаи, когда епископъ оставялъ свою кафедру, и назначался другой на его мѣсто.

1. Къ первой категоріи относится рядъ случаевъ. **Св. Григорій Богословъ**, выбранный II Вселенскимъ Соборомъ на Константинопольскій престолъ, оставилъ его, увидѣвъ, что одинъ египетскій епископъ завистливъ къ этому; сказалъ рѣчь на Соборѣ и ушелъ, оставаясь еще 12 лѣтъ епископомъ. Константинопольскій Патріархъ

Григорій Мамма пророчествовалъ по вдохновенію о паденіи Константинополя и добровольно покинулъ кафедру. **Св. Патріархъ Іона** оставилъ кафедру, сказавъ императору Андронику Палеологу: „я, видя себя главой грѣшниковъ, сдѣлалъ все, чтобы избѣжать грѣха“. **Свят. Патріархъ Трифонъ** согласился, по разказу Арменопула, быть Патріархомъ только на время, пока подрастетъ **Θеофилактъ** — сынъ императора. **Свят. Патріархъ Константинопольскій Геннадій Схоларій**, несмотря на мольбы епископовъ и народа остаться, написалъ свое отреченіе въ книгу Великой Церкви и удалился въ монастырь **Св. Предтечи**, гдѣ и умеръ. То же сдѣлалъ **свят. Патріархъ Константинопольскій Митрофанъ**, отрешійся письменно не только отъ патріаршества, но и отъ епископства. **Эти примѣры показываютъ, что отреченіе отъ патріаршества вовсе не влекло за собой отреченія отъ епископства.**

2. Ко второй категоріи относятся — **Свят. Патріархъ Константинопольскій Пирръ**, который отрешился отъ патріаршаго престола и послѣ того, какъ пробылъ на престолѣ его преемникъ Патріархъ **Павель** 12 лѣтъ, онъ былъ возстановленъ и былъ на престолѣ 4 мѣсяца. Патріархъ Константинопольскій **Діонисій**, будучи оклеветанъ дурными клириками, что будто онъ обрѣзанъ турками, далъ провѣрить свою клятву на Соборѣ и отрешился несмотря на то, что весь Соборъ, цѣлуя его ноги, просилъ прощеніе и умолялъ остаться. Лишь, послѣ смерти его преемника и изгнанія слѣдующаго **Нифонта**, онъ согласился опять стать Патріархомъ. Эти факты показываютъ, **что и отреченіе отъ престола вовсе не является такимъ одіознымъ фактомъ, чтобы нельзя было просить отрешающаго вернуться.**

3. Къ третьей категоріи относится **Николай Музалонъ Кипрскій** архіепископъ. Онъ добровольно отрешился отъ епископской кафедры, но продолжалъ быть епископомъ и черезъ 37 лѣтъ послѣ отреченія былъ поставленъ въ Патріархи Константинопольскіе и былъ тамъ 3 года и 4 мѣсяца. **Θеодуль епископъ Макарскій** добровольно оставилъ свою кафедру, но ему снова было разрѣшено дѣйствовать епископски. Переменивъ свое настроеніе, онъ пришелъ къ Патріарху Константинопольскому **Михаилу Анхіалу** и просилъ его объ этомъ. Узнавъ, что это отреченіе послѣдовало не вслѣдствіе какого либо порока, а отъ смиренія, Патріархъ рѣшилъ, что такое отреченіе не должно было принимать, ибо епископъ, достойный этого сана, въ случаѣ отреченія отъ епископства, поступаетъ не канонически по второму правилу **Александрійскаго**: „если онъ достоинъ

служить, пусть служить, если нѣтъ, да не отрекается, но да осудится". **Евстафій епископъ Памфилійскій** добровольно и письменно отрекся отъ епископской каѳедры и снова былъ допущенъ къ чести епископства, ибо, когда онъ обратился съ просьбой о возстановленіи епископской чести, то это ему было разрѣшено: было постановлено, что онъ долженъ имѣть епископскую честь и именоваться епископомъ, что съ согласія мѣстнаго епископа онъ можетъ совершать въ Церкви епископскія дѣйствія, посвящать священниковъ и дьяконовъ, а что Соборъ Памфилійскій можетъ поставить его на вакантную каѳедру (III Вс. Соб. 9 пр.). Такъ даже отреченіе отъ епископской каѳедры не препятствовало снова назначать на каѳедру отрекшагося: очевидно и отреченіе не лишало отрекшагося права и вниманіе къ мотивамъ его отреченія, на вторичное представленіе ему епископскихъ полномочій, какъ это явствуетъ и изъ разсмотрѣнія четвертой категоріи случаевъ, гдѣ рѣчь идетъ уже о Патріархахъ.

4-я категорія случаевъ: послѣ отреченія Григорія Богослова при его жизни былъ назначенъ Вторымъ Вселенскимъ Соборомъ Нектарій. Послѣ письменнаго отреченія Патріарха Геннадія Схоларія былъ поставленъ киръ Исидоръ; вмѣсто отрекавшагося Патріарха Константинопольскаго Пирра, былъ поставленъ Павелъ, а послѣ него опять Патріархъ Пирръ. Послѣ отреченія Патріарха Діонисія были на престолѣ Симеонъ Трапезундскій, Рафаиль Сергѣй, Максимъ Лага, Нифонтъ при жизни Діонисія, который при нихъ опять сталъ Патріархомъ.

5. Къ пятой категоріи относится случай назначенія епископа Θεодора на мѣсто отрекшагося Евстафія Памфилійскаго. **Въ заключеніе всего сказаннаго: пока епископъ живъ и на каѳедрѣ пользуется епископской честью, другой не можетъ быть назначенъ въ силу 16 пр. Двукрат. Собора. Если епископъ или Патріархъ оставитъ каѳедру и клянется не возвращаться, то онъ и не можетъ вернуться, ибо станетъ виновнымъ въ нарушеніи клятвы, и тогда подлежитъ низложенію по 24 ап. пр.** (Вотъ почему надо было боярамъ доказывать, что Никонъ отрекся съ клятвой). Но, если епископъ или Патріархъ добровольно отрекся отъ каѳедры безъ клятвы не возвращаться, то онъ можетъ вернуться двоякимъ способомъ: 1) Если Соборъ видитъ его смиреніе, что онъ дѣйствуетъ не по своимъ прихотямъ (въ данномъ случаѣ не обличая Царя и бояръ), но какъ добрый пастырь, то онъ можетъ просить его вернуться съ честью, 2) во вторыхъ, самъ епископъ, перемѣнивъ свое настроеніе,

можетъ обратиться къ Собору и просить его разрѣшить пользоваться прежней честью, разъ нѣтъ преступленія, этому препятствующаго, черезъ возвращеніе на свою каѳедру. **Патріархъ, который добровольно отрекся только отъ своей каѳедры, но не отъ епископства, можетъ совершать епископскіе акты, какъ Григорій Богословъ, послѣ оставленія Константинопольской каѳедры ушелъ въ Назіанць, гдѣ и дѣйствовалъ епископски, посвятивъ въ священники нѣкоего Евлалія.** Но, если епископъ добровольно оставилъ свою каѳедру и принялъ схиму, то уже не можетъ совершать епископскихъ актовъ въ силу 2 пр. Собора въ Св. Софіи: „Епископъ, который избралъ свое мѣсто среди кающихся (т. е. принялъ схиму) не долженъ претендовать на епископскую честь, ибо монашескій обѣтъ — обѣтъ послушанія и ученичества, а не учительства и власти, обѣтъ питаться, а не питать.

Въ результатѣ исторической справки для бояръ, чтобы окончательно отдѣлаться отъ Никона нельзя было ограничиться однимъ обвиненіемъ въ оставленіи патріаршества.

Вотъ это каноническое разъясненіе раскрываетъ, почему бояре для окончательнаго удаленія Никона отъ Царя не могли ограничиться его уходомъ безъ лишенія сана и гражданской ссылки. Всегда была бы опасность его возвращенія. Его надо было представить преступникомъ, или надѣтъ на него схиму. Если этого невозможно было достигнуть, надо было составить такимъ образомъ судъ, чтобы онъ кончился не простымъ удаленіемъ Никона, а его низверженіемъ изъ сана по меньшей мѣрѣ. Такъ какъ этого нельзя было достигнуть путемъ суда правильнаго, который бы изслѣдовалъ дѣйствительную дѣятельность Никона, то прибѣгли къ Лигариду, который сумѣлъ составить судъ беззапелационный изъ Патріарховъ, причемъ недостатокъ въ согласіи между Патріархами былъ затушеванъ подписями на отвѣтахъ, которые имъ были представлены Патріархамъ, какъ отвлеченное разсужденіе безъ отношенія къ лицу, а въ Москвѣ были представлены, какъ ихъ сужденіе о Патріархѣ Никонѣ; самъ же Никонъ былъ обманутъ ими о наличіи несуществующаго согласія Константинопольскаго Патріарха на судъ надъ Никономъ, причемъ Лигаридъ дѣйствовалъ на основаніи подложныхъ полномочій на представительство Константинопольскаго Патріарха.

Необходимость для бояръ, поддерживать версію о Никонѣ, какъ о человѣкѣ полупреступномъ.

Безъ этого бояре не могли быть застрахованными отъ возстановленія Никона. Въ ихъ интересахъ было поддерживать и версію о Никонѣ какъ о человѣкѣ почти преступномъ, или просто преступномъ, ибо самый его уходъ не былъ вовсе преступленіемъ, а дѣяніемъ архипастыря, воздѣйствовашаго на непокорное въ церковныхъ дѣлахъ стадо. Безъ очерненія же Никона бояре оказывались въ незавидномъ положеніи гонителей выдающагося геніальнаго человѣка и одного изъ лучшихъ архипастырей русской Церкви, по признанію даже иностранцевъ его времени, посѣщавшихъ Москву, иностранныхъ и свѣтскихъ и церковныхъ историковъ позднѣйшаго времени, независимо отъ вѣроисповѣданія. **Лишь марая его приписываніемъ ему всякихъ пороковъ, они реабилитировали себя отъ пятна, лежащаго на нихъ за гоненіе невиннаго и великаго человѣка.** Съ Никономъ можно связывать цѣлое направленіе культуры. Если въ свѣтской сферѣ, какъ регентъ, онъ подготавливалъ дѣянія Петра, то въ церковной охранялъ вѣками сложившееся церковное устройство, соответствующее канонамъ, отъ разрушенія бояръ и того же Петра, не понявшаго значенія Церкви самой по себѣ и нигилистически постепенно на протяженіи 24 лѣтъ аннулировавшаго, какъ мы увидимъ, ея общественное значеніе въ государствѣ, устранившаго ту симфонию Церкви и государства, которая лежала въ основѣ Московскаго государственнаго строя, и замѣнившаго ее утилитарными теоріями современной ему философіи. Но не онъ началъ эту работу. Ее начали бояре при Алексѣе Михайловичѣ, которые черезъ „Уложеніе“ дали ходъ секуляризаціоннымъ идеямъ вѣка, а потомъ низвергли Никона за противодѣйствіе этому Уложенію, за то, что онъ-крестьянскій сынъ, монахъ, своимъ геніемъ возвысился до положенія властителя, совѣтника Государя и затѣнилъ ихъ, вельможныхъ бояръ. Творческому генію Никона была противопоставлена сплоченная интрига цѣлаго класса, окружающаго Царя и въ своихъ рукахъ держащаго управленіе государствомъ, интрига, которая втянула въ себя Царя и заразила его. Лигаридъ служилъ этимъ интересамъ и написалъ „Исторію суда надъ Никономъ“, гдѣ высказалъ о немъ ложные пристрастные взгляды, которые много содѣйствовали затемненію истиннаго образа Никона.

Паисій Лигаридъ выступалъ въ качествѣ боярскаго адвоката. Съ самаго своего прибытія въ Москву 28 апр. 1662 г. никѣмъ не зван-

ный, никѣмъ не посланный, Лигаридъ явился къ предсѣдателю Литовскаго Приказа Симеону Лукьяновичу Стрешневу, незадолго до того отлученному Никономъ, и черезъ него представленъ былъ синклиту и Царю, и они приняли его сразу, какъ „Ангела Божія" и сдѣлали его своимъ совѣтникомъ и руководителемъ всего дѣла противъ Патріарха, противъ котораго, по ихъ мнѣнію, еще ничего не было сдѣлано, разъ онъ не лишенъ священства.

Пальмеръ сопоставляетъ появленіе Лигарида въ Москвѣ 28 апр. и его выступленіе въ устройствѣ дѣлъ Русской Церкви черезъ 2 мѣсяца послѣ анаѣемъ, произнесенныхъ Никономъ 16 февраля, съ проказой на челѣ Царя Осіи послѣ того, какъ онъ, несмотря на протестъ священника Азарія, взялся за кажденіе въ алтарѣ. Подготовивъ все дѣло, на процессѣ противъ Никона Лигаридъ совершенно не выступалъ, хотя неоднократно былъ задѣтъ Никономъ, разоблачившимъ въ его присутствіи его неправославіе и фактъ его отлученія Іерусалимскимъ Патріархомъ, но тогда повѣрили Патріарху Макарію, ложно засвидѣтельствовавшему въ судѣ 1 декабря, что Лигаридъ поставленъ въ дьяконы и попы въ Іерусалимѣ. Отношеніе бояръ къ Лигариду и Никону очень характерно. Одинъ ненавистенъ, ибо не потакаетъ въ страстяхъ и отстаиваетъ Церковь, другой потакаетъ страстямъ — властолюбію, честолюбію, и потому приѣмлемъ, какъ Ангель Божій. За то на перваго клеветуютъ и возводятъ небылицы, а другого превозносятъ, несмотря на явныя преступленія, полную продажность. Этимъ страстямъ принесена въ жертву и каноническая правда. Пальмеръ пишетъ: (V, 745—746) „Лигаридъ былъ принятъ, хотя былъ неизвѣстенъ и не имѣлъ грамотъ о своемъ положеніи, а Никонъ былъ отвергнутъ, хотя всѣ клялись ему повиноваться. Лигаридъ былъ посылаемъ судить Никона въ 1663 г. въ Воскресенскій монастырь за проклятіе, будто бы изнесенное на Царя, ибо Лигаридъ служилъ боярамъ и Царю, а Никонъ за отказъ служить боярамъ и Царю былъ объявленъ низложеннымъ и осудившимъ самого себя. Царь посвящалъ Епископовъ и переводилъ ихъ черезъ благословеніе Лигарида и возложеніе имъ рукъ. Но благословеніе Никона отвергалось, и его анаѣема игнорировалась. Чѣмъ больше появлялось извѣстій о Лигаридѣ, чѣмъ серьезнѣй они становились, тѣмъ болѣе настойчиво и безстыдно онъ поддерживался даже при полномъ знаніи фактовъ; а съ Никономъ обходились, какъ съ преступникомъ, прежде даже обвиненія, и осудили его въ 1660 г., не призывая на судъ; а когда позвали на судъ, то позвали не для изслѣдованія дѣла, но какъ уже осу-

жденнаго для того, чтобы прибавить новыя обвиненія во время самаго процесса. Лигаридъ, бывшій подъ анаѳемой и виновный въ самыхъ нечистыхъ грѣхахъ, не былъ отпущенъ, когда передъ прїѣздомъ восточныхъ Патріарховъ захотѣлъ уѣхать, чтобы съ ними не встрѣчаться, какъ человѣкъ имъ извѣстный, а былъ приставленъ ихъ освѣдомить и приготовить обвиненіе для суда надъ Никономъ. Онъ переводилъ на латинскій и контролировалъ переводы на русскій языкъ патріаршихъ свитковъ, въ большей мѣрѣ имъ самимъ составленныхъ или внушенныхъ; онъ присутствовалъ на соборномъ судѣ, подписывалъ его дѣянія вмѣстѣ съ актомъ о низложеніи Никона, затѣмъ послѣ Собора стремился успокоить совѣсть нѣкоторыхъ Епископовъ и установить принципъ абсолютной неограниченности царской власти. Онъ участвовалъ въ избраніи и поставленіи и новаго Патріарха, участвовалъ съ Патріархомъ и епископами въ муровареніи, сослужилъ и пріобщался съ ними на пасхальной недѣлѣ 1667 г., а Никонъ въ это время былъ низвергнутъ изъ священнаго сана и заточенъ подъ стражей въ отдаленномъ монастырѣ. Это красочное сопоставленіе отношеній боярства къ Никону и Лигариду, сдѣланное Пальмеромъ, иллюстрируетъ, что Московскому правительству нужна была не правда, а безпринципное служеніе іерарховъ его страстямъ. Толчокъ, данный Никоновскимъ низложеніемъ, привелъ къ дальнѣйшимъ церковнымъ реформамъ Петра 1700-1724 г., несмотря на непродолжительную реакцію 1667—1700, а Никоновскимъ идеямъ Руси оцерковленной и святой, поскольку онѣ должны отражаться и въ церковномъ устройствѣ и управленіи, приходится до сей поры ждать своего осуществленія. О предотвращеніи несчастія отъ нечестиваго суда и гибели царства писалъ Никонъ Царю послѣ своего прихода въ Москву въ декабрѣ 1664 г.: „мы не уклоняемся отъ Собора, скорѣе привѣтствуемъ твое намѣреніе, какъ благочестивое, если Патріархи сами намѣрены прибыть сюда и судить обо всемъ по Божественнымъ заповѣдямъ Евангелія и по канонамъ Апостоловъ и Святыхъ Отцовъ. Да, мы не противимся. Но мы умоляемъ твое благородіе выслушать эти наши немногія слова увѣщанія съ кротостью и терпѣніемъ. Твое благородіе нашло правильнымъ созвать послѣ нашего ухода митрополитовъ, епископовъ и архимандритовъ, чтобы поставить судъ, противный Божественнымъ заповѣдямъ, ибо никакой канонъ не уполномачиваетъ Епископовъ судить своего Патріарха, особенно, когда они посвящены имъ, да еще судить заглазно." Приведя Евангельскія слова о судѣ противъ Христа, Никонъ

продолжаетъ: „видишь, христіаннѣйшій Царь, даже среди дикой злобы евреевъ ничего не было сдѣлано безъ установленной законной формы или безъ свидѣтелей или въ отсутствіе обвиняемаго, хотя они сдѣлали всенечестиво. Поэтому Онъ сказалъ: „тотъ, кто предалъ Меня тебѣ, совершилъ большій грѣхъ". Такъ и тотъ, кто побудилъ противъ меня твое благородіе (бояре), имѣють большій грѣхъ. Если Соборъ осудилъ меня только за мой уходъ, то онъ долженъ равно осудить и Самого Христа, ибо Онъ часто уходилъ отъ злобы евреевъ... Я пишу тебѣ не изъ стремленія на патриаршій престолъ; мое желаніе — чтобы Святая Церковь была безъ смуты и чтобы ты не навлекъ на себя грѣхъ въ очахъ Божіихъ. Я пишу не изъ боязни великаго Собора за себя, **но не желая навлечь несчастье на твое священное царство"**. Никонъ между прочимъ предупреждаетъ Царя противъ порученія дѣла іеродіакону Мелетію ибо онъ извѣстенъ ему, какъ поддѣлыватель чужихъ подписей и печатей. Слова Никона о несчастіи для царства можно почитать пророческими. Паденіе Никона надо считать несчастьемъ для царства, если сопоставить то, что онъ защищалъ, съ тѣмъ, что было поколеблено въ результатъ его паденія, а именно прежнее общественное значеніе Церкви въ Русскомъ Государствѣ. Прежде мы остановимся еще на самомъ судѣ.